

МАКСИМ МАРУХ

ИГРА ЛАЗАРЯ

Максим Марух

Игра Лазаря

«Accent Graphics communications»

2011

Марух М.

Игра Лазаря / М. Марух — «Accent Graphics communications»,
2011

Что происходит в душе первой красавицы факультета, когда однажды утром она ложится в ванну и вскрывает себе вены? Что заставляет троечника и неудачника заявиться в школу с овчаркой и спустить ее на одноклассников? Что, если за внешней оболочкой каждого человека скрыт еще один мир, совсем непохожий на реальный? Мир, где эмоции обретают физическую форму, а фантазии и реальность соединяются воедино. Мир со своими правилами и законами. Мир, населенный чувствами, воплощенными в людях и сказочных существах. И если научиться управлять этим миром, можно превратить человека в марионетку, способную на все.

© Марух М., 2011

© Accent Graphics
communications, 2011

Содержание

Пролог	6
Часть 1. День закрытых дверей	7
Глава 1. Восемь из десяти	7
1	7
2	9
3	10
4	12
5	14
Глава 2. День закрытых дверей	18
1	18
2	19
3	21
4	24
5	26
6	27
7	28
Глава 3. Говорят выжившие	30
1	30
2	32
3	33
4	34
5	34
6	36
7	37
8	37
Глава 4. Девять из десяти	43
1	43
2	45
3	45
4	47
5	48
6	49
7	50
8	51
9	53
10	54
11	55
Глава 5. Схема	58
1	58
2	58
3	59
4	60
5	63
6	63
7	65
8	66

9	66
10	67
11	69
12	71
Глава 6. Десять из десяти	73
1	73
2	74
3	75
4	76
5	77
6	78
7	79
8	83
9	84
10	86
Глава 7. День открытых дверей	87
1	87
2	87
3	88
4	90
5	90
Часть 2. Самый верный брат	94
Глава 1. Я тебя помню	94
1	94
2	97
3	98
4	99
5	100
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Марух Максим Юрьевич

Игра лазаря

Пролог

Соседи всё время забывали закрывать на лестничной площадке окно, когда выходили курить, и капитальная стена промерзала насквозь. В ванной комнате было так холодно, что Катя ёжилась, ступая босыми ногами по ледяному кафелю. Холод донимал, но не беспокоил её – подхватить простуду она уже не боялась.

Она прикрыла дверь и стала раздеваться. Руки дрожали, а пальцы не желали слушаться, когда она стягивала с себя юбку и майку. Наконец она справилась с нижним бельём, выпрямилась и только теперь заметила своё отражение в зеркале над раковиной. Оттуда взирало худое рыжеволосое существо, похожее на измученную дворнягу. Синяки на груди ещё были свежи. В сочетании с бурными отметинами на животе и запястьях, дворняга из зеркала выглядела жертвой не слишком заботливого хозяина.

Странно, но до этого момента ей совсем не хотелось плакать, а теперь вдруг слёзы разрушили невидимую плотину и сами нашли дорогу вниз по щекам. Катя облизала мокрые губы и поморщилась. В последнее время она испытывала от вкуса слёз то же самое, что утопающий испытывает от вкуса морской воды.

Катя резко отвернулась от зеркала, наклонилась над ванной и пустила горячую воду. Комната стала заполняться паром и теплом, но озноб никак не проходил. Чтобы поскорее согреться, Катя закупорила пробкой сливное отверстие, перешагнула через эмалированный борт и улеглась на дно.

Вода медленно поднималась вверх, погружая в себя сначала ягодицы, потом бёдра, живот, грудь. Когда воды стало по шею, Катя отрегулировала напор так, чтобы приток успевал уходить в слив. Выключить кран полностью не хотелось – звук стонущих в стене труб нравился ей больше, чем его отсутствие.

Пар густыми клубами окутал ванную. Зеркало запотело, в мутной дымке на смену реальности явились искажённые, размытые образы. Катя всмотрелась в них и увидела себя – ещё живую, ещё настоящую. Но то был лишь образ из прошлой жизни, которой уже не вернуть. Слёзы с удушающей силой сдавили горло, стало больно глотать. Никогда прежде не приходилось ей дрожать от холода в ванной, полной горячей воды.

Перед глазами вставали картины, одна уродливее другой. В ушах звенели слова, каждое новое больнее предыдущего. В памяти всплывали тошнотворные ощущения, чью мерзость никогда не смыть водой. Но всё это меркло перед тем, что произошло здесь всего несколько минут назад. Оно-то и стало последним кубиком на вершине шаткой башни, который окончательно нарушил равновесие.

И башня полетела ко всем чертям.

– Тебе никто ничего не предлагал, – напомнила себе Катя. – Ты сама всё придумала.

Ощущая боль от ушибов в груди, она потянулась к стеклянной этажерке у зеркала. Там её дожидались опасные лезвия в маленькой бумажной пачке.

Вода по-прежнему циркулировала, но всё равно не успевала очищаться. Ванну заполнял дурно пахнущий кумачовый сироп. Изломанные, перепачканные кровью лезвия валялись на кафельном полу – Катя извела всю пачку. Девушка медленно засыпала в горячей ванной, казавшейся ей теперь ледяной купелью, и едва заметила, как дверь в ванную открылась. Превозможная навалившаяся сонливость, она подняла тяжёлые веки и посмотрела на вошедшего.

В дверях стоял совершенно незнакомый молодой человек.

Часть 1. День закрытых дверей

Глава 1. Восемь из десяти

«Кто спасает одну жизнь, спасает целый мир».
– Талмуд.

1

От удара о стену дверь подпрыгнула, и четверо в спальне подпрыгнули вместе с ней. Щурясь и что-то бормоча, они подслеповато вглядывались в пришельца, застывшего в дверном проёме.

Из коридора потянуло свежим воздухом, и обитатели душевной спальни стали оживать. Один из них – коренастый юноша в джинсовой рубашке, метнулся к окну и раздёрнул шторы. Комнату озарил ослепительный солнечный свет, нетипичный для Ростовской зимы. Обычно его заслоняет свинцовый заслон облаков, но сегодня небо было чистым и с непривычки казалось почти индиговым.

Лазарь переступил порог и оглядел спальню. Как всегда непритязательная и опрятная. Посередине так называемая «приёмная зона»: разохшийся скрипучий диван, напротив два траченных молью кресла, разделённых торшером на гибкой стойке. От входа, через «приёмную зону» и до двери на балкон протянулся линиялый зелёный палас, похожий на сброшенную змеиную шкуру. Слева доисторический кривоногий шифоньер с резными дверцами, справа односпальная кровать на металлической сетке с тумбочкой у изголовья. К окну в дальней стене приставлена облезлая школьная парта, заменявшая письменный стол.

– А, это ты... – вздохнул тот, кто раздвинул шторы.

Широкое крестьянское лицо, русые волосы, стриженные ёжиком, по-собачьи грустные карие глаза. Это Сенсор.

– Я уж думал, нас грабят.

Оставшиеся на диване мальчишка и две девушки постарше многозначительно переглянулись.

Лазарь закрыл дверь, пересёк комнату и плюхнулся в свободное кресло. Блаженно вытянул длиннющие ноги, соединил кончики растрескавшихся от постоянного контакта с краской и скипидаром пальцев, шумно выдохнул и замер. В его торжественной позе было что-то от самодержца, готового выслушать депешу заморских вестников. В высоком зеркале на дверце шифоньера Лазарь отметил, что на позе сходство заканчивается: костлявое лицо, непуганая бритвой щетина, чёрные спутанные волосы, визуальное увеличение и без того немаленький череп на полразмера, отчего тот похож на меховой микрофон. Корону на такой точно не наденешь...

На фоне общей полусонной неопрятности выделялись серые глаза. Живые и энергичные – сейчас они въедливо изучали каждого из присутствующих в комнате.

– Ты бы форточку, что ли, открыл, Сенс. Дышать нечем.

Сенсор торопливо вернулся на диван, отмахнулся:

– Потом проветрим. Где пропадал опять?

Лазарь выудил из кармана серебристый ключ, задумчиво повертел в пальцах и спрятал обратно. Меньше всего ему хотелось сейчас вдаваться в подробности. Назойливым расспросам о себе лучше предпочесть содержательные ответы для себя.

– Так, – неопределённо ответил он, – мотался там и сям. Погодка вроде ничего. Я так понял, здешняя затхлость отдаёт духом свежей Игры?

Первый выстрел и сразу в яблочко – четверо на диване снова обменялись таинственными взглядами. Многообещающее начало, если, конечно, они не планировали здесь организацию чьего-то дня рождения.

Лазарь выжидающе забарабанил пальцами по подлокотнику кресла, но ответа не последовало. Стало быть, ждут ещё одного вопроса.

– И Игра интересная. Там, небось, жуть как круто? – Вопросы, уже содержащие в себе ответы, особенно эффектны. – Она хоть молоденькая?

Сенсор заметно напрягся.

– С чего решил, что это она? – спросил он, изображая непринуждённое удивление. Ему почти удалось, если не считать выступившего на щеках румянца. Минуту назад его там не было. Лазарь улыбнулся про себя – слишком хорошо он знал эти щёки.

– Стало быть, молоденькая. Симпатяшка?

Одна из девушек фыркнула, раздражённо скрестила на груди руки.

Заострённые черты лица, светлые волосы до плеч, распушённые природой настолько, что в них легко застрянет небольшой канцелярский предмет. Это Дарения.

– Определённо, симпатяшка, – сам себе ответил Лазарь.

– Не угадал. Страшная, как ядерный взрыв, – в разговор вступила Айма, вторая девушка в комнате.

Держалась она деловито, как и подобает старшей. Ей двадцать два, но из-за миниатюрной фигурки, присущей всем азиаткам, выглядит она моложе. Если не заглядывать в лицо. Не по росту серьёзное, скупое на улыбки, чуть нагловатое. Лицо и тело уравнивают друг друга и выдают реальный возраст.

– Да ещё калека, – поддержала подругу Дарения. – С протезом ниже колена.

Прикрыв рот ладонью, Лазарь изобразил пароксизм тошноты. Получилось весьма правдоподобно – что-что, а кривляться у него талант.

Марсен – конопатый мальчишка, до сих пор хранивший молчание, вскинул белёсую голову и громко доложил:

– Не слушай их, Лазарь! Сенс сказал, она клёвая!

– А ты чего лезешь, мелкий подхалим? – вспыхнула Айма.

– Сама дура! Ой!

Марс получил от японки подзатыльник, но в долгу не остался и тут же запустил пальцы в блестящие волосы девушки. На выручку Аиме пришла Дарения и принялась шлёпать Марса ладошками по спине. Била она скорее для вида, чем для дела – неуверенно и не больно.

Лазарь встал с кресла, перешагнул через ноги дерущихся и открыл окно. В узкий прямоугольник форточки ворвался, точно под напором кузнечных мехов, студёный зимний воздух.

– Надо бы прикрутить котёл. Радиаторы на всю катушку жарят.

Сенсор с трудом уgomонил Марсена и Айму и втиснулся между ними во избежание рецидива.

– Прикрутим. Ладно, Коломбо, колись давай. Когда и откуда узнал?

Адреналин вмешался в кровь, словно кто-то закачал его через шприц. Стало быть, победа. И новая Игра.

Лазарь уселся на подоконник, привалился спиной к холодному стеклу.

– Когда увидел твою тачку у ворот. До обеда ещё час, значит, ты приехал не обедать. Да и спальня твоя на один этаж выше кухни. Шторы задёрнуты, но спать тоже вроде бы рано. Диапроектора у нас нет, значит, вы тут не диафильмы смотрите. Зато вместо диапроектора у вас Дарения – показывает мультики про несчастную одноногую Хиросиму.

Японка цокнула языком:

- Хиросима – это город.
 - А что «она» как узнал? – допытывался Сенс.
 - По выражению лиц Инь и Ян. Так соперживать могут только женщины и только представительницам своего пола.
 - Чтоб ты знал – Ян, вообще-то, мужской архетип, – сардонически заметила Дара.
- Лазарь наморщил лоб:
- Ну, должен же кто-то в вашей парочке выступать за мальчика.
- Марсен и Сенсор прыснули со смеху, и даже девушки не смогли скрыть улыбки, коротко переглянувшись между собой.
- По оперативности, с которой нарисовался Сенсор, можно предположить, что девушка эта юная и привлекательная. А по роже Малого становится ясно, что там круче, чем в Диснейленде.
- Лазарь давно уяснил себе, что для анализа людей, с которыми знаком достаточно долго, дедукция бесполезна, как бесполезна она дрессировщику обезьянки в том, чтобы понимать, что у неё на уме. На смену логике приходит простая наблюдательность, и когда обезьянка почешет однажды нос, и все вокруг решат, что у неё чешется нос, только дрессировщик будет знать, что чешется на самом деле не нос, а глаз.
- Айма закатила глаза:
- Ладно, Сенс нашёл Инь. Отпусти пару сексистских шуточек насчёт меня и Дары и давай к делу.
 - Симпатичный Инь, – неохотно признал Сенсор. – Не в этом ведь дело...
- Лазарь вопросительно посмотрел на Марсена.
- Там суперски! – охотно подтвердил мальчишка.
 - Супер!
- Лазарь легко соскочил с подоконника и зашагал к выходу из комнаты. День обещал быть насыщенным – ну, кто бы мог подумать!
- Да, и нам надо это обсудить, – серьёзно сказала Дара. – Ты куда намылился?
 - Мылить руки. Обсудим за обедом. Важные дела на голодный желудок решать не рекомендуется.

2

Загородный коттедж, служивший домом Лазарю и его друзьям, имел достаточно внушительные размеры – вместе с мансардой получалось три этажа. Однако несмотря на свои габариты, коттедж выглядел до того скудно, что посторонний человек, проходя мимо, мог подумать, что он ещё не достроен, не обжит, а то и вовсе брошен.

Деньги вкладывались в постройку беспорядочно, словно каждый этап работ определялся не прорабом, а колесом фортуны. Фасад здания был обложен снаружи кирпичом, остальным сторонам повезло меньше – они бесстыдно щеголяли дешёвыми керамзитовыми блоками, из которых собиралась коробка. Цоколь пытались декорировать каким-то серым ноздреватым камнем, но бросили на половине. Водосточные трубы отсутствовали, зато желоба для сбора дождевой воды стояли по всему периметру крыши. Деревянные наличники на окнах забыли покрасить, там и сям на них цвёл чёрно-зелёный грибок. И только две плоские дымоходные трубы на крыше могли выдавать присутствие жильцов, курясь сизыми струями дыма.

Участок перед домом оставили крохотный, места хватало только на одну машину, да на пару Т-образных шестов, соединённых бельевыми верёвками. От калитки в воротах и до крыльца тянулась через дворик битая асфальтовая дорожка. Крыльцо вело в небольшой тамбур с лавками для обуви и крючками для одежды, а тот в прихожую. Две несущие колонны слева от прихожей обозначали начало гостиной: обширного помещения с камином и резными

двустворчатыми дверями на веранду, примыкавшую к западной стороне дома. Когда-то это была просто терраса, но потом к ней пристроили навес и огородили балюстрадой. Следом за гостиной располагалась просторная кухня, а за ней прихожая упиралась в винтовую лестницу на второй этаж.

На втором этаже было четыре спальни – по две с каждой стороны широкого прохода – и туалет в восточном конце. Спальни Лазаря и Сенса были смежными, каждая имела выход на общий и единственный в доме балкон, заменявший крыльцо козырёк. Мансардный этаж давно превратился в кладовку, забитую всяким хламом.

Внутренняя отделка коттеджа была под стать внешней. Убранство вокруг имело сумбурный, нищенский вид. Стены без обоев, грубо оштукатуренные, дощатый пол не окрашен. Мебель всюду разная, но одинаково старая и обветшалая. И только двери, словно близнецы братья, как на подбор – дорогие, из цельного древесного массива. Вероятно, покупались ещё до того, как хозяину стройки предоставили первую смету.

3

Впятером спустились на кухню. Лазарь, Сенсор и Марс ждали за обеденным столом, пока Айма и Дара разливали по тарелкам дежурное блюдо – горячий мясной суп. Лазарь всегда считал, что у любого дежурного блюда есть один недостаток – рано или поздно от него кого угодно начнёт тошнить. Но пока суп ему нравился, он не спешил сообщать о своей точке зрения.

– А где Матвей? – спросила Дара, переноса тарелки на стол. – Вроде был утром.

– Был, – подтвердил Сенсор. – Попросил машину, когда я приехал. Дела у него какие-то в городе.

– Не уточнил какие?

– Не знаю. Может, по работе.

Лазарь, занятый складыванием самолётки из бумажной салфетки, поднял глаза:

– Конечно, он не уточнил. И уж точно не по работе – по воскресеньям даже крутые коммерсы обедают дома.

Два месяца назад Матвей подался в бизнесмены. На площади имени Гагарина – единственной в городе точке питания для тех, кто не успел поужинать до полуночи и предпочитает не задумываться о происхождении мяса в местной шаурме, – Матвей арендовал ларёк, торгующий цыплятами-гриль. Во сколько ему обошлась аренда не знал никто, кроме Аймы и, может быть, Дары. О том, какую прибыль приносит ларёк (и приносит ли вообще) знала лишь продавщица, работавшая там с самого начала, и, может быть, Матвей. О том, как долго продлится новое увлечение Матвея, не знал, пожалуй, даже он сам. Впрочем, пока в домашнем холодильнике исправно появлялись фольговые пакеты со свежими курочками внутри, финансовое положение Матвея вполне устраивало всех.

– Ты про что? – Сенс изобразил недоумение.

Лазарь не сомневался, что тот его понял сразу, по природе своего характера предпочёл не делать поспешных выводов. По крайней мере, пока не убедится, что причинённые этими выводами неудобства не лягут тяжким бременем на совесть. К счастью, для очищения совести у него всегда был Лазарь.

– Я про то, что понятно даже идиоту, – Лазарь оглядел друзей. – Наш гордый «Варяг» погнался в последний бой, разве не понятно? Поздравляю, Сенс – ты даже не идиот.

Сенсор пропустил оскорбление мимо ушей. Он делал так часто, потому что делал так всегда.

Вообще-то лучше Сенса у Лазаря друга нет, хотя в данной ситуации такая формулировка не совсем верна. Слово «лучше» подразумевает наличие альтернативы – должен быть, по край-

ней мере, один человек, способный составить конкуренцию. В случае Лазаря Сенс был вне конкуренции.

Они дружили с самого детства. Вместе росли, вместе служили в армии, а теперь вот вместе работали и жили под одной крышей. Лазарь всегда был с «закидонами», как называла это мать Сенса. Что касается её сына, то по счастливому стечению обстоятельств он родился с неисчерпаемым, прямо-таки христианским терпением к людям и их «закидонам». Это врождённое уродство, плюс немного удачи (чета Райновских переехала на улицу Лазаря сразу после рождения Сенса), и заложили основу будущей дружбы.

Вся история их отношений насчитывала одну единственную ссору – не считая по мелочам, действительно серьёзную ссору. Шёл девятый класс школы, дело было в школьной раздевалке перед первым уроком. Пустяковая размолвка из-за очередного прогула занятий в пользу кинотеатра, в котором Сенс отказался участвовать, благодаря бескостному языку Лазаря переросла в настоящую склоку. Дело едва не дошло до рукопашной. Вовремя остановился Сенс – как всегда.

Лазарь тогда наговорил кучу гадостей – он умел ударить по больному, когда хотел. Нашу-пав болевую точку, он проезжался по ней снова и снова, пока не раскатывал до размеров кровотока мозоли. Независимо от степени своей правоты (или неправоты) его слово должно было остаться последним.

В то время Сенс имел проблемы с лишним весом и соответствующие комплексы, которые компенсировал усердным обгрызанием гранита науки. В этом направлении Лазарь и повёл атаку. Его так понесло, что скоро диалог больше напоминал монолог. Сенс оставил всякие попытки защититься и просто слушал, ничего не говоря в ответ. Когда поток помоев на его голову иссяк, он помолчал, а потом сказал нечто такое, что Лазарь запомнил почти дословно:

– Людям нравится общаться с тобой, – сказал он, и Лазарь заметил, как сильно дрожит его голос. – Им легко в твоей компании, даже когда ты ведёшь себя, как плюющийся верблюд. Но тебе плевать и на это. Твой плевок только в тебя попасть и не может. Ты мог бы иметь миллион друзей, но вместо единицы с шестью нулями у тебя осталась единица. И эта единица – я.

В тот день Сенс прогулял все уроки. Лазарь же, напротив, не пропустил ни одного. Сидя на галёрке, в полном одиночестве, он снова и снова повторял в уме отповедь Сенса, словно вызубрить её наизусть было домашним заданием, которое он не успел подготовить в срок.

Они не общались две недели – самые ужасные две недели в жизни Лазаря. В конце концов он заговорил с Сенсом первым. И первым извинился – не как всегда.

С тех пор плевать Лазарь так и не перестал, но всегда соизмерял количество слюны, когда дело касалось его лучшего друга. Всего, что осталось от единицы с шестью нулями.

– Если знаешь что-то про Матвея, говори прямо, – потребовал Сенс. – Осточертели твои метафоры.

– Ничего такого, что заставило бы всех покраснеть, – ответил Лазарь. – Видел только, как он бежит к твоей тачке, да так быстро, будто за ним гонится его же совесть. Странновато получается, а? Нас ни во что не посвящает, Дару в помощь не берёт. И даже верный «Кореец», вместо того чтобы мчаться на подмогу, сидит почему-то здесь.

– Верный «Кореец» знает, куда и зачем отправился его крейсер. И это никак не связано с Игрой, – безмятежно отозвалась Айма.

– Хочешь сказать, Матвей слил Игру? – прищурился Сенсор.

Лазарь пожал плечами:

– Либо уже, либо вот-вот. В любом случае, нырять в дерьмо приятней без свидетелей.

Марс угодливо и фальшиво расхохотался – этот мальчишка знает, чего хочет от жизни.

– Очень уместная метафора, – поморщилась Дарения. – Прям застольная.

Неуместная, но к месту. Что бы там ни говорила Айма, а Матвей облажался – сомнений в этом у Лазаря почти не осталось. Как и с щеками Сенса, муки совести на мордочке обезьянки

по кличке Матвей сегодня читались на раз. Работа в инсонах сродни работе кардиохирурга – в случае неудачи объект ошибки теряет несравненно больше того, кто эту ошибку совершил. В мире торжества логики и справедливости такой уклад – преступный абсурд. В мире реальном – большое везение.

Лазарь снова взялся за самолётник, но взлететь бедняге сегодня было не суждено – Айма расплющила бумажную поделку тарелкой с супом:

– Кушайте, не обляпайтесь.

– Будем считать, что пилотом был камикадзе... – молитвенно сложив ладони вместе, Лазарь согнулся перед японкой в патетичном поклоне: – Domo Arigato, onna-bugeisha!

Когда никто на них не смотрел, Лазарь шепнул Марсу на ухо:

– На японском: «большое спасибо, девочка-гейша».

Ничего не поняв, мальчишка захихикал в кулак.

4

Трапеза протекала в полной тишине – болтать во время еды здесь было не принято. В воздухе витало напряжённое нетерпение. Все знали, о чём пойдёт речь после обеда, и ели предвкусывая.

Марсен справился со своей порцией быстрее всех. Небрежно утёр губы тыльной стороной ладони и огляделся по сторонам:

– Второго не будет, что ли?

– Вообще-то, неплохо бы услышать спасибо за первое, – отчеканила Дара.

Насупившись, Марс пробормотал «спасибо».

Тарелки отнесли в раковину, и девушки подали чай.

– С продуктами швах, – Айма поставила на стол корзину со сладкими сухарями. – Поеду в город, прикуплю кое-чего.

Попрощавшись с Дарой и наградив напоследок Лазаря пренебрежительным взглядом, Айма вышла из кухни.

– Ты правда веришь, что верный «Кореец» отправился за продуктами? – обратился Лазарь к Даре, наблюдая через окно, как японка пресекает заснеженный двор. – Слушай, у вас действительно дружба, или это просто секс?

Дарения уже открыла рот, чтобы ответить, но Лазарь остановил её движением руки:

– Ладно, давайте к делу.

Все сразу замерли и притихли. Так притихают зрители в кинозале, когда гаснут последние огни и на экране зажигаются вступительные титры. Вот он – момент истины. Новая Игра, новый случай – он, как аттракцион в луна-парке, на котором никогда не катался прежде. Страшный аттракцион. С кульбитами и сальто, с головокружением, тошнотой и треском в рёбрах. Ведущий Игры не признаёт обычных каруселей с нанизанными на шесты лошадками. Своих лошадок он пустит в галоп; они будут бить электрическим током всякий раз, когда захочется схватиться за шест. Лазарь знал эту кухню, пожалуй, лучше, чем кто-либо другой – ведь он один из тех, кого здесь называют Бегуном.

Сенсор отпил чая, откашлялся и стал рассказывать. Он начал таксовать, как обычно, с восьми утра. Не считая праздников и гуляний, по утрам в будни самая большая текучка народа – соответственно, и «охват» намного шире. Часов в десять заехал в аптеку – голова раскалывалась. Там её и почувствовал.

У окошка собралась очередь, человек пять. Две бабки с сумками, за ними рыжая девушка лет восемнадцати-девятнадцати, потом тучный мужик, а в конце парнишка, не старше Марса. «Локатор» Сенса улавливает эманации Игры, но чтобы найти их источник, необходим тактиль-

ный контакт. Первыми под подозрение попали девчонка и пацан – остальные были староваты для Игры. Но на всякий случай Сенс решил проверить всех.

Медленно пошёл мимо очереди к окошку. Вразвалку так, вроде ему спросить что-то нужно. И мимоходом каждого зондирует. К девчонке подошёл – чувство усилилось. Тут как раз суматоха началась, одна из тёток стала шуметь на аптекаршу – что-то ей в ценниках не понравилось. Рыжая была без шапки, а волосы длинные – то, что надо. Не долго думая, Сенс решился под шумок отрезать прядь. Потянулся, притронулся – и его как током прошибло! Она это была, бабок он даже трогать не стал.

– Ну, конечно, – ввернул Лазарь, – зачем Тотоше старые калоши, когда есть сладкие булочки?

Спрятав прядь в карман, Сенс спросил какую-то ерунду в окошко и стал обратно в конец очереди. Бабки ушли, подошла она.

– Мне почему-то сразу показалось, что у девчонки не все дома, – неожиданно заявил он.

Дара недоверчиво улыбнулась:

– Это ещё почему?

– Ну, например, она без сумочки была... Нет, ну какая девчонка в здравом уме куда-нибудь без сумки ходит?

Дарения чуть чаем не захлебнулась:

– Да ну?! То есть, чтобы выскочить ненадолго в аптеку надо обязательно тащить сумку?

– Про аптеку вам Сенс не рассказывал? – догадался Лазарь.

– Нет. Приехал, глаза горят. Говорит, нашёл кого-то – ну, мы и решили сразу посмотреть.

Вот он теперь насмотрелся и корчит из себя сыщика.

– Говорю тебе, Дара, странная она, – упирался Сенс. – Неухоженная, ненакрашенная. На лунатичку похожа.

– Как ненакрашенная, так сразу лунатичка? Аптека, сумочка, косметика – железные аргументы!

Лазарь задумался. Возможно, Сенс действительно немного перегибал, играя в него – Лазаря. С ним иногда такое случалось. И всё же он не из тех, кто подгоняет факты под заранее заготовленную гипотезу, дабы потрафить публике или собственному эго. Для этой роскоши он до омерзения ответственная обезьянка.

Сенсор устало вздохнул:

– Короче, давай не будем спорить. Ты ещё не всё знаешь. Мне дальше рассказывать или как?

– Рассказывай, – разрешил Лазарь.

Подошла очередь рыжей. Девчонка заглянула в окошко и тихо что-то спросила. Аптекарша не расслышала и переспрашивает – мол, повтори громче. Рыжая помолчала-помолчала, как будто засомневалась – сказать или нет.

– А потом развернулась на каблуках и как рванёт из аптеки – только её и видели, – закончил свой рассказ Сенсор.

– Далеко рванула? – спросил Лазарь.

– Недалеко. Я её незаметно до подъезда проводил, так что адресок у нас есть.

– Название лекарства запомнил?

Сенсор пошарил по карманам, выудил скомканную бумажку, похожую на чек с автозаправочной станции, развернул и прочёл вслух:

– «Ризеридон» или «Респивидон» – как-то. Честно говоря, не очень расслышал.

Звучало серьёзно. В глубине души Лазарь ожидал чего-то подобного. Не стал бы Сенс наговаривать на девчонку, явись она за леденцами для горла.

– Так, Малой, – обратился он к Марсену, – сейчас мухой летишь к Матвею, включаешь компьютер и ищешь в Интернете всё, что сможешь об этом «доне».

Марс неуверенно поднялся со стула:

– Я ж не войду. Матвей дверь запирает...

– Дубликат ключа спрятан в гостиной. В такой уродливой голубенькой вазочке на каминной полке.

– Вообще-то эту вазочку я покупала! – возмутилась Дара.

– Пароль на компьютере: «vfn1988». Своеобразный такой – ну, в духе Матвея. Дальше сам сообразишь.

Подавляя улыбку волевым усилием, Сенсор записал пароль на той же бумажке, где уже было название лекарства, скатал в шарик и перебросил через стол Марсену.

– Держи! Только я не уверен, как правильно пишется.

– Разберётся, – Лазарь откинулся на стуле, сцепив руки за шеей. – Владеющий «гуглом» владеет миром.

В выхода из кухни Марс оглянулся:

– Вы это... только Матвею меня не спалите.

– Не оставляй улики, главное, – подмигнул Сенсор.

5

Марс убежал, и Дара долго сверлила Лазаря судящим взглядом. Этот взгляд, как первый симптом болезни, которую Лазарь нарёк про себя «синдромом мамочки», предвещал осложнения в виде острых, как спазмы, вопросов, с последующим лечением в виде противных, как укусный компресс, нотаций.

– Откуда узнал про ключ и пароль? – наконец, не выдержала она.

Славься наша Немезида – вот и первый приступ! Только ждать приезда машины скорой помощи, битком набитой нравоучениями в синих комбинезонах, нет ни времени, ни желания.

– Очень плох человек, ничего не знающий и не пытающийся узнать, ибо в нём соединилось два порока, – торжественно продекламировал Лазарь и, не успела Дара раскрыть рта, добавил:

– Потом морали мне считаешь. Нараспев. На ночь.

Дара проглотила возмущение, резкими движениями собрала со стола пустые кружки и понесла к мойке. Кружку Лазаря она демонстративно оставила стоять на месте.

– Зацепка у нас есть – подытожил Лазарь, берясь складывать что-то из очередной салфетки. – Раз уж вы такие нетерпеливые, давайте рассказывайте, что там у нашей таблеточки в инсоне.

Глаза Сенсора забегали. Они всегда бегали, когда он собирался поведать о чём-то значительном, но не знал, какие подобрать слова, чтобы передать всю степень этой значительности. Перехватив взгляд Дары, Сенсор коротко кивнул ей, уступая право слова.

Прежде чем заговорить, Дара вынула из кармана джинсов небольшой целлофановый пакетик с кольцом медно-рыжей пряжи и бросила им в Лазаря. Пакетик попал в грудь, отскочил и шлёпнулся на пол.

– Себе оставила? – Лазарь продолжал сосредоточенно возиться с салфеткой. Теперь он строил кораблик.

– Естественно.

– Тогда мы тебя слушаем.

Дарения покусала ноготь большого пальца, воскрешая в памяти детали событий, открывшихся в комнате Сенсора.

– Восемь из десяти, – наконец, спокойно изрекла она.

Эх, Сенсор, Сенсор... Такова уж Дара – раздуть из мухи слона не в её правилах. Принимаясь за изучение нового микромира, выпуклой линзе она всегда предпочтёт обычное стекло.

А ещё Лазарь подозревал (и не только он один), что у неё напрочь отсутствуют слёзные железы, потому что никто никогда не видел, чтобы она плакала. Быть может оттого, что слёзы – это тоже линзы? Вероятно, именно таких природа наделяет даром, который здесь называют «видением», а её саму – невидимкой.

– Не знаю, как другие, а я и покруче встречала. Мир очень похож на наш, жилой район – точная копия. Сенс там был.

– Похож, – подтвердил Сенс. – Я не особо окрестности разглядывал, чтоб её из виду не потерять, но дворик вроде тот же.

Лазарь не видел в этом ничего удивительного. Зачастую то место, которое считаешь домом, и то, в котором проживаешь, совпадают. Но бывает и наоборот. Тогда возникает диссонанс – то, что делает инсоны необычными. Спектр различий широк и варьируется – от незначительных изменений, вроде пурпурного неба, до масштабных, когда неба нет вовсе.

– Зато люди не похожи, – Дарения закончила с посудой и вернулась к столу. В каждой руке она несла по две вновь наполненные кружки.

– Таковы уж инсоны, всегда там найдётся что-нибудь эдакое, – напомнил Лазарь. Он только что закончил складывать кораблик. – В этом весь прикол.

– Нет там ничего прикольного, – сказала Дара с самым серьёзным видом, а потом подошла и пристукнула новоиспечённую поделку Лазаря кружкой чая.

– Будем считать, что он пошёл ко дну, – резюмировал тот. – Мы снова друзья? А я как раз собрался рассказать всем, где ты прячешься...

– Заткнись, а?

Необычные люди в инсонах тоже не редкость. Порой они являются в самых экзотических, гротескных ипостасях. Комичные до дрожи в коленях, ужасающие до гомерического хохота, а иногда вполне обычные, ничем не отличимые от соседей, но лишь до тех пор, пока хранят молчание.

Лазарь вспомнил, как однажды очутился в непримечательном заштатном городишке – одном из тех, где дорога по центральной улице в одну полосу, а продавца хот-догов на углу приветствуют по имени. Здесь не было пурпурного неба или голубого солнца. Редкие пешеходы тоже выглядели вполне обыденно – спешили по делам, с портфелями в руках, с прижатыми к уху мобильники. Искусная репродукция реальности – та же скучная минорная картина.

Так казалось в первую минуту. Во вторую всё изменилось. Лазарь стал замечать, что каждый третий встречный от подбородка до мысков сапог измаран чем-то, похожим на садовый вар. Ещё через минуту стало ясно почему. Когда кто-то из них открывал рот, чтобы что-то сказать, вместо слов оттуда извергался поток жирной смолянистой массы. Никто не обращал на это никакого внимания. Люди не обращают внимания на то, что считают нормой.

Абсолютно неважно, что представляют собой люди в инсонах, что делают и чего не делают. С опытом Лазарь научился быть готовым к любому сюрпризу. Важно одно – насколько эти люди опасны.

Будто прочитав его мысли, Дара пояснила:

– Там какая-то эпидемия. Или что-то вроде.

– В каком смысле? – вскинул брови Лазарь. – Все ходят в масках, чихают друг на друга и идут пятнами – такая эпидемия?

– Нет, – затряс головой Сенсор, – не такая. Помнишь, мы недавно фильм смотрели? Ну, ужасы?

– Не помню.

– Чёрт, как же его... Отвратительный такой...

– Самый Лучший Фильм?

– О, вспомнил! «Ночь живых мертвецов»!

Лазарь начал понимать, что вызвало у Марса такой бурный восторг. Вот, значит, какая там эпидемия. Вот почему Сенсор решил, что с девчонкой дело худо. Впрочем, она не виновата. По крайней мере, не теперь, когда внутри бесчинствует тот, кого называют Ведущим Игры.

– Ты шутишь, – губы Лазаря тронула улыбка.

Азарт охватил его целиком. Ударил в голову, как глоток водки на голодный желудок, вспенил кровь, как ложка соды в стакане с водой. Ему хотелось, чтобы Сенс сказал «да». И не хотелось одновременно.

– Не шутит, – ответила за Сенса Дара. – Там что-то вроде апокалипсиса в миниатюре. Город брошен... точнее, его отдали. Как Москву Наполеону. И сейчас в нём хозяйничают люди, заражённые каким-то бешенством. Полуголые, мерзкие твари, похожие на неандертальцев.

– А что с девчонкой?

– Мы не сразу её нашли, – сказала Дарения. – Там такой бардак. Но потом Сенсор взял след. Похоже, она забаррикадировалась в квартире. Мы не успели рассмотреть всё толком, ты же ворвался, как ненормальный, – она вздохнула и добавила: – Представляю, как ей страшно.

– Очень трогательно, – умилился Лазарь. – Не напрягай воображения, скоро узнаешь из первых уст.

Дарения вытаращила глаза:

– Туда нельзя идти одному!

– А кого прикажешь взять? Малого?

– Возьми Матвея!

Лазарь изобразил внезапное озарение:

– А это мысль! Пока из него будут выгрызать филе, у меня появится пара лишних минут.

Сенсор мечтательно заулыбался.

– Слушайте, народ, давайте не пороть горячку, – попыталась разрядить обстановку Дара. – Дождёмся ночи и посмотрим, ложатся ли эти твари спать. Они не ходят поодиночке, а сбиваются в стада. Мы видели одно такое, человек под сто. Перебежали дорогу и стали громить какой-то магазин. Может, на ночлежку тоже табуном пойдут? Было бы меньше шансов встретиться с такой компанией.

Игривое настроение Лазаря испарилось.

– У нас нет времени, – серьёзно сказал он. – Потому что у неё нет времени. Потому что Ведущий Игры не оставит ей времени.

– Решил нахрапом брать, – скрипнул зубами Сенсор.

Если Матвей действительно провалился, это дело приобретало особое значение. Слишком уж часто они «сливают» в последнее время. Ещё немного, и Ведущий решит, что получил карт-бланш. Если враг огромен, и победить его нельзя – хотя бы напоминай ему о своём присутствии.

В кухню вбежал довольный собой Марсен. В одной руке он держал лист с распечаткой.

– Неужели! – оживился Лазарь. – Что-то долго. Порнушки много, а ты один?

– Да не, – Марс таинственно улыбнулся, – бумагу искал...

– В следующий раз используй салфетки. Давай сюда.

Лазарь выхватил лист и пробежал глазами текст. Дочитав, медленно отложил распечатку на стол и пристально посмотрел на Дарению. Под его строгим взглядом та невольно съёжилась.

– Ну? – не выдержал Сенсор.

– Гну, – с протяжным скрипом Лазарь отодвинулся назад на стуле и подобрал с пола пакет с рыжим локоном. – Таблетки твои нейрорепликаками оказались – ими шизофрению лечат. «Рисперидон» – вот, что ты услышал.

Дара охнула и прикрыла рот ладонью. Лазарь толкнул ей лист по столу.

– Всё ещё уверена, что девчонка пробежалась в аптеку за аспирином? Так держать, Сенс. Дара сосредоточенно уставилась в распечатку, беззвучно шевеля губами.

– Не знала, что шизики сами себе за лекарствами ходят, – медленно проговорила она, закончив читать.

– А если она не себе? – с энтузиазмом предположил Марс. – Если кому-то другому? Гадать глупо, бессмысленно и слишком расточительно.

Лазарь взглянул на часы. Электронный циферблат показывал, что время для разговоров кончилось. Пора действовать.

– Есть только один способ узнать подробности, – он оглядел друзей. – Провести рекогносцировку. И немедленно.

Он уже приготовился к шквалу протестов, но ошибся.

Дарения встала с места:

– Я буду присматривать. Ну, и аптечку прихвачу.

– Тогда я... – Сенсор на миг задумался, – буду, как всегда, на подхвате.

Марс, кусая губы, переминался с ноги на ногу:

– Слышь, Лазарь. Я тут спросить хотел...

– Ответ отрицательный, – отрезал Лазарь.

Лицо мальчишки дрогнуло.

– Ты даже не дослушал!

– И не надо. Я и так знаю чего ты, мелкий подхалим, хочешь. Ты хочешь пойти со мной.

– Ни фига, не это! – вспыхнул Марс и тут же сдался: – Ладно – это. Возьмёшь?

– Ладно, беру.

Пацан просиял.

– Поверил, что ли? Шучу, конечно.

Осознав, что все его подлизывание не дали результата, мальчишка волчком развернулся на месте и тяжело затопал в прихожую, ядовито бросив напоследок:

– Да пошёл ты, урод!

Действительно, подумал Лазарь, мне пора. От этой мысли кожа на спине пошла мурашками.

– Жду вас в комнате Сенса, – сказал он, задерживаясь у выхода. – Через десять минут.

Всё правильно. Пять минут, чтобы подняться в комнату, подготовиться, настроиться. Остальные пять занимает путь. Иногда больше, иногда меньше, но всегда столько, сколько нужно. Как Симплонский туннель пронзает Альпы, так путь пронзает вознёсшийся до небес барьер, что отгораживает мир общественный от мира интимного, невидимого, но реального. Чужого для всех, но родного для девочки, бросившейся бежать из аптечного киоска.

Глава 2. День закрытых дверей

1

Солнце светило ярко, по-летнему. Это потому, что здесь лето. Для инсонов погодные завихрения обычное дело. Любимое время года хозяина длится гораздо дольше, чем все остальные – иной раз и вовсе не заканчивается. Какая-никакая, а первая информация о девочке есть – её любимая пора лето.

Жара стояла невероятная. На лбу у Лазаря выступила испарина. Перепрыгнув из декабрьских морозов в июльский зной, организм не успевал акклиматизироваться. Судя по длине теней, на дворе стоял полдень – значит, прежде чем последний луч солнца соскользнёт за край ближайшей многоэтажки, пройдёт часов десять. Эдак и свариться можно.

Лазарь скинул с себя поплиновую ветровку со свитером и бросил на тротуар – здесь они ему больше не понадобятся. Расстегнул сорочку на три пуговицы, подкатал рукава до локтя. Стало лучше.

Лёгкий ветерок тянул в затылок; невидимая сила подхватывала рваные обрывки газет, мятые бумажные стаканчики, ленты туалетной бумаги и волокна по тротуарам. Подталкиваемый воздушной тягой, мусор кувырчался то влево, то вправо. Все его части двигались синхронно, словно кружась в танце. Вместо музыки танцу аккомпанировал какофонический шорох. Этот шорох заполнял всё вокруг потому, что всё вокруг было пусто. Ни гула дорог, ни людского гомона, ни гремящей из окон музыки – ничего. Тишина брошенного в предутренний час дома.

Заворожённый непривычной обстановкой, Лазарь не сразу вспомнил, что здесь не так уж и пусто. В себя привёл голос Дары, зашипевший в левое ухо:

«Кончай загорать и найди себе какой-нибудь дрын»!

Сделать это оказалось нетрудно. Если бы не обступавшие с трёх сторон панельные высотки, да детская площадка посередине двора, это место ничем не отличалось бы от городской свалки. Казалось, кто-то бросил по ручной гранате в каждый мусорный жбан.

В поисках подходящего оружия Лазарь двигался перебежками от одной машины к другой. Почти все были варварски разгромлены, перевёрнуты и выпотрошены. Тут и там на земле валялись части разорённых салонов: рулевые колёса, выдранные «с мясом» сидения. Ковёр битого стекла сухо хрустел под ногами. Кое-где в сияющей бриллиантовой россыпи попадались вкрапления рубинов – осколков, обгаренных чьей-то кровью.

Опрокинутый на бок огромный чёрный «Ландкрузер» походил на выбросившуюся на берег касатку. Пробегая мимо него, Лазарь споткнулся взглядом о тёмное пятно на земле со стороны днища. Сначала он принял его за лужу масла, натёкшего из пробитого картера, и подошёл ближе.

Большая клякса запёкшейся крови с вытянутыми во все стороны мазками брызг напоминала нарисованный детским мелом рисунок солнца. Вокруг «солнца» вращались на орбитах планеты – ошметки одежды, принадлежавшей организатору этого маленького «большого взрыва». В центре солнца лежал топор. Лазарь не сразу заметил его потому, что металл не блестел на солнце. Когда он поднял его, то понял, что лезвие сплошь облеплено кусочками засохшей плоти.

«Не самый аппетитный топорик», – прокомментировала Дара.

– Хозяин красит оружие, а не оружие хозяина, – пробормотал Лазарь, взвешивая топор в руке.

Хороший, тяжёлый, с удобной прорезиненной рукояткой. Его бывший владелец не сдался без боя.

«Он и покрасил – вон какой красивый».

Где-то наверху гаркнула ворона. Лазарь инстинктивно пригнулся, сжимая крепче рукоятку топора. Большие скопления птиц кружили высоко в небе чёрными тильдами. Вот уж кому сейчас праздник живота.

– Какой дом?

«Напротив тебя, через двор. Подъезды с другой стороны».

«Если бы только подъезды», – подумал Лазарь и, оглядевшись, быстро перебежал площадку.

2

Он обошёл дом с торца и высунул голову за угол, держа топор наготове.

Никого. Крыльцо первого подъезда, выкрашенное белым и голубым, бетонный козырёк, заваленный останками сброшенного из окна фортепьяно, палисадник, подъездная дорога вдоль здания. Через дорогу жмутся друг к другу прихваченные ржавчиной одноместные гаражики. Никого. Если, конечно, не считать стайки лёгкого мусора, вальсирующего между тротуарами.

«Первый подъезд», – просуфлировала Дара.

Это хорошо. Конец текущей цели есть начало следующей.

Стараясь не высовываться из-за кустов палисадника, Лазарь пробрался к крыльцу. И замер.

– Дверь закрыта, – процедил он сквозь зубы. – Замок кодовый.

Железная дверь со старым механическим замком. Два рядка круглых пронумерованных кнопок, по три в каждом, между рядками кольцо. Система стандартная – чтобы открыть замок, нужно одновременно нажать три определённые кнопки и потянуть кольцо вниз. Такие замки быстро набрали в стране популярность, когда какие-то ребята взяли моду беспрепятственно заходить в подъезды и забывать там сумки с взрывчаткой.

Дзынь! – конец текущей цели кареткой пишущей машинки отодвинулся в начало предыдущей.

«Странно», – озадаченно проговорила Дара, – «в прошлый раз была открыта».

– Значит, мне уже начинает везти.

«Пробуй угадать»

Очень дельный совет, Капитан Очевидность! Тут всего лишь хрен знает сколько комбинаций. Но другого выхода нет. Как и другого входа.

Лазарь вспомнил – на таких замках всегда имелась заводская комбинация. Может, попробовать её? Кажется, первый столбец кнопок.

Один, три, пять – кольцо вниз. Не идёт.

«Давай наоборот» – сказала Дара.

Лазарь запустил пальцы в соседний столбец, потянул кольцо...

Вместо щелчка отпирающегося механизма сзади послышался треск. Лазарь похолодел.

В такой ситуации полагается медленно обернуться и...

– Не фартит, – самопроизвольно вырвалось у него.

Всё, как по сценарию – у одного из гаражей за ним внимательно наблюдал, по-собачьи склонив голову на бок, человек. Лазарь остолбенел от изумления. Если это и был человек, то – яванский. Крупный мужчина, почти голый (только вокруг шеи и бёдер болтаются какие-то рублища, оставшиеся от былой одежды), глаза глубоко посажены под сводами тяжёлых над-

бровных валиков, массивная челюсть синее дремучей щетиной. Из приоткрытого рта выглядывают наружу чесночные зубчики клыков.

Ссутулившись, человек пылливо разглядывал Лазаря, не выказывая никакой агрессии. Пивное брюхо ровно вздымалось при вдохе и опадало при выдохе. Почерневшие от грязи и крови руки безвольными плетями качались вдоль туловища.

«Заражённый! Подбирай код быстрее!» – в ужасе вскрикнула Дара.

Лазарь вздрогнул, на секунду забыв, что только он может слышать девушку. Заставил себя повернуться к чудовищу спиной и снова взяться за замок. Пришлось бросить топор, чтобы освободить обе руки, и унять дрожь в пальцах, прежде чем они снова могли попадать по кнопкам. Он лихорадочно перебирал комбинации кода, стараясь издавать при этом как можно меньше шума.

Один, два, три, кольцо.

Один, два, четыре, кольцо.

Один, два, пять, кольцо.

Один, два, шесть, кольцо.

«Похоже, он не понимает, кто перед ним», – попыталась подбодрить Дара.

Или не может верить своему счастью, мелькнуло в голове у Лазаря.

Один, три, четыре, кольцо, один, три, пять, кольцо, один, три, шесть...

До гаражей было метров двадцать, но в тишине обезлюдившего квартала Лазарь различил мягкий удар о металлическую стену. Будто кто-то столкнулся с ней локтем.

«Не оглядывайся», – горячо зашептала Дара. – «Ещё трое»!

Это стая. Грёбаная чёртова стая! Надо же было нарваться...

– Предупреди, когда на меня попрут, – одними губами попросил Лазарь.

Один четыре пять кольцо

один четыре шесть кольцо

одинпятьшестькольцо

двадвацичетырекольцо

двадваципять...

«Ещё четверо!»

Лазарь бросил взгляд на зазубренный топор под ногами и принялся жать наугад.

Три кнопки – кольцо. Три кнопки – кольцо.

«Их уже человек пятнадцать, тебе нужно бежать!»

Надо собрать мысли в кучу. Истинный ум проявляется в умении включаться в самые неподходящие моменты – самый подходящий момент проверить это. Так, некоторые кнопки нажимаются мягче других. Бурое солнце на серой земле...

«Лазарь, ты слышишь? Сваливай оттуда!»

Мозг, как машина, за рулём которой сидит ученик. То газ, то тормоз. Почему кнопки нажимаются мягче? Потому что они разработаны. Их используют чаще других.

Бурое солнце среди обрывков одежды – планет его системы...

«ОНИ БЕГУТ, ЛАЗАРЬ, ОНИ БЕГУТ»!

А то он не слышит. Босые ступни жидкими аплодисментами зашлёпали по асфальту, а значит, некоторые уже выбежали на дорогу.

Топор внизу напоминал говяжий огузок.

Продавленные кнопки: три, четыре, шесть.

Или нет?

Кнопки или топор? Кнопки или топор?

Без боя он не сдастся!

Тремя пальцами Лазарь безошибочно ввёл нужную комбинацию... мгновение – и замок капитулировал. Лязгнув затвор, кольцо уехало вниз. Лазарь угрём проскользнул в подъезд, но

не успел захлопнуть дверь – за него это сделала оголтелая ватага заражённых, слепой волной ударившая с другой стороны. Многократно усиленный эхом грохот десятков рук, забарабанивших в железную дверь, заполнил пустоту лестничных маршей.

3

Лазарь тяжело уселся на ступеньки, уперев локти в колени.

Голос Дары чуть заметно дрожал в ухе:

«Тут рядом Сенсор. Просит передать, что ты полудурок».

– Интересно, кем бы я стал, останься с другой стороны? – самодовольно оскалился Лазарь.

«Полным придурком, наверное».

Да, точно. А для ребят за дверью – плотным обедом к сиесте.

Лазарь восстановил ритм сердца и оглядел первый этаж. Пол и ступени обильно заляпаны кровью, кое-где багровые брызги испещряют белёные стены. Почти все квартиры открыты – жильцы покидали их в спешке, как если бы в доме бушевал пожар. Повсюду разбросаны предметы домашнего быта – видимо, вещи собирались так же на бегу. Дверцы лифта распёрло застрявшим в проходе телевизором.

«Она на четвёртом, в пятнадцатой квартире», – подсказала Дара.

Поднимаясь вверх по лестнице, Лазарь размышлял, что будет говорить девчонке при встрече. Она уже догадалась, что в доме кто-то есть – его прибытие сюда вряд ли осталось незамеченным. Голодная стая чудовищ ещё рвалась внутрь, но уже с меньшим энтузиазмом. Так что сейчас, скорее всего, девчонка с ужасом ждёт, постучится ли кто-то к ней в дверь или же, ломая когти, станет срывать с неё обивку. Постучаться будет разумнее, но порычать и поскрестись – веселее.

Пол на четвёртом выкрасили в уродливый бардовый цвет. Крови здесь почти не было – похоже, основная мясорубка проходила на нижних этажах. Квартиры слева выходили прямоком на лестничную площадку, квартиры справа предварял тамбур. Дверь в тамбур была чуть приоткрыта, внутри царил непроглядный мрак.

«Она справа», – как будто издеваясь, заметила Дара.

Лазарь с тоской вспомнил оставленный на крыльце топор. Ему совершенно не нравилась эта темнота, а ещё больше – перспектива туда идти.

– Эй, есть кто живой? – позвал он. Голос завибрировал меж бетонных стен, как от страха.

Молчание.

– Я пришёл с миром!

Тишина.

Лазарь стал медленно продвигаться к тамбуру.

– Дара, ну-ка глянь, что там, – сказал он, чуть понизив голос. Девчонке совсем необязательно знать, что с ним ещё кто-то есть. Особенно если этого «кого-то» нельзя увидеть.

«Смотрела уже. Двери в квартиры закрыты, в тамбуре вроде никого».

– Слово «вроде» вроде как дурацкое.

«Ну, а я, вроде, не сова»!

Лазарь остановился перед тамбуром на расстоянии вытянутой руки. Оглянулся, ещё раз прикидывая в уме пути для отхода. Затем одним пальцем толкнул дверь, и та легко распахнулась. Тамбур залило дневным светом с площадки.

«Я же сказала никого!» – торжествовала Дара.

Лазарь не спешил разделить её восторг. Его внимание сразу привлекла обшивка двери в пятнадцатую квартиру. Монолитную пластиковую панель, выполненную под дерево, изрывали вдоль и поперёк глубокие рваные борозды. Нижние углы сорвало с клипс, на них отчётливо

виднелись следы зубов. Но примечательно было другое – дверь в шестнадцатую квартиру казалась абсолютно целой. Обшивка сияла первозданно гладким пластиком.

Не фартит...

Теперь Лазарь явственно чувствовал крепкий дух испражнений, проникающий в тесный тамбур из шестнадцатой квартиры. Просвет между дверью и косяком был слишком мал, Дара просто не разглядела. Она ведь не сова, в самом деле...

Отступать было поздно – в шестнадцатой уже слышалось какое-то копошение. Если там кто и спал, то своими воплями Лазарь разбудил его.

Всё было бы гораздо проще, если бы девчонка просто впустила его к себе. Может, стоит попросить?

Наперекор бунтующему инстинкту самосохранения Лазарь переступил порог тамбура. К счастью, дверной глазок пятнадцатой каким-то чудом уцелел. Пришлось немного согнуть ноги в коленях, чтобы лицо попало в зону видимости.

– Если меня видно, – он старался сохранять голос ровным, – или слышно, прошу, откройте дверь. Я знаю, здесь кто-то есть. Ваш сосед мне намекнул.

Тяжёлую поступь в шестнадцатой теперь сопровождало хриплое, с присвистом, дыхание.

– Откройте, – возвысив тон, повторил Лазарь. – Прошу вас!

За линзой глазка что-то мелькнуло – а может, ему только показалось. Шаги в шестнадцатой стали чётче, участились, перешли на бег.

Лазарь стал кричать:

– МЕНЯ ЖЕ ПОРВУТ СЕЙЧАС! ОТКРОЙТЕ! ДВЕРЬ!

Не фартит...

Оглушительным ударом Лазаря сшибло с ног. Он кубарем выкатился из тамбура на площадку, перекатился на живот, поднял голову и с ужасом осознал, что дверь в шестнадцатую распахнута настежь. Внутри всё оборвалось и с немим ужасом улетело куда-то вниз.

В дверном проёме выросла огромная фигура, очень похожая на старого приятеля у гаражей. Только этот казался в два раза больше и в три свирепее. Мускулистый верзила пригнулся к полу, опираясь на длинные, как у орангутанга, руки. Пальцы на них были сбиты в кровь. Из уголков рта тянулись до самой груди белые вожжи слюны. Не считая грязной дерюги с оторванными до плеч рукавами и разорванной от воротника до пупа, мужчина был абсолютно гол.

Дара что-то вопила в ухо, но Лазарь не слышал её. Надо было справиться со страхом, парализовавшим всё тело, прежде чем эта тварь разделается и с тем и с другим за него.

Животное – иначе не назовёшь – выгнуло спину и сгруппировалось для прыжка.

«Без паники, без паники, без паники», – вторил здравый смысл.

«Без паники здесь не обойтись», – ехидно напоминал инстинкт самосохранения.

В одно мгновение заражённый совершил ошеломительный прыжок. Этот прыжок был бы красив, если бы не был так ужасен. В безотчётном порыве избежать смертоносных объятий Лазарь с поразительным для своего роста проворством вскочил на четвереньки и отпрянул в сторону. Не рассчитав силы и крепко приложился лбом о стену. Над правой бровью что-то лопнуло, глаз залило тёплой влагой.

«Работёнка для Дарении», – тренькнуло в мозгу.

Огромная туша пролетела мимо. Тварь приземлилась на четвереньки и с неприятным звуком проехала по полу до противоположного конца площадки. Столкнулась с дверью в тринадцатую квартиру, но сохранила равновесие и пружинисто развернулась обратно. Ощерившись, снова приняла стойку для прыжка. Под кожей вздулись твёрдые клубки мускул.

Лазарь попятился к тамбуру, придавливая ладонью рассечение на лбу. Крови было много, она будто сочилась прямо из-под века – правый глаз совсем ослеп. Но вместе с переполненной адреналином кровью тело понемногу покидал страх.

Лазарь встал у входа в тамбур так, чтобы узкий коридор, ведущий к мусоропроводу, оказался по левую руку. Тесное помещение тамбура и открытая дверь в шестнадцатую квартиру остались позади. Впереди – пять метров лестничной площадки и зверь у противоположной стены. Почему-то на ум лезли ассоциации с вестернами.

Дара перестала кричать. Может, захлебнулась в немом ужасе, но скорее просто оборвалась связь, и сейчас она тупо моргала глазами на диване в душевной комнате Сенсора. Такое с ней иногда случалось в минуты сильного эмоционального перенапряжения. Жаль, что только с ней.

– Давай, давай... – подзадоривал сам себя Лазарь. – Сюда иди!

Заражённый мужчина растопырил пальцы, наклонился и упёрся костяшками в пол на манер бегуна в высоком старте.

– Сюда иди!

И он пошёл. Побежал. Босые пятки пару раз скользнули по полу, потом поймали сцепление, и животное, загребая длинными ручищами, рвануло с места.

Чёрт, всё было бы гораздо, гораздо проще, если бы девчонка сразу открыла свою чёртову дверь...

Никаких плавных, как в замедленной съёмке, движений. Никакой слайдами пронёсшейся перед глазами жизни. Ничего из этих цветистых и пустых, как барабан, книжных штампов. Всё произошло стремительно, на уровне рефлексов и моторики. Сознание запечатлело в памяти краткие обрывки происходящего.

Боль в рёбрах при приземлении в проходе мусоропровода.

Веер кровавых капель на меловой стене из раны над бровью.

Непослушные ватные ноги, холод металла дверной ручки в ладони, биение пульса в ушах.

Лазарь упёрся дрожащими ногами в стенку тамбура, лопатками прижался к захлопнувшейся двери в шестнадцатую квартиру, а с той стороны уже ломилось наружу запертое им чудовище. Тварь неистово вколачивала себя в дверь. Почти сразу стало ясно – долго дверь не удержат. Чудовище не успокоится, пока не вырвется наружу. Не выдержат либо петли, либо ноги, либо сама дверь.

Что делать? Бежать? Вниз нельзя – стая наверняка ещё там. Искать свободную квартиру? Не факт, что успеет найтись. Остаётся...

В промежутках между больно отдающими в грудь ударами Лазарь принялся выкрикивать:

– Я так... долго... не выдержу! Открой... дверь!

Удар. Удар. Удар.

– Открой... пожалуйста!

«Открой ему, дура, открой...» – застонал в голове плаксивый голосок.

До Лазаря не сразу дошло, что это не его мысли, а просто Дара вернулась. Если, конечно, она вообще куда-то уходила.

Удар. Удар. Удар.

– Ещё три удара... и я брошу дверь... или ты мне откроешь... или мне крышка...

Открой. Открой. Открой.

– Раз!

Не слышно скрежета замка. А он должен быть. Должен.

– Два!

Может, и был, да только он прослушал? Или ей просто плевать?

Запертый в квартире монстр с чудовищным треском протаранил дверь в третий раз.

– Тр-ри!

Дара пищала, как проколота шинка. Лазарь отошёл от двери на полшага. В его распоряжении было не больше секунды, пока зверь брал разгон для очередного штурма.

«Нет, не так – у девчонки секунда на то, чтобы впустить меня внутрь.»

Дверь в пятнадцатую распахнулась, но Лазарь остался стоять на месте, точно громом поражённый. Из квартиры высунулась вовсе не девчонка – какой-то парень схватил Лазаря за грудки и грубо втащил внутрь.

4

Оба с шумом ввалились в прихожую. Краем глаза Лазарь успел заметить тощую фигурку – махнув рожками космами, она расторопно закрыла за ними дверь.

Значит, девчонка здесь, но не одна. Нужно поскорей придумать, что говорить, пока гудящая голова не взмолилась о тайм-ауте.

Лазарь прислонился к стене и медленно сполз на пол, по-хозяйски раскинув длинные ноги. Дыхание и сердцебиение постепенно приходили в норму. Кровотечение над глазом уменьшилось, но он всё равно зажимал рану ладонью. Повисшую тишину периодически разбавляла входная дверь, дребезжащая под натиском обезумевшего зверя.

– Да уж... восемь из десяти, – озвучил Лазарь первое, что пришло на ум.

Дара никак не отреагировала на реплику – стало быть, в обыкновенной для себя манере реагировала на собственную ошибку.

– Это, типа, по шкале дерьмовости? – поинтересовался белобрысый юноша, втащивший его сюда. Парень возвышался над Лазарем с самым недоверчивым видом. В одной руке подрагивал широкий кухонный нож.

– Да уж точно не по Рихтеру. Э-э, спасибо...

– Ей скажи, – перебил парень, кивая на подругу. – Её квартира. А то хрен бы я тебя пустил.

Девушка стояла немного поодаль и разглядывала Лазаря с выражением нескрываемого страха на красивом лице.

«Неудивительно, что Сенс так быстро примчался», – мелькнула в голове шальная мысль.

Веснушчатое лицо, огромные, как у инопланетянки, васильковые глаза, чуть припухшие, словно от долгих поцелуев, губы – такие вполне в его вкусе. Очаровательные девочки-подсолнухи, всем букетам мира предпочитающие веник полевых ромашек. Сенс сразу клюёт на эту внешнюю невинность и бросается в омут с головой, даже если на дне, в тиши и тине, его уже дожидается мохнатая компания чертей.

«А впрочем», – запросилась в голову другая мысль, ещё безумней предыдущей, – «ради такой можно и рискнуть».

Правда, сейчас рыжеволосая красавица была не в самой лучшей форме. На осунувшемся анемичном лице контрастировали залёгшие под глазами тени, губы обметало, засаленные волосы склеились в длинные ржавые канаты.

Все признаки того, что в осаде они как минимум неделю, на лицо.

– Рассказывай, откуда нарисовался и чего здесь ловишь, – потребовал парень.

Это правильно. Когда у двоих проблемы с питьём и едой, третий – тоже проблема.

Белобрысый выглядел гораздо лучше своей подруги – даже под всеми невзгодами блокадного положения он смотрелся свежо. Впечатление усиливала красивая, вычурно безупречная внешность. В большом подвижном рту сверкали сахарно-белые зубы, на щеках горел здоровый румянец. Лазарь заключил, что вне инсона он либо её кавалер, либо близкий друг и предмет тайного обожания. В любом случае, новости для Сенса хреновые.

Лазарь медленно поднялся на ноги. Когда он выпрямился во весь рост, то оказался почти на голову выше белобрысого. Тот с опаской отступил назад, вытягивая нож перед собой. Девчонка удивлённо мигнула огромными глазищами и шмыгнула парню за спину.

– Стой на месте, – предупредил белобрысый. Кончик ножа угрожающе дрогнул.

Лазарь попытался представить себя со стороны: тощий всклокоченный верзила с залитыми кровью лицом и рубашкой. Не самая располагающая к доверию внешность.

– Я нарвался на стаю, – объяснил он, миролюбиво показывая раскрытые ладони, – и стал убегать. Когда выбился из сил, решил спрятаться в подъезде. Ваш был открыт.

– Рассказывай... – презрительно хмыкнул белобрысый. – У нас здесь всегда день закрытых дверей.

Что есть – то есть. Точнее и не скажешь.

– Умел бы ходить сквозь стены, к вам бы не ломился.

Девчонка с любопытством зыркнула из-за плеча друга.

– У вас замок кодовый, – пояснил Лазарь, поймав её взгляд. – И времени возиться с ним у меня не было.

– С чего нам верить, что за тобой вообще кто-то гнался? – неожиданно спросила девчонка, уловив движение по порочному кругу.

– Слыхали аплодисменты внизу? – изогнул бровь Лазарь. – В мою честь.

Некоторое время белобрысый прикидывал что-то в уме. Потом, брезгливо поморщившись, спросил:

– Укушен?

Лазарь неловко оглядел окровавленные руки и вдруг понял, чего они так боятся. Действительно, он ведь может быть инфицирован. И тогда вдвойне любопытно, почему она позволила впустить его в дом. Ведь это её инсон. А там, за дверью – чума, его пожирающая.

– Ударился головой о стену, – Лазарь указал пальцем на лоб. – Но ты, конечно, мне не веришь.

– Нет, – помотал головой парень, – не верю.

Лезвие ножа, вторя движению головы, покачивалось в воздухе слева направо. Рыжеволосая красавица шагнула из-за спины друга, желая получше рассмотреть то, на что указывал Лазарь. На ней были синие джинсы в обтяжку, кеды и кофта с розовыми и чёрными ромбами.

Фигурка ладная, что ни говори.

– Ну, раз не ты хозяин хаты, в принципе неважно, во что ты там веришь, – жёстко произнёс Лазарь, отворачиваясь от парня. – Важно, во что верит она.

Оставалось гадать, как перекошилось его лицо, потому что сейчас Лазарь смотрел на девушку. Давил самым тяжёлым из арсенала взглядов, под которыми даже Дара «прогибалась» на раз. А эта девчонка выдержала. Выдержала с вызовом.

– Ты чё несёшь! – скинулся белобрысый и резко бросил в сторону подруги: – На кой чёрт он нам сдался, Яни?

Яни – интересное имя. Сокращение, скорее всего.

Не отрывая взгляда от девушки, Лазарь коснулся пальцем подсыхающей раны:

– Это рассечение от удара о стену. Ты же веришь мне.

Он произнёс это, как аксиому, и со стороны могло показаться, что он пытается заморозить, загипнотизировать её. К сожалению, в инсонах такие штучки не проходят. А, судя по выражению её лица, она не поддавалась бы и в яви.

– С чего мне тебе верить? – спросила она.

Лазарю пришло в голову, что теперь это уже неважно. Она уже верила ему. Сама не знала почему, но верила, и спрашивала себя, но хотела, чтобы ответ дал он.

– Потому что ты меня сюдапустила, – он медленно опустил руки. – Ты меня уже спасла. «Ну, болтаешь!» – хихикнула Дара. – «Я прям заслушалась».

– Яни, не дури, – предостерегающе зашипел белобрысый, косясь на подругу.

Оставалось немножко дожать.

– Обещаю, что ни в чём не стесню вас. Я, как верблюд, могу не есть и не пить сутками.

Девчонка колебалась секунду. Потом повернулась к другу.

– Пусть останется, Джуда.

Лазарю стоило огромных усилий сдерживать расплывающиеся вширь губы. Джуда, старик, извини – ничего личного. Цель достигнута – да здравствует новая цель!

5

– Я Джуда, она Яника.

Втроём, если не считать Дару, расположились на кухне. Чай-кофе никто не предлагал. «С водой напруг» – сразу предупредил Джуда. Звучало комично, учитывая, что всю кухонную утварь, способную вместить в себя жидкость – от тазов с кастрюлями, до кофейных кружек и полиэтиленовых пакетов – доверху заполняла вода. Неприкосновенные запасы громоздились нестройными рядами повсюду: на столах, на полках, даже на подоконнике не осталось свободного места. «Напруг с водой»... звучит забавно, если не выглядывать в окно.

– Лазарь.

С продовольствием дела обстояли ещё хуже. Без электричества холодильник сдох, прихватив с собой на тот свет львиную долю продуктов. Его дверца была открыта, в салатницы и суповые тарелки на решётчатой полке под морозилкой собрали талую воду.

В ванной Лазарю выдали влажное полотенце, чтобы он мог оттереться от крови, а Яника даже перевязала бинтом голову, старательно избегая встречаться с ним взглядом. Что это было – неловкость спасителя перед спасённым или что-то другое, Лазарь понять так и не смог.

– Как тебя к нам занесло, Лазарь? – Джуда смотрел испытующе.

Они с Яникой, сдвинув стулья, сидели в обнимку, обозначая тем самым незримое классовое неравенство, по-прежнему разделявшее их с гостем.

– Я уже говорил – пытался не стать Куком для аборигенов, – Лазарь уловил недоумение на лицах собеседников и пояснил: – Люблю метафоры.

Ему показалось, или губы девчонки тронула улыбка?

– А то я не понял, – огрызнулся Джуда. – На улице что ловил?

– Еду и питьё.

К допросу осторожно присоединилась Яника:

– Почему не ушёл с остальными?

Повязка на голове была неумелая и медленно съезжала на глаза.

– Не успел к эвакуации, – наугад брякнул Лазарь.

Взгляд Джуды стал ещё подозрительнее:

– Это потому, что её не было. Люди разбежались, как крысы с корабля. За один день. Один день, и никого нет.

– Знаю. Решил, остаться будет безопасней. Как и вы.

Джуда и Яника обменялись взглядами. Потом парень указал глазами на прихожую.

– Никто ничего не решал. Не видишь, заперты мы здесь.

Будто в подтверждение его слов, существо в тамбуре снова приложилось к двери, после чего с эффектными звуками принялось драть пластиковую облицовку. Яника едва уловимо вздрогнула и напряглась, пальцы машинально сжались в кулаки.

Это не ускользнуло от внимания Дары:

«Заметил»?

Вопрос риторический. Вся работа Лазаря строится на том, чтобы подмечать мельчайшие детали.

– А теперь и ты как мы, – пасмурно прибавил Джуда.

Почему-то, после этих слов девчонка ещё больше съёжилась и крепче прижалась к другу.

– Давно он вас караулит?

Джуда медлил с ответом, и Яника попросила:

– Расскажи.

6

Оказалось, караулит он с тех самых пор, как всё началось. Когда на улицах стали появляться первые прокажённые (так их здесь называли), Джуде позвонила Яника.

– Плакала, – вспоминал парень, – умоляла приехать.

Пообещав родным, что только заберёт девушку и сразу обратно, Джуда прыгнул в машину и отправился сюда. Из-за сплошных пробок доехать не получилось. Пришлось бросить машину на обочине, и последний километр до дома он пробежал пешком.

– На улицах черти что творилось! А сюда зашёл и понял, что тут вообще мрак.

Ошалевшие от страха жильцы волокли пожитки вниз по лестницам. Перебраниваясь и толкаясь, точно неуправляемое стадо, они топтались по головам тех, кому не посчастливилось упасть на землю. В узких пролётах мешанина жильцов и предметов домашнего обихода создавала непроходимые заторы. Сквозь давку почти невозможно было пробиться наверх, ведь основная масса людей текла вниз.

– Один мужик поднял над головой девчужку лет семи и медленно нёс её к выходу, – с губ Джуды сорвался смешок. – Его почти не было видно в толпе. Только руки с девчонкой торчали над головами. Он шёл, шёл, и всё повторял: «ребёнок, ребёнок, ребёнок». Как будто кто-то его слушал!

Джуда преодолел всего один пролёт, когда сзади послышались визг и крики. Людская масса всколыхнулась, пропуская рябь обернувшихся голов, и с воплями ринулась в обратную от выхода сторону.

– Я не сразу сообразил, что произошло. Потом уже по крикам понял, что в подъезд ворвались прокажённые.

Стремнина обезумевшего людского потока сдавила со всех сторон и сама понесла Джуду вверх по лестницам. На площадке четвёртого этажа он каким-то образом умудрился вырваться. Вынырнул наружу и распластался на полу перед лифтом, радуясь возможности снова нормально дышать. Несколько секунд просто лежал на спине и жадно глотал ртом воздух.

– Когда Яни впустила меня, мы решили переждать, пока вся эта канитель не уляжется. Не помню, сколько времени прошло, но однажды всё стихло. Мы думали всё – люди нашли способ вытупить этих тварей.

Посовещавшись, Джуда и Яника решили не засиживаться в квартире дольше и последовать примеру остальных, пока не поздно. Перед тем, как открыть дверь, Джуда на всякий случай взглянул в дверной глазок – и правильно сделал. Едва припав к нему, он в ту же секунду с ругательствами отшатнулся. С другой стороны на него взирала искажённая стеклянными линзами жуткая морда.

– Он ничего не делал, просто стоял и смотрел. Смирно так, гад, как специально поджидал. До сих пор не понимаю, чего он остался. Они же вроде в стаи сбиваются, а этот какой-то странный, отщепенец что ли. Мы стали ждать. Часов пять, наверное, прождали – а он не уходит. Тут-то и поняли, что застряли.

На протяжении всего рассказа Яника отстраненно молчала, уставившись взглядом в стену. В её взгляде смешались в одну солянку безысходная обречённость, беспризорный страх и... что-то ещё. Неуловимый ингредиент, который Лазарь никак не мог увидеть, понюхать, почувствовать на языке. Такие штучки для Дарении. Это она ощущает вкус страстей, обоняет эмоции, различает их вспышки по цвету, причём не в переносном, а в буквальном смысле.

Интересно, что бы она ощутила сейчас? Что вообще она могла ощутить, принимая в расчёт, что у девчонки не все дома? Едва ли это будет тарелка ароматной солянки. Скорее, стакан протухшей воды.

Лазарь решил на небольшой эксперимент.

7

Деликатно откашлявшись, он обратился к девушке:

– Яника, можно один вопрос?

При упоминании своего имени девушка встрепенулась, недоверчиво взглянула на Лазаря, словно учуяв какой-то подвох.

– Не гарантирую, что отвечу.

Её лицо просто создано для улыбок, подумал Лазарь. Об этом свидетельствовали уголки припухлых губ, каждая впадинка на коже. Печальное выражение не шло ему, ни с чем не вязалось, казалось неисправностью, как потухший глаз светофора.

– Справедливо.

– Ну, – она передёрнула острыми плечиками, – тогда спрашивай.

– Куда делся третий?

Девчонка заметно напряглась:

– Третий?

– Ну, ведь ты же не одна здесь живёшь.

Вместо ответа Яника принялась сосредоточенно молчать.

Джуда переводил недоуменный взгляд с неё на Лазаря и обратно.

– Одна, – наконец, внушительно заявил он.

Это была ложь. На стеклянной этажерке в ванной Лазарь заметил бритвенные принадлежности и две зубные щётки в подставке. Следовательно, постоянных жильцов здесь было как минимум двое, если, конечно, Джуда не имел привычки таскать с собой предметы личной гигиены в конец света.

– Откуда взял про третьего? – прищурился Джуда.

Лазарь пожал плечами:

– Из лучших надежд.

– В смысле?

– Ну, теперь получается, что вы тут, а ваши родные и близкие где-то там. И неизвестно, что с ними стало.

Яника хотела что-то сказать, но так и не отважилась раскрыть рта. Похоже, её душил изнутри подступивший к горлу ком.

– В ситуациях, вроде этой, намного выгоднее, если никого нет, – продолжал Лазарь. – Как у меня.

А вот и то, чего он добивался – первая слезинка перевалила за край века и сбежала вниз по щеке. Что ж, если она действительно сумасшедшая, если её оскудевший эмоциональный спектр не вкуснее глотка воды (что типично для больных шизофренией), и если глаза Лазаря ему не врут, а они не врут, то девчонка просто талант! Эмоции можно испытывать или не испытывать, можно скрывать, но труднее всего их изображать. Последнее называется актёрством. И на актёрство её слёзы совсем не похожи.

Лицо Джуды посуровело, на скулах перекатывались желваки. Он потянулся к Янике, чтобы обнять, но та решительно оттолкнула его руку плечом. В этом жесте было что-то отчаянное, и в то же время мятежное.

– У меня тоже, – проронила она, смахнув слезу рукавом, – никого нет. Родители умерли, а кроме них никого.

– А мои предки, наверное, свалили из города, – с каким-то ожесточением в голосе проговорил Джуда. – Но я не жалею, что три дня назад приехал сюда, – он предпринял ещё одну попытку обнять подругу, и на этот раз она увенчалась успехом. – Один я у неё остался.

«Шары подкатывает» – высказала авторитетное мнение Дара.

Лазарь решил, что у него нет причин не доверять ей. У Дары на такое нюх, развившийся из богатого личного опыта – чего-чего, а волокит ей хватало. Если она права, то под юбкой у Яники Джуда ещё не был. Стало быть, встречаются недолго, раз уж всё ещё вместе – такие, как Джуда, не из терпеливых. Тем не менее, радовать Сенса было пока рано. Джуда сказал, прошло всего три дня, и это настораживало. Кое-что не сходилось. Девчонка выглядела измождённой недельным голоданием, она просто не успела бы истощать так за трое суток. Выходит, она действительно больна. А раз больна наяву – больна и в инсоне. В такой последовательности.

– Три дня... – мысли Лазаря неожиданно превратились в слова.

– Да, – протянул Джуда, покачиваясь на стуле и обводя глазами кухню, – клали на нас в ООН.

Лазарь посмотрел на Янику. Девушка казалась полностью погружённой в свои думы – только веки подрагивали в унисон с дверью в прихожей.

Лазарь поспешил сменить тему:

– Чем ещё, кроме воды, питаетесь?

– Перебиваемся, – вздохнул Джуда. – Осталось всё, что не портится. Есть мешок картошки, есть сухари. Только готовить не на чем – газа нет. Разве что сырьём жевать.

Проблемы питания Лазаря не беспокоили. От голода хозяин инсона умереть не может, как не может умереть от тоски в жизни. Умереть здесь можно, только перестав бороться. Но девчонка этого не знала и, увядая в инсоне, угасала наяву. Именно в такой последовательности.

– А туалет?

– Ты же канитель. Воды нет. Тебе по-большому или по-малому?

– По-малому.

Физиономия Джуды расплылась в ухмылке:

– Тогда делай, как я. Идешь на балкон, становишься на табуретку и вперед. Если повезёт, обделаешь кого-нибудь из этих уродов.

– Пойду, попрактикуюсь, – Лазарь встал из-за стола. – Расскажешь потом, как делать это по-большому.

Балкон находился в спальне, в другом конце квартиры.

Выйдя в прихожую, Лазарь прошептал:

– Можешь уходить, я надолго застрял. Поезжайте с Сенсом к её дому, осмотритесь, соседей расспросите. К ночи постараюсь вырваться.

«Сейчас только полюбуюсь, как ты писаешь с балкона, и сразу уйду!» – рассмеялась Дарения.

– Или уйдёшь и посмотришь, как я надую себе полные штаны наяву.

Глава 3. Говорят выжившие

1

За окном неустанно тьякала собака, по неясной прихоти прокажѐнных до сих пор оставшаяся не пойманной. Еѐ лай казался чем-то инородным в сонном царстве брошенного города, одиноким и жалостным. Бессмысленное «гав», как отчаянное «ау» заплутавшего в лесу путника.

«АУ! АУ! АУ!»

Они перешли в гостиную – стало немного потише. Зверь в тамбуре обессилел от бесплодных попыток пробить железную дверь и отступил. Ничего не происходило, инсон пребывал в так называемой стадии «кейфа». Конечно, дефиниция «кейфа» в условиях почти свершившегося конца света звучала довольно странно, но по опыту Лазарь знал – настоящая Игра ещё не началась. Обычно в такой ситуации от тебя ничего не требуется и остаѐтся просто ждать, когда акция начнѐт двигаться сама собой. Наверное, оттого Лазарю сейчас особенно некомфортно – он не из тех, кто привык кататься на велосипеде без рук.

«АУ! АУ! АУ!»

Глупая псина даже не подозревает, что зов о помощи в лесу может спровоцировать совершенно противоположный эффект, и тогда вместо бригады спасателей к тебе явится оголодавшая волчья стая.

Лазарь посмотрел на часы и выдохнул – с момента его появления в инсоне минуло чуть больше двух часов. А казалось, что все четыре – время тянулось катастрофически медленно. Но самое неприятно, что он вынужден был сидеть взаперти наравне с Яниккой, даже если сейчас от него не было никакого проку. Покинуть инсон теперь, растворившись в воздухе прямо на глазах у девушки, равносильно проигрышу. Это называется испарением, и продемонстрировать его хозяину инсона категорически не рекомендуется. Испарение неминуемо приведѐт к закупорке сознания, а туннель в инсон будет навсегда заблокирован обвалом разрушенных устоев – ведь всем хорошо известно, что люди не исчезают просто так. Оставалось сидеть здесь и надеяться, что хотя бы Сенсор с Дарой проводят время с большей пользой.

«АУ-АУ-АУ-у-у»...

Дворняга взвизгнула, захлебнулась и умолкла.

– Ёжик сдох, – задумчиво выговорил Джуда.

Они с Яниккой устроились на диване и с индифферентным выражением на лицах разглядывали журнал «Авторевю».

Лазарь наблюдал в окно, как несчастное животное рвут на части четверо прокажѐнных. Работали твари молча и методично, встав кружком над жертвой – через минуту от собаки осталось лишь мокрое пятно на земле. Теперь ясно, почему в городе нет ни одного трупа.

– Ёжика убили, – Лазарь вернулся в кресло. – И съели. Знаете, почему люди не едят ежатины?

Яника оторвалась от журнала:

– Почему?

– Слишком острая.

Тень улыбки выдали проступившие на привычных к этому щеках ямочки. При довольно остром подбородке у неё были высокие чуть выпуклые скулы, отчего овал её лица напоминал перевёрнутую луковицу. Когда она улыбалась, скулы приподнимались ещё выше, превращая глаза в две очаровательные щѐлки – точь-в-точь, как в японском аниме. Очевидно, в жизни она

очень улыбочивый человек – только лица очень улыбочивых людей достаточно натренированы для молниеносных микроулыбок вроде этой.

– А почему люди не едят людей, знаешь?

Улыбка сошла с губ так же быстро, как и появилась.

– Люди едят людей, – серьёзно сказала она.

– Ещё как едят, – поддержал Джуда. – Спроси нашего соседа, если не веришь.

Лазарь отмахнулся:

– У нас разговор не заладился. Он показался мне каким-то нелюдимым.

Джуда запрокинул назад голову и расхохотался, а Яника принялась сосредоточенно листать журнал. Эта шутка, на вкус Лазаря, вышла куда острее предыдущей, но Яника никак не отреагировала, и продолжала листать журнал про автомобили.

– Интересный? – спросил её Лазарь.

Она смотрела на него поверх журнала:

– Что?

– Твой журнал – интересный?

Девушка качнула головой.

– Я не читаю. Так, картинки рассматриваю.

– Машинами, то есть, не интересуешься?

– Не особенно, – она пожала печами. – Во всяком случае, пока у меня нет своей.

– Тогда откуда журнал?

Яника вскинула голову и уставилась на Лазаря с видом проштрафившейся школьницы, застуканной с сигаретой в школьном туалете.

– Необязательно было врать, ты же мне ничем не обязана, – мягко заметил Лазарь. – Могла просто не отвечать, когда я спрашивал про «третьего». Помнишь, мы предусматривали такую возможность?

Это было смешно и нет сразу. Стыдить человека в его же собственном инсоне – всё равно, что воспитывать чужого ребёнка.

Яника переложила журнал на колени Джуде и выпрямилась.

– Мне совершенно безразлично, что ты обо мне подумаешь! – заявила она. На щеках выступил чуть заметный румянец. – Никогда не понимала дурацкой манеры совать нос в чужие дела.

– Это в человеческой натуре. Мы бы все передохли со скуки, если бы не обращали друг на друга внимания.

– Не померли. Ты вот, Лазарь, сейчас жил бы спокойнее.

– Если под спокойствием ты подразумеваешь упокоение, то да, без сомнения. Но вот жил бы? – Лазарь кивнул в сторону прихожей. – Если бы всем было плевать?

Яника не нашлась, что ответить.

Воцарившуюся тишину нарушил Джуда:

– Жрать охота.

Девушка вызвалась принести. Она вскочила с дивана чуть быстрее, чем собиралась, и от Лазаря не ускользнуло, как болезненно сморщилось её лицо, когда она отталкивалась от сиденья руками. Яника ушла на кухню, и какое-то время оттуда слышался шорох целлофановых пакетов.

– Сухпай? – усмехнулся Лазарь.

– Суххрень, – ворчливо отозвался Джуда. – Слушай, э-э... мы же с тобой договорились...

– Я помню, помню. Суххрень – не самое моё любимое блюдо.

Джуда удовлетворённо кивнул.

2

Яника принесла большой пакет с сухарями, зелёную пачку чипсов «Лэйз» и пластмассовый термос.

– Приятного аппетита, – Лазарь подавил в себе желание поиздеваться над их совестью и, дабы им легче жевалось, отвернулся к окну.

Впрочем, размышлял он, о каком смущении может идти речь, когда речь идёт о выживании? В современной художественной литературе и кино на постапокалиптическую тематику оставшийся на попечение анархии народ обычно изображается сообществом первобытных хищников: охотников, кто посмелее, и падальщиков, кто нет. И дело здесь вовсе не в деградации. Дело в прогрессе – эволюции, обусловленной одним лишь дарвиновским естественным отбором.

Что-то ударило Лазарю в спину, отскочило и упало на пол. Он обернулся. Джуда энергично хрустел чипсами, запивая чаем из крышки термоса, Яника грызла кусок высушенной ковриги и задумчиво смотрела в антрацитовый экран телевизора. Точно таким же куском она только что бросила в Лазаря.

Лазарь поднял хлеб с ковра и удивлённо повертел в пальцах, точно это был осколок метеорита.

– Гуманитарная помощь от Яни, – великодушно пояснил Джуда, опрокидывая залпом остатки чая. – Знаешь, она у нас филантропка...

– А то хрен бы ты меня впустил, помню.

– Именно.

Яника оторвалась от созерцания своего скукоженного отражения в выпуклой темноте кинескопа и забрала у Джуды крышку от термоса.

– Смотри, разбалуешь, – недовольно буркнул тот.

Лазарь неподвижно наблюдал, как она заново наполняет чашку и несёт ему. Травоядные вроде неё вымрут в числе первых. Естественный отбор беспощадно отбраковывает таких, чтобы навсегда исключить убогие аллели из генетического аппарата.

– Третий, – сказала Яника, протягивая Лазарю чашку, – был мой отец, раз уж тебе интересно. Мы жили вдвоём. Три дня назад он оставил меня здесь, когда спасался бегством от твари, которая чуть не прикончила тебя утром. Ну, бери. Запьюсь.

Принимая чашку, Лазарь мельком коснулся её пальцев. Холодные и влажные, как после игры в снежки без варежек.

– Ты явно в мать, – заметил он, отпивая из кружки.

Яника поджала губы и быстро вернулась к Джуде.

– Не суди о том, чего не знаешь. Он меня не бросал.

Лазарь макнул сухарь в чай. Есть в чужом инсоне – всё равно, что справлять малую нужду во сне. Облегчение приходит лишь на время.

– «Оставил» звучит презентабельней, но смысл тот же.

В борьбе с новым приступом слёз Яника выпятила подбородок и принялась тереть манжет рукава:

– Я сама во всём виновата.

Конечно, сама. Они все так думают. Разные инсоны, разные люди, и уж совсем разные Игры, но всюду одна и та же проблема – смутные границы между «виноватой» и «виновной». Разглядеть эту тонкую грань – задача Игрока. Нашупать и показать её – задача Бегуна.

– Я впустила эту тварь, – продолжала Яника. – Отец не разрешал, а я впустила. Он пытался меня защитить, но зверь был сильнее.

– Можешь не рассказывать, – полушёпотом напомнил ей Джуда. – Кто он такой?

Последнее, очевидно, касалось Лазаря.

– Нет-нет, всё нормально, – она решительно замотала головой. Рыжие космы запрыгали над плечами. – Да, я в порядке... Нет, хочу рассказать.

3

Три дня назад, когда всё началось, они с отцом поссорились. Отец был пьян и зол. Она сказала, что её пригласили на вечеринку, и она собирается пойти. Он раскричался.

«Ты не пойдёшь ни на какую долбанную тусовалку!» – орал он в бешенстве. – «Сегодня никакой тусовалки, где ты будешь вертеть задницей, не будет!»

Его глаза едва не вылезли из орбит, с губ почти летела клочьями пена.

Она ответила, что всё равно пойдёт.

«Только попробуй! Только попробуй открыть эту грёбаную дверь! Я тебе такое устрою! Надолго отобью желание шляться по всяким тусовалкам! Уж поверь, золотко, отобью!»

– Если бы я послушалась, всё могло быть иначе, – сокрушалась Яника. – Но я так разозлилась на него...

Она оттолкнула отца, и пока он пьяно пятился назад, пытаясь вернуть равновесие, быстро обулась и выскочила в тамбур. Когда я открыла дверь на площадку, там стоял он.

– В жизни никого страшнее не видела. И, наверно, никогда в жизни так не кричала... когда бежала обратно в комнату.

Монстр ворвался в квартиру.

– В прихожей его встретил отец. Они стали драться... так страшно. Он кричал: «беги, беги, беги»!

Беги! Беги! Беги! Но она не побежала. Осталась стоять, как вкопанная. Просто стояла там и смотрела, оцепенев от ужаса, потеряв контроль над телом, ощущая себя пилотом огромного робота, запертым в черепной коробке, как в задраенной кабине, мигающей изнутри разноцветными лампочками закортившей приборной панели. Всё, что ей оставалось – наблюдать за происходящим снаружи, прикинув ладонями к глазам-иллюминаторам.

Отец повторял «беги» снова и снова, но она так и не сдвинулась с места. И тогда побежал он.

– А зверь погнался следом. Они так гроыхали в подъезде, что я думала, оба катятся вниз по лестницам, намертво вцепившись друг в друга.

Когда грохот на лестничной клетке стих, Яника осознала, что осталась в квартире одна. Робот дрогнул, тревожные огни в обесточенной кабине погасли. Мрак окутал всё прежде, чем подкосились бесчувственные ноги.

– Когда я очнулась, то обнаружила, что прошло много времени, – она кивком откинула назад волосы и быстро утёрла мокрые щёки. – Тогда я позвонила Джуде. Ну, а дальше ты знаешь.

Лазарь подошёл к дивану и вернул Янике пустую крышку от термоса.

– Спасибо.

– Да ну, – она отмахнулась, – не за что.

– Не за чай. За правду.

Джуда с угрюмым видом отряхнул ладони от крошек, одновременно выковыривая языком застрявшие в зубах остатки сухаря:

– Вот и пообедали.

4

За окном смеркалось. Порыжелое, в красных подпалинах небо свидетельствовало о том, что в зимней реальности давно стемнело. Лазарь старался не думать о том, что его ждёт по возвращению в явь. Длительные посиделки в инсонах плохо сказываются на самочувствии в реальности. Обычно хочется всего и сразу: есть, пить, в туалет, пулю в голову. Наверное, так чувствует себя медведь, вылезая из берлоги с первыми лучами весеннего солнца.

Интересно, как проходит спячка у медведей? Пролетает пьяным сном, одним мгновением меж моргнувших век, или растягивается на век в inferнальных образах бессонницы? Фантомные, шепчущие голоса. Галлюциногенные конструкции, которые восстают и тут же осыпаются, словно вылепленные из мокрого и сухого песка. И снова поднимаются... И снова падают...

Нет, это не сон. Это – абсурд засыпания.

Лазарь медленно отключался, раскинувшись в кресле у окна, запрокинув на мягкую спинку голову и раскрыв рот.

У людей, например, раз на раз не приходится. Неврологи утверждают, что всё зависит от стадии сна. Точнее от того, в которой из них тебя разбудят. Будет ли это миг или долгая череда обрывистых, бессодержательных лестниц... историй, конечно же, каких к чёрту лестниц, череда историй...

Так у людей...

А у медведей?

Спать в инсоне бесполезно, потому что инсон – это не берлога. Не абсурд на одну ночь.

Неврологи говорят, что у людей... а гризли – та ещё сволочь...

5

«Говорят выжившие! Всем выжившим! Мы ищем людей! Если вы нас слышите, мы стоим лагерем в супермаркете „Гризли“! Мы готовы помочь! У нас есть еда и оружие! Говорят выжившие! Всем выжившим!»

Лазарь вздрогнул и проснулся. Машинально утёр ладонью влажный след от слюны на щеке, другой рукой поправил съехавшую на глаза повязку. Сознание затуманило дремой, со сна он не сразу вспомнил, где находится. Словесные нелепицы почти уснувшего мозга каким-то образом перекочевали в реальность (или наоборот?) и теперь дребезжали рупорным эхом в темноте за окном.

«Говорят выжившие! Всем выжившим! Мы ищем людей! Если вы нас слышите, мы стоим лагерем в супермаркете „Гризли“! Мы готовы помочь! У нас есть еда и оружие! Говорят выжившие! Всем выжившим!»

Давненько он не засыпал в инсонах. Разницы, в принципе, никакой, если не считать неизменного чувства дезориентации при пробуждении. Сколько прошло времени? Лазарь нажал на кнопку подсветки в торце часов, и электронный циферблат зажёгся желтоватым отсветом. Полночь.

«Говорят выжившие! Всем выжившим! Мы ищем людей!»

Усиленный громкоговорителем голос казался смутно знакомым. Это настораживало, потому что шансы наткнуться в чужом инсоне на знакомого человека не больше, чем отыскать такого на Луне. Разве что...

– Что это? – испуганно прошептала с дивана Яника.

Они с Джудой тоже уснули. В полумраке гостиной, озаряемой жёлтым глазом луны, виднелись их сторбленные силуэты. Лазарь прижался ладонями к оконному стеклу и долго всматривался во мглу двора. Оказывается, достаточно отключить во всём городе свет, чтобы понять,

какими по-настоящему тёмными могут быть ночи. Царящее внизу разорение, прикрытое пологом тьмы, напоминало неубранную детскую комнату.

– Я ни черта не слышал, – сонно залопотал Джуда. – Ну, мы и рубанули! Сколько сейчас?

– Тс-с-с! – зашипела на него Яника. – Лазарь, ты слышал?

– Слышал. И вы сейчас услышите, если помолчите.

«Говорят выжившие! Всем выжившим! Мы ищем людей! Если вы нас слышите, мы стоим лагерем в супермаркете „Гризли“! Мы готовы помочь! У нас есть еда и оружие!»

Началось. Заглохшая машина, беззвучно катившаяся под горку, вздрогнула, поймала сцепление и взревела всеми цилиндрами ожившего двигателя. Теперь Лазарь почти не сомневался, что знает голос вещателя. Стало быть, офицеры Ведущего вступили в Игру и уже здесь.

– Вот это да! – Джуда подскочил к окну, упёрся лбом в стекло. – Где это – «Гризли»? Ни черта не видно.

– Это в двух кварталах отсюда, – сказала Яника. – По Королёва, в сторону центра.

Ну, надо же! Целых два квартала, а слышимость, будто лагерь за домом напротив. Достаточно выгнать из города всех людей, чтобы почувствовать всю мощь подлинной тишины.

– Далековато пилить, – Джуда возбуждённо мерил шагами комнату. – Какие у кого мысли?

Яника прошла к трюмо, вынула из ящика несколько чайных свечей в алюминиевых гильзах, расставила на журнальном столике и подожгла фитили. Пляшущие язычки пламени разогнали мрак по углам комнаты.

– Ты всерьёз хочешь попробовать добраться? – в свечном освещении её лицо выглядело особенно болезненно.

– Чёрт, да! Это же такой шанс – глупо будет упускать.

– Ты забыл, почему мы здесь, Джуд?

– Помню, не забыл. А ты что скажешь, Лазарь? Лазарь?

Лазарь слушал их вполуха. Он старался вспомнить хозяина голоса из громкоговорителя. Возможно, если он узнает его, получится установить серьёзности сложившейся ситуации.

– Земля вызывает Лазаря!

Лазарь отошёл от окна и ступил в круг света у журнального столика.

– Думаю, пора бежать с острова. И чем скорее, тем лучше.

Джуда ударил кулаком в ладонь:

– Вот и я про то же!

– И как ты собираешься это сделать? – раздражилась Яника. – Построим плот и будем надеяться, что нас не перехватят по дороге «другие»?

– Правильный вопрос не как, а куда, – сказал Лазарь. – Раньше бежать было некуда, теперь – есть. Как мы это сделаем уже вопрос фантазии.

– Точно-точно, – энергично закивал Джуда, – ты ведь к нам пробился как-то. Да ещё в одиночку. Нас трое, значит, вдвое больше шансов.

На взгляд Лазаря, как раз в одиночку добраться до лагеря было бы проще. Если, конечно, Джуда не подразумевал командное преимущество в три «хит пойнта».

Яника обняла себя руками, поёжилась:

– Что-нибудь придумаем – таков план? Как все легко, оказывается.

– Мой план здесь не сдохнуть! – вскричал Джуда. – А мы обязательно сдохнем, если останемся. Ты же не думаешь, что можно вот так вечно сидеть здесь и жрать сухари? О, опять! Слышите?

Все замолчали и прислушались.

«Из лагеря выживших, всем выжившим! Мы движемся на восток, к Большому Мосту, подальше от города! Через сорок восемь часов лагерь тронется с места. Повторяем, у вас сорок восемь часов, чтобы присоединиться к нам! Мы находимся в супермаркете „Гризли“!»

Вот и условия Игры, а то уж Лазарь начал беспокоиться. За условиями, как водится, следуют препятствия. Чёрт, чей же это голос?

– Не знаю, как мы, но вот они, – он ткнул пальцем в желтовато-серый прямоугольник окна за спиной, – засиживаться точно не собираются.

Джуда заелозил вспотевшими ладонями о штанины:

– Так я и знал, так и знал. Яни, там ведь могут быть мои предки.

Незаметно для всех Лазарь принял на себя командование:

– Итак, голосуем. Кто за то, чтобы идти в лагерь, поднимают руку.

Две руки – его и Джуды – взмыли вверх. Рука Яники нерешительно присоединилась к ним через секунду. Хорошо, что она сделала это сама – не придётся вышвыривать её в окно.

– Единогласно! – Джуда добрёл на глазах.

– Конечно, – хмыкнула Яника, – когда есть единогласие, не придётся соглашаться несогласных.

– Смешно, – Джуда придвинулся к подруге поближе. – Не бойся, солнце, я в обиду не дам. Всё будет хорошо.

Лазарь старался не смотреть, как они целуются, и молча ждал.

– Кхе-кхем, – покашлял он, когда ждать дальше становилось оскорбительно. – Я, вообще-то, здесь.

Они оторвались друг от друга с полуулыбками на лицах и подняли на него глаза.

– Выдвигаемся рано утром, – только сейчас Лазарь по-настоящему понял, насколько сильно хочет вернуться в явь.

– Мы не решили, как быть с прокажённым, – вспомнил Джуда.

– Мы подумаем об этом завтра. А сейчас надо хоть немного поспать. Я пойду в спальню, а вы тогда здесь...

– Да, точно, – охотно подхватил Джуда. – Располагайся в спальне Яни.

Когда Лазарь покидал гостиную, Джуда, незаметно от подруги, сально ему подмигнул.

Похоже, на счёт этих двоих Дара попала в точку.

6

Спальня Яники располагалась через стенку. В дальнем конце была дверь на балкон, с которого Джуда имел привычку отправлять малую надобность. Окно было зашторено, лунный свет едва брезжил через окошко в двери, отчего вся спальня казалась ещё темнее. Предметы обстановки выдавались объёмными чёрными пятнами на фоне остального пространства комнаты.

Лазарь нащупал на двери щеколду и замкнулся изнутри. Полезно на случай, если кто-нибудь вздумает проведать его ночью – не хотелось бы стать для Яники конфуцианской чёрной кошкой. Он ощупью добрался до кровати и, не раздеваясь, упал на покрывала. Закрыв глаза, прислушался к ритму сердца.

Пульс в норме, так что можно сразу приступать к выходу из инсона.

Вдох. Выдох. Вдох.

Если вход больше похож на туннель, то выход однозначно на колодец. Лазарь сосредоточился на самом дне. Минуты через две тело стало терять плотность, как кубик льда, брошенный таять на июльском солнцепёке. Руки-ноги отнялись первыми; они истончились и исчезли, оставив туловище лежать на кровати беспомощным мясным оковалком.

Третья минута. Кусок льда истлевал на поролоновой губке. Лазарь медленно просачивался спиной в зыбкую трясику матраца. Четвёртая минута, и вот он уже падает в нижнюю квартиру, позвоночником ощущая летящий на него пол. Ковёр натянулся и лопнул под весом тела, как сетка паутины, пропуская на нижние этажи. Второй, первый... пятая минута.

Лазарь летел сквозь землю в непроницаемый мрак, потеряв вес и полностью испарившись. От него остались лишь мысли, свободно парящие в воздухе. Самое трудное сейчас заставить себя открыть глаза. Если этого не сделать, можно падать так целую вечность, ограниченную ресурсами физического тела.

Нужно открыть глаза.

7

К потолку комнаты прилип неровный круг света из абажура торшера. Какое-то время Лазарь созерцал его, моргая глазами, пока пересохшее горло не свело перхотой. Надрывно кашляя, он перекинулся на бок, запутался в накидке и свалился с дивана на пол. Оказывается, чьи-то заботливые руки закутали его в плед, пока он был в отключке.

Лазарь проглотил слюну, и та покатила по глотке раскалённым угольком. Выбравшись из пледа, он уселся на пол, откинулся на сиденье дивана и принялся ощупывать лоб над правым глазом. К счастью, наяву рана оказалась не столь устрашающей – кровь грамотно остановили смоченным в перекиси водорода тампоном, который приклеили ко лбу лейкопластырем. Рассечение, вроде того, что он получил в инсоне, для полного заживления в яви пришлось бы зашивать. К счастью для Бегуна, причинно-следственная связь между инсоном и явью инверсивна, и в квартире номер пятнадцать рана тоже затянется без вмешательства кривых игл и ниток. Казус в том, что благодаря этой инверсии он и очнулся сейчас наяву с разбитой головой.

Кроме Лазаря в комнате никого больше не было. Настольные часы показывали половину первого ночи, там же на столе чьи-то заботливые руки (Лазарь подозревал, что всё те же) оставили для него кружку и графин с питьевой водой. Присосавшись прямо к горлышку, Лазарь пил долгими жадными глотками, попутно сожалея о том, что владельцу заботливых рук не хватило ума, а может, воспитания поставить рядом ночной горшок, тазик или, на худой конец, ещё один, но уже пустой графин.

8

Лазарь нашёл Сенса, Дарению и Айму в гостиной на первом этаже. В камине потрескивал огонь, являвшийся единственным источником освещения в комнате. Неровный свет пламени заставлял тени на потолке извиваться в причудливом диско-танце. В комнате царили тепло и уют.

Сенс, укутанный в красный махровый халат, восседал в кресле, Инь и Ян в домашних майках и трико расположились на диване напротив. Когда Лазарь вошёл, все трое быстро свернули какую-то беседу и уставились на него, как семейство сурикатов на льва.

– Как продукты? – небрежно обронил Лазарь в сторону Аймы, усаживаясь на журнальный столик. – Всё купила?

– Почти, – язвительно отозвалась японка. – Зоомагазин закрылся, так что завтра ты без завтрака.

Дара бросила на подругу укоризненный взгляд и поспешила уточнить:

– Как голова?

Лазарь поднял со столика чашку с кофе, который пил Сенс, и в два глотка осушил её.

– Думать будет, твоими стараниями, – ответил он, возвращая Сенсу опустевшую чашку.

– Ну и денёк, – нервно улыбнулась Дара. – Два раза сегодня тебя хоронила.

– Считаю дальше завтра.

Сенсор поставил чашку на пол и принялся массировать указательным пальцами уголки глаз.

– А что будет завтра? – вяло поинтересовался он.

– Завтра будет круче, чем вчера.

– Да куда уж круче, – сумрачно отозвалась Дара.

Судя по тому, как все устали на неё, сейчас речь пойдёт о том, что они так усиленно обсуждали здесь до появления Лазаря. Опять же, никаких логических умозаключений – всё было написано у них на лицах.

Лазарь вопросительно посмотрел на Дару.

– Марс напился, представляешь? – замогильным голос объявила та. – Прогулял все уроки с какими-то старшеклассниками, привезли домой на машине... вдрабадан. Заблевал всю прихожую, ругался матом... – тут её голос дрогнул, – пытался лапать Айму...

Она умолкла и втянула голову в плечи, словно ожидала получить подзатыльник – и было за что получить. Теперь ясно, чего они так перетрухнули, когда он вошёл.

Полгода назад Дара с Аймой привели в дом Марса. Мальчишку вытащили с улицы грязным беспризорником, нюхавшим клей, купленный на честно украденные копейки. Наделённый даром эмпатии, парень сразу попал в поле зрения Ведущего и его зондеркоманды. Само собой, его «играли» – юные дарования вроде Марса интересуют Ведущего в первую очередь. К счастью, Сенс засёк Игру на ранней стадии, и мальчишку удалось отыграть. На том бы и закончить, но нет – сердобольные Инь и Ян не захотели отпускать несчастного дитя обратно на улицу, в лапы наркотиков и воровства. Им захотелось поиграть в Игру иного сорта. Поиграть в покровительниц, воспитательниц, мам. С дозволения Мецената они взяли Марса на поруки и сделали сыном полка.

Лазарь сразу занял позицию против. Не только потому, что не любил детей (детей он просто ненавидел), но главным образом потому, что не верил в перевоспитание как таковое. В принципе он допускал, что в юном возрасте из человека ещё не поздно вылепить что-то путное, но дело это казалось ему до того трудным и неподъёмным, что он даже кончиком мизинца не желал участвовать в подобном опыте. Поэтому он сразу же открестился от любых попыток вовлечь себя в воспитательный процесс, лишь предупредив напоследок новоиспечённых мамочек, что трудный характер мальчишки аукнется им ещё не раз.

К вящему удивлению Лазаря, Марсен не оправдал его ожиданий. Поначалу всё шло не слишком гладко – мальчишка частенько взбрыкивал, тащил из дома всё, что плохо лежит, пару раз сбежал сам. Но всегда сам же и возвращался. Тогда Айма и Дара прибегли к уловке. Зачем иметь сверхспособности, если нельзя ими воспользоваться? Идея была проста, как всё гениальное – попытаться воздействовать на мальчишку изнутри, прямым из инсона. Неизвестно, какие гайки им удалось подкрутить, а какие ослабить, но это возымело эффект. Через месяц пыл у парня поутих. Ещё через два от от замороженного вокзального попрошайки не осталось и следа.

Айма и Дара ходили гоголем, едва не лопааясь от гордости. Ещё бы – опыт удался! Марсен по-настоящему привязался к обеим, завёл дружбу с Сенсом, неплохо ладил с Матвеем. А вот с Лазарем не задалось. Видимо, на каком-то подсознательном уровне парень чувствовал питаемую к нему неприязнь, и отвечал взаимностью. Да и категорическое нежелание Лазаря брать его в инсон не способствовало.

И вот теперь, как гром среди ясного неба, рецидив. Да ещё какой – мальчишка никогда раньше не выказывал пристрастия к алкоголю. Неудивительно, что Инь и Ян забили тревогу.

– Сейчас он спит, – сказала Айма. Внутреннее напряжение выдавали сдвинутые клинышком брови, делающие её похожей на разъярённого Будду. – Завтра устрой такую взбучку, неделю на жопе сидеть не сможет.

Насколько помнил Лазарь, за всё время, что мальчишка провёл здесь, его ни разу пальцем не тронули, а значит, не тронут и впредь. А значит, угрозы Аймы – пустые обещания.

Похоже, скептицизм отразился у него на лице, потому что японка спросила:

– Что-то не так?

Лазарь с трудом подавил улыбку. На такие вопросы положено отвечать вопросом.

– За какое место, говоришь, он тебя пощупал?

Айма и Дара одновременно откинулись на спинку дивана с одинаково разочарованными выражениями на лицах.

– То есть вы, конечно, его мамочки и всё такое, но разве это не пахнет инцестом...

– Ничего другого от тебя и не ждали, – с отвращением проговорила Айма.

Дара подалась вперёд и обвела присутствующих серьёзным взглядом.

– Короче, – сказала она заговорщически полупрошепотом, – с этого момента называем Марса мелким пьянчужкой, договорились?

Полусонная физиономия Сенса оживилась:

– Мелким пьянчужкой?

– Ну, или просто пьянчужкой, – смутилась Дара. – Это...

– ...такой психологический приём, – закончил за неё Лазарь. – Задеть самолюбие, заставить доказать, что это не так, побудить к самоисправлению, не прибегая к рукоприкладству.

– А что? – насторожилась Дара. – Считаешь это неправильным?

Как ни крути, а мнение Лазаря для неё всегда было важнее собственного.

Лазарь поднял ладони:

– Кто я такой, чтобы указывать? Вы его мамочки, вам и решать.

Инь и Ян переглянулись. Видимо, эта идея родилась у них давно, они как раз собирались посвятить в неё Сенса, но появление Лазаря смешало все карты.

Дара решила идти до конца:

– Ну, что? Договорились?

– Пьянчужка так пьянчужка, – меланхолично отозвался Сенс. Он жаворонок, а потому уже к одиннадцати вечера согласится на всё, лишь бы его поскорее отпустили в гнездо.

– Пьянчужка, – скрепил Лазарь. А что, будет даже забавно. – Ну, а теперь, если вы не против, перейдём к мелкой шизичке. Что-нибудь выяснили?

– Кое-что-о-о, – Сенсор душераздирающе зевнул. – Но ничего особенно полезного.

Глядя на него, Лазарь тоже не смог подавить зевету.

– Информация бывает неактуальной, но никогда бесполезной. Рассказывай.

Сенс ещё раз хорошенько зевнул и стал рассказывать. Всё, что им удалось с Дарой – разговорить некую бабулю, выходящую кормить кошек.

– Каких ещё кошек? – нахмурился Лазарь.

– О, у них там внизу настоящий «кошкин дом»! – восхищённо объяснила Дара. – Из картонных коробок, досок и бог знает чего ещё. Даже не дом, а целое общежитие.

– И в нём живёт по меньшей мере штук двадцать кошек и котят всех пород и мастей, – подтвердил Сенсор. – Бабуля, которую мы поймали, этот приют организовала и содержит.

Лазарь почувствовал поднимающуюся внутри неприязнь. Люди без цели – самые опасные люди на свете. Наверное, поэтому он одинаково недолюбливает стариков и детей.

– В инсоне Яники, – он неопределённо кивнул куда-то в сторону, – вскормленники её питомника стали неплохим снеком для целой ватаги голодных животных.

Дарения брезгливо поморщилась, но смолчала.

Сенс продолжил. По иронии судьбы бабка оказалось не просто помешанной кошатницей, но ещё и председателем тамошнего ТСЖ. Так что заведовала делами жильцов как картонной коробкой, так и бетонной.

– В общем, мы ей наплели, что одна девчонка...

– Яника, – быстро вставил Лазарь.

– ... Яника, – механически повторил Сенсор, – рыжая такая, сумочку с деньгами и паспортом на остановке забыла. Мы, дескать, нашли и вернуть хотим. Бабка знай не дура – фамилию, говорит, скажите, и тогда уж подумаем, наша она или нет.

– Хитро, – согласился Лазарь.

– Мы тоже не пальцем деланные, – вмешалась Дара. – Где гарантии, что старуха не соврёт и не присвоит чужие деньги? Так что первыми ничего никому говорить не будем. Пусть она сначала скажет фамилию, а мы по паспорту сверим.

– Ещё хитрее.

– Не тут-то было! – Сенсор погрозил кому-то указательным пальцем. – Старушка точно в контрразведке служила. До прописочки, говорит, паспорт полистайте – там и адресок найдётся. Зачем же людей лишний раз беспокоить?

– Очень хитро!

– Угу, – сказала Дара. – Тут я вспомнила этаж и номер квартиры в инсоне. Ну, и попала в точку.

– А вот это уже везение, – поскущел Лазарь.

– Везение или нет, но старушка тогда всю подноготную про Янику твою нам выложила. В общем, зовут её Катя Исакова, ей то ли восемнадцать, то ли девятнадцать лет, учится в РИНХе на первом курсе юридического, живёт вдвоём...

– ... с отцом, – опередил её Лазарь.

– ... с отчимом, – в унисон с ним закончила Дара.

Лазарь секунду думал.

– Интересно, – сказал он. – Куда делись остальные родители, узнали?

Дарения снова поморщилась – речевые обороты Лазаря частенько действовали на неё, как рвотное.

– Остальные умерли. Отец погиб, когда она была совсем маленькой. Мать вышла за отцовского старого друга, а два года назад скоропостижно скончалась.

– Интересно, – повторил Лазарь. – Что-нибудь ещё?

Сенсор часто заморгал в попытке размять немеющие веки:

– Ещё она очень милая девочка, всегда приветливая, всегда здороваётся. А иногда даже спрашивается о самочувствии старушки. Короче, ничего больше. И больше ничего не узнаем – по крайней мере, от бабки-управдома. Она ещё долго сыпала нас комплиментами, пока мы смывались оттуда, не отдав ни сумки, ни паспорта. А что «интересно»?

– То, что девчонка не нормальная, – ответил Лазарь, думая, как сильно хочет сейчас спать. – В смысле, не нормальная ненормальная.

– Типа недосумасшедшая? – усмехнулся Сенс. – Кому же она тогда таблетки брала?

– Не знаю.

– И чем больна? Ведь больна, ясно же.

– Не знаю.

– А что там вообще происходит?

– Не знаю! – вскричал Лазарь, хватив кулаком по столу. – Не имею ни малейшего понятия!

Дарения вздрогнула. Сенсор пружинисто выпрямился, растеряв разом всю сонливость. Айма недовольно закачала головой.

Лазарю пришлось в голову, что лучше всего оставить их сейчас без объяснений, пойти к себе, растянуться на диване и хорошенько всё обдумать. Но он сомневался, что у него получится. Умственная работа, начатая в состоянии физического переутомления, обычно заканчивается отключением как тела, так и разума – часов на восемь в норме.

Лазарь уронил голову на руки и уставился в полыхающий зев камина. Языки пламени успокаивали нервы, но вместе с тем усыпляли не хуже снотворного. Хотелось прогнать всех из комнаты и улечься спать прямо здесь, на ковре.

– Игра началась, – негромко проговорил он, – условия есть, а правил мы не знаем. И не узнаем, пока из всей информации у нас только повесть о том, какая она славная сирота. Вариантов много, а перебирать наугад – всё равно, что чикать кусачками по проводам бомбы.

К Сенсору вернулся сонный вид.

– Мы не МВД, – принялся загибать пальцы он, – не ФСБ, не ИНТЕРПОЛ, не ещё какая-нибудь крутая аббревиатура. Мы вообще никто! Горстка энтузиастов, совсем недавно вышедших из пубертатного периода. Да ещё прямые контакты с жертвой нам запрещены. Чего ты хочешь? Полное досье на неё и всех её родственников на три колена вверх по генеалогическому древу?

Лазарь пожал плечами:

– Было бы неплохо. Это ведь ты мечтал в детстве стать частным сыщиком. Вот посиди сегодня днём в засаде, устрой слежку...

– Я никогда не мечтал быть сыщиком.

– ...вломись в дом, когда никого не будет.

– И домушником тоже.

– Ну, хорошо! Ты хотел стать дрессировщиком диких хищников. Какая разница?

Айма смерила Сенса пытливым взглядом:

– Дрессировщиком? Правда?

– В детстве, – отмахнулся Сенсор, – хотел. Когда посмотрел первый раз «Полосатый Рейс». Воображал, как это круто – находиться в одной клетке с тиграми, кормить с руки и всякое такое.

– А ещё писающих от восхищения одноклассниц, и делающих то же самое от зависти одноклассников, – усмехнулся Лазарь.

– Попридержал бы свою сатиру, Гриффин-невидимка! – парировал Сенс.

Теперь уже заинтересовалась Дара:

– Что хорошего быть невидимым?

– Вездесущим, – поправил Лазарь и поспешил сменить тему: – А про засаду я не шучу. Возьми с собой «Твикс», съезди к ней ещё раз. Было бы неплохо, если бы Дара посмотрела отчима, друзей, соседей. Особенно из четырнадцатой квартиры. И будет совсем хорошо, если вы найдёте этого парня, Джуду. Судя по инсону, он единственный, кому она сейчас верит.

Айма покачала головой:

– Без меня. Завтра я встречаюсь с Матвеем в городе, а вечером институт.

– Зачем? – нахмурил брови Сенсор.

– Грызть гранату науки.

– Да я про Матвея.

Определённо, уж лучше дрессировщик, чем сыщик. Некоторым иногда стоит помнить о своих детских мечтах.

– У них свидание, – Лазарь развернулся к Айме и прибавил с усмешкой: – Тайное, я полагаю? Так что спрашивать тебя о подробностях бесполезно.

Японка утвердительно кивнула:

– Матвей просил не говорить.

– Ну, ещё бы. Он всё ещё надеется сохранить свой позор втайне?

– Не беспокойся за Матвея, у него всё в порядке.

– Ну, разумеется! Именно поэтому он и не берёт тебя с собой.

– Может, ты меня возьмёшь, раз уж у тебя всё на мази? – набычилась Айма. – Для такого дела я даже специально выкрою завтра немного времени.

Лазарь хлопнул себя ладонями по коленям, вставая.

– Могу «взять» тебя прямо сейчас. Ты где предпочитаешь – на столе, на диване? Ладно, завтра так завтра. Пойду, пофа... нтазирую немного на эту тему перед сном. Надо проснуться раньше Яники.

– Ты так и не рассказал, что у вас сегодня намечается! – спохватился Сенсор.

Лазарь не смотрел на них – он уже шагнул к выходу из комнаты:

– Ничего. Я рассказал, что сегодня намечается у вас.

Выйдя в коридор, он расслышал, как Сенсор растерянно спрашивает кого-то:

– «Ничего» не намечается или «ничего», что не рассказал?

Глава 4. Девять из десяти

1

– Это безумие, – повторила Яника, свесившись из окна. – Безумие, безумие, безумие.

Они собрались на кухне. Разгоравшийся день сулил настоящее пекло – часы показывали шесть утра, а солнце уже разгулялось вовсю. Одно утешение – воздух покинутого людьми города был в разы чище обычного. Ни пыли, ни выхлопных газов. Дышалось намного легче, и даже виделось как будто дальше – воздух стал прозрачней. Удивительно, как мало нужно природе, чтобы очиститься от токсина под названием люди.

Утро началось довольно шумно – с очередного захода прокажённого соседа на приступ квартиры номер пятнадцать – и продолжилось в спешных сборах.

– Вода? – Лазарь передал Джуде три разделочных ножа.

Парень кивком указал на старую армейскую флягу в зелёном суконном чехле:

– Здесь.

Больше и не надо, решил Лазарь, помогая Джуде продеть поясной ремень в шлёвки на чехле. У них впереди множество разнообразных возможностей умереть от чего-нибудь, кроме жажды.

– Спички?

– У меня, – откликнулась Яника.

Лагерь выживших с самого утра прекратил вещание, и Лазаря заботило только одно – найти в магазине «Гризли» именно выживших.

– Фонарик?

– Взяли.

– Проверяем ещё раз узлы.

Все трое схватились за похожую на мёртвого удава жилистую верёвку, унизанную по всей длине тряпичными узлами, и стали передавать её друг другу по цепочке на манер заправских матросов, сматывающих швартовый. Никогда прежде не приходилось Лазарю вить верёвок из постельного белья – раньше он видел такое только по телевизору. Правда, один знакомый уверял, что лазал по таким лично, но рассказы людей Лазарь привык делить надвое, а лучше не верить совсем. Не говоря уже о телевизоре.

– Порядок! – отрапортовал Джуда, ошупав последний узел.

Лазарь не мог не заметить, насколько бодро и свежо смотрелся парень. Даже спросонья, мучимый хроническим недоеданием, отсутствием личной гигиены и постоянной атмосферой страха, Джуда выглядел как с обложки журнала «Men'sHealth» – он буквально источал вокруг себя сияющий ореол здоровья и благополучия. Девчонка действительно зависела от него; пожалуй, даже больше, чем вчера. И, наверное, куда меньше, чем завтра.

Верёвка получилась надёжная, трехрядная – в квартире нашлось много нового, почти не использованного постельного белья. Всё, что осталось от матери Яники в приданое дочери. Приходящая то и дело вздрагивала под ударами чудовища, не щадившего себя в попытках разможжиться о железную дверь. Судя по звукам, прокажённый бросался на дверь грудью, животом и головой одновременно. Коробящий костный треск сливался со звонкими мясными шлепками.

– Кажется всё, – Джуда похлопал ладонями по карманам.

– Не всё, – Лазарь собрал верёвку в охапку, так что теперь она напоминала грудку нестиранного белья. – Не хватает «Смит-Вессона» тридцать пятого калибра.

Они подступили к окну, и Яника открыла раму пошире. Температура наружного воздуха смешалась с температурой воздуха внутри комнаты, вынудив Лазаря в очередной раз удивился, насколько подробными могут быть эти проклятые инсоны.

– И где нам взять твой «Смит-Вессон»? – спросила Яника с искренним недоумением.

– Нигде. Будь он у нас, мы бы сейчас занимались не альпинизмом, а отстрелом бешеных собак.

– Сигарет бы, – прохрипел Джуда.

Верёвка бесформенной кучей полетела вниз, разматываясь и уменьшаясь с каждым метром в объёме, точно кусочек мела, истираемый по грифельной доске в тонкую белую линию. Хлопнув о стену, она вытянулась вдоль здания напряжённой вибрирующей лентой, не достав до земли пары метров. Теперь только подоконник разделял их от свободы. Подоконник и четыре этажа высоты.

Лазарь ещё раз проверил, надёжно ли привязана верёвка к трубе радиатора под окном.

– Итак, кто первый?

Они молчали, в нерешительности заглядывая за край окна.

– Если бы среди нас был боров, – вкрадчиво начал Лазарь, – парень килограмм так под сто тридцать весом, что бы мы сделали? Пустили первым, чтобы проверить верёвку на прочность, или последним, чтобы она не лопнула под ним раньше времени? Из нас троих я самый тяжёлый, так что давайте представим...

– Я первая, – неожиданно сказала Яника.

Джуда округлял глаза:

– Не придумывай, Яни!

– Я первая, – упрямо повторила она.

– Нет уж, тогда я.

– Всё нормально, Джуд, – улыбнулась она, снимая с запястий его руки, – я самая лёгкая. Со мной ничего не будет.

– С верёвкой ничего не будет, – придвигая к окну стул, уточнил Лазарь. – Но это, в принципе, сейчас одно и то же.

Джуда продолжал упрямо мотать головой, но Лазарь видел, что сомнение на его лице уже сменилось смирением. А значит, приятие тоже не заставит ждать.

– Всё нормально, – Яника с обречённой улыбкой поцеловала Джуду в губы. – Правда.

Права Дара на счёт этих двоих, думал Лазарь. И Сенс прав. Девчонка намеренно жертвует сейчас собой, свято уверовав в свою обречённость. Осталось суцая пустяковина – найти причину столь упаднических настроений. И поиски эти начинаются внизу, на другом конце верёвки.

– Ladies first, – галантно расшаркался Лазарь, подавая Янике ладонь и помогая взобраться на подоконник. – Держись крепче руками и ногами. Вот так. Не смотри вниз, не смотри вверх, смотри перед собой. И аккуратней с отливами, не порежься.

Они с Джудой перегнулись через подоконник. Яника висела на верёвке в полуметре под ними и смотрела вверх глазами мышки, исчезающей в пасти боа-констиктора.

– Руки по очереди отпускай, – напомнил Лазарь.

– Давай, солнце, – подбодрил Джуда, – ты сможешь.

– Встретимся внизу, – испугано пискнула она и стала медленно спускаться.

Джуда приподнялся на локтях и посмотрел на Лазаря:

– Если с ней что-нибудь случится, я сверну твою огромную-преогромную голову, – предупредил он так, чтобы Яника не услышала. – Усёк?

Лазарь мельком взглянул на него, но ничего не ответил и снова посмотрел на девушку, болтавшуюся внизу на верёвке, свитой из её же постельного белья.

2

Балконы смотрели на обнесённую клумбами детскую площадку, на которой впервые появился Лазарь. Сейчас площадка казалась пустынной, если не считать останков дворняги, съеденной прошлым вечером. Лазарь разжал пальцы и прыгнул на асфальтовую дорожку, тянущуюся вдоль клумб. В нише между балконами первого этажа его уже дожидались Яника и Джуда. Вооружённые кухонными ножами, они лихорадочно рыскали глазами по сторонам, выискивая тех, кого хотели бы отыскать сейчас меньше всего.

– Неплохо получилось с верёвкой, – Джуда панибратски хлопнул Лазаря по спине. В другой руке он держал нож, который тут же вручил ему рукоятью вперёд. – Ползу, а она трещит подо мной, как электропровод. Ну, думаю, такого лося, как ты, точно не выдержит. А нет – выдержала!

– Слава отбеливателям без хлора, – Лазарь принял нож, с тоской вспоминая о чудесном боевом топорике, брошенном у входа в подъезд. А этот нож – что им делать? Только рыбу резать.

Яника указала пальцем на прямоугольную арку в доме напротив:

– Нам туда. Это ближайший выход на улицу. Там дорога, по ней до «Гризли» две остановки на автобусе.

– Надо добраться без остановок, – сказал Лазарь и первым перешагнул через ограду клумбы.

3

Они бежали, и топот их ног казался пистолетными выстрелами в воющей от безлюдья пустыне. Они бежали по запруженной автомобилями дороге, а те насмехались над ними своей мёртвой неподвижностью. Они бежали по разбитому, покорёженному, похожему на руины забытой цивилизации городу, и боялись оглядываться по сторонам.

Не преодолев и половины пути, пришлось остановиться.

– Стой! – закричал Джуда сзади. Они с Яникой всю дорогу немного отставали, не поспевая за гулливерским шагом Лазаря. – Эй, тормози!

Лазарь остановился и пошёл обратно. А ведь он почти не устал. Интересно, каким образом физические данные из яви проецируются в инсон?

Яника остановилась у автобусной остановки, опрокинутой набок въехавшим в неё жёлтым «Хаммером Н2». Одной рукой девушка держалась за исковерканный металлический скелет остановки, вторую прижимала к груди. Дышала она загнанно, мелкими короткими глотками. Тело сотрясалось от дрожи, когда она надсадно кашляла, зачем-то прикрывая рот ладонью.

– Я же сказал, остановки только для автобусов.

– Не видишь, плохо ей! – огрызнулся Джуда, оглядывая подругу сверху донизу беспокойным взглядом.

Так смотрят на неразорвавшуюся бомбу люфтваффе, упавшую в гостиную из пробитой крыши.

– П-просто... сбила дыханье...

– А, по-моему, ты просто мелкая вруша, – сказал Лазарь. – Мы и километра не сделали, а ты уже похожа на лошадку, которую обычно пристреливают.

Джуда грубо ткнул Лазаря локтем под рёбра:

– Хорош умничать! Не все же такие кони, как ты.

Порядком подустав от его фамильярностей, Лазарь решил, что пора эту практику заканчивать.

– Мы больше не в квартире, – он поднял руку с ножом и направил остриё Джуде в грудь. – А конь, как я, и лягнуть может. Советую впредь в общении со мной держать локти плотно прижатыми к туловищу.

Джуда отскочил на два шага, безупречное лицо залило краской. Он подыскивал, что бы такое ответить, но его опередила Яника:

– Убери сейчас же нож!

Она воинственно выпрямилась, и красивое веснушчатое лицо исказила гримаса боли.

– Ты уже отдышалась, сладенькая? – ласково осведомился Лазарь, опуская нож. – Может, тогда продолжим?

Что-то было не так. Не меня выражения лица, Джуда продолжал пятиться назад, остекленело уставившись Лазарю за спину. Тот обернулся. В следующее мгновение шуршащую тишину улицы нарушил приглушённый крик Яники.

На другой стороне дороги появились прокажённые. Точно раковая опухоль, обнаруженная слишком поздно, их уже собралось с два десятка. Пригибаясь к земле и улюлюкая, члены стаи вприпрыжку гонялись друг за другом, хватали ближайшего сородича скрюченными пальцами и тут же бросались наутёк. Странная игра в салки между здоровыми взрослыми мужиками вгоняла в дрожь. Прокажённые изредка поглядывали в сторону людей, оцепеневших от ужаса у автобусной остановки, но внимания не заостряли. Оставалось гадать, чего они ждут – прибытия пополнения или команды вожака?

Лазарь аккуратно взял Янику за руку и проговорил так, чтобы его мог слышать порядком отдалившийся от них Джуда:

– Медленно отходим к машине.

– К какой? – полушёпотом спросил Джуда.

– Угадаешь – получишь «Хаммер».

Они стали пятиться к жёлтому внедорожнику, не выпуская из виду стаю.

Железная туша «Хаммера» подмяла под себя часть автобусной остановки с такой лёгкостью, словно наехала на кукольный домик. Лазарь остановился у водительской двери.

– Открывай с другой стороны, – велел он Джуде.

– А что если она закрыта? – прошептала Яника.

– Отвечу через две секунды.

Лазарь просунул пальцы в хромированную ручку и дёрнул на себя. Дверца мягко открылась, салон огласился пульсирующим звуковым сигналом. Подтверждением тому, что ключи находятся в замке зажигания, служил не только сигнал, но и мёртвый водитель, упавший окровавленной головой на кожаный руль «Хаммера». Глядя на него, Лазарь вдруг понял, почему большинство машин в городе напоминают сырые яйца, выеденные через отверстие в скорлупе. Очевидно, это стухло раньше, чем до него успели добраться – труп мужчины уже начал разлагаться.

Джуда открыл дверь и поморщился, обнаружив на пассажирском сиденье мёртвую женщину. Голова и грудь лежали на приборной доске, свисающие волосы закрывали лицо и часть бардачка.

– Какой ужас... – вырвалось у Яники.

– Да нет, тачка класс, – Лазарь принялся вытаскивать водителя из машины.

Тихо матерясь, Джуда проделывал то же самое с пассажиркой.

– Знай он, что подушки безопасности и ремни безопасности объединяет не только слово, нам бы так не повезло, – Лазарь уложил мёртвого водителя на мостовую.

Сигнал из салона стал привлекать внимание прокажённых. Они больше не бегали и не играли – многие остановились и просто наблюдали за происходящим у остановки. Лазарь впрыгнул за руль и выключил зажигание. Сигнал умолк.

– Залезайте внутрь. Только тихо.

Духоту салона усугублял тяжёлый, приторный запах трупного разложения.

Яника забралась на заднее сиденье, Джуда на переднее пассажирское.

– И что теперь? – спросил он, когда дверца за ним аккуратно захлопнулась.

4

Удары десятков рук – кулаков и раскрытых ладоней – в замкнутом полумраке тонированного салона напоминали автоматную дробь АК-74. Лазарь чувствовал себя запертым внутри неисправных цимбал, по которым то и дело бьют молоточками. Машина раскачивалась из стороны в сторону, как детская коляска, летящая вниз по булыжной мостовой. Перекошенные звериные морды льнули к боковым стёклам, разверстые пасти изрыгали нечеловеческие звуки вперемешку со слюной и кровью. Один из прокажённых взобрался на капот и скоблил когтями ветровое стекло, не в силах понять природу невидимой преграды. Ещё чуть-чуть, и он во всём разберётся – тогда стекло может не выдержать.

– Что теперь?! – повторял Джуда, перекивая металлический грохот. – Что теперь?!

Что ещё можно делать в закрытой машине, осажённой снаружи двумя десятками озверевших кадавров? Лазарь ухватил пальцами ключ зажигания. Больше всего он боялся, что «Хаммер» не тронется с места. Мало ли что там прицепилось к нему под днищем? От развороченной автобусной остановки, похожей на гигантского мёртвого спрута, тянулись во все стороны искорёженные железные щупальца.

– Пристегнитесь! – посоветовал он и повернул ключ в замке.

Двухтонная махина проснулась и зарокотала дизельной глоткой. Магнитола ожила. Шикарная стереосистема взорвалась звуками альтернативного рока:

The secret side of me
I never let you see.
I keep it caged but I can't control it.
So stay away from me: the beast is ugly.
I feel the rage and I just can't hold it.

(Я никогда не покажу тебе
Свою тайную сущность
Я держу её в клетке, но не могу контролировать
Поэтому держись подальше: чудовище уродливо
Я чувствую ярость и не могу её сдерживать)

Лазарь включил заднюю передачу, топнул по педали газа и понял, что машина движется назад, только когда прокажённый на капоте опрокинулся на спину и, перекувыркнувшись через голову, улетел в груды искорёженного металла.

It's scratchin on the walls In the closet, in the halls.
It comes awake and I can't control it.
Hidin under the bed
In my body, in my head.

Why won't somebody come and save me from this?
Make it end.

(Оно царапает стены
В кладовой, в коридоре
Оно пробуждается, и я не могу его контролировать
Прячется под кроватью
В моём теле, в моей голове
Почему никто не придёт спасти меня
Пусть это кончится)

Что-то грохнуло о металл багажника, с заднего сидения пронзительно вскрикнула Яника. Разбираться, что случилось, было некогда. Накручивая руль то в одну, то в другую сторону, Лазарь выскочил на проезжую часть и, маневрируя задом между другими машинами, нашёл свободный участок полосы. Дал по тормозам, включил первую передачу.

I feel it deep within.
It's just beneath the skin.
I must confess that I feel like a monster

(Я чувствую внутри
Оно уже под кожей
Признаюсь – я чувствую себя монстром)

- Живая? – окликнул он Янику.
- Ничего! – отозвалась та.

Чуть позже Лазарь увидел в зеркальце заднего вида это «ничего», расплывшееся по заднему стеклу кровавым отпечатком лба сбитого им прокажённого.

5

Из-за большого скопления машин развить приличную скорость не удалось, и взбешённая стая очень скоро нагнала их. Обнажённые чумазые люди бежали почти вровень с «Хаммером», оскаленные морды заглядывали в окна. Кое-кто успевал дотянуться кулаком.

Всё это не имело бы никакого значения и могло продолжаться ещё очень долго – вплоть до самого «Гризли» – если бы не перекрёсток впереди, собравший на своих светофорах разноцветную плотину автомобилей. Издалека пёстрое скопище блестящих на солнце кузовов напоминало субботнюю парковку гипермаркета.

– Когда скажу, выпрыгивайте из машины и прячьтесь в ближайшем доме! – приказал Лазарь, вжимая педаль газа в пол.

Отрезок дороги перед перекрёстком оказался чуть свободнее. Чёрная лента горячего асфальта бросала под колёса лучи белого пунктира, «Хаммер» стремительно набирал скорость, оставляя преследователей дышать выхлопными газами.

- Джуда вцепился пальцами в дверную ручку и приготовился к десанту.
- Давай с нами, Лазарь! – закричала сзади Яника.
- Справа! – скомандовал Лазарь вместо ответа и ударил по тормозам. – Пошли!

Мысли сменяли одна другую, когда Джуда с Яникой выпрыгнули на шоссе. Когда инерция рванувшей вперёд машины захлопнула обитые чёрной кожей дверцы «Хаммера», из всех мыслей осталась только одна – о зыбкой разнице между героизмом и идиотизмом.

Перекрёсток быстро приближался. Теперь Лазарь мог видеть причину затора – массовая авария полностью блокировала движение по полосам. Вокруг собрались другие машины, налетевшие со всех сторон, как мошकारа на фонарь.

Ехать стало труднее, пришлось сбавить скорость. К счастью, прокажённые не заметили Джуду с Яникой и продолжали гнаться за «Хаммером», точно свора басенджей по кинодрому для курсинга. Они почти догнали своего большого механического зайца – самых притких отделяли от хромированного бампера машины какие-то метры. Лазарь скосил взгляд на зеркальце бокового вида и прочёл надпись в нижней части стекла: «объекты в зеркале ближе, чем кажутся». Это немного утешало.

Настала пора покинуть тонуций корабль. Лазарь нашарил взглядом переключатель круиз-контроля и нажал кнопку в торце. Приборная панель зажглась индикатором «круиз». Лазарь открыл водительскую дверцу и только теперь осознал, насколько высокий клиренс у этого проклятого «Хаммера». Но прыгать всё равно придётся.

До первого и последнего препятствия на пути «Хаммера» – опрокинутого на бок пассажирского автобуса – метров сто.

Надо прыгать.

Правой ногой Лазарь вдавил педаль газа до упора, левой нащупал ребристую приступку под дверным порогом. «Хаммер» уходил в свой последний отрыв.

Пора прыгать.

«Жаль, Дара не увидит», – мелькнуло в голове. И сразу: «Нет, не жаль».

Лазарь оттолкнулся ногой и прыгнул.

Удар о землю показался такой силы, словно хоккеист пихнул под рёбра клюшкой. Когда сила инерции протащила Лазаря по шоссе метров шесть, а потом зашвырнула под днище апельсинового микроавтобуса, к хоккеисту присоединилась вся команда.

Лазарь остался лежать под автобусом. В просвете между дорогой и днищем замелькали грязные босые ступни. Лазарь замер, боясь даже вздохнуть, и просто наблюдал, как они шлёпают мимо по накалённому асфальту. Одна пара ног остановилась напротив. Постояв так немного (а заодно и нещадно потрепав Лазарю нервы), хозяин ног решил не задерживаться и присоединился к сородичам. Послышался оглушительный удар, треск металла, звон бьющегося стекла – жёлтый «Хаммер» нашёл, наконец, свою последнюю остановку. И снова, в каком-то роде, автобусную.

6

Лазарь нашёл их, прошагав назад пол квартала. Точнее, они сами нашлись.

– Лазарь... эй, Лазарь... – вполголоса звала Яника, высунувшись по пояс из окна первого этажа какой-то высотки. – Стой. Сейчас мы спустимся.

До высотки было метров двадцать, через широкие газоны, обнесённые частокотом тополей – стало быть, случайно заметить его она не могла. Почему-то эта мысль вызвала странное удовлетворение.

Джуда протянул Лазарю флягу:

– Глотни.

Лазарь жадно приник к горлышку, но жажда не отступила даже после нескольких ладных глотков. Вода буквально всасывалась в слизистую рта, даже не успев достичь пищевода.

С хмурым видом Яника рассматривала его ссадины.

– Спасибо, – улыбнулась она, когда Лазарь заметил её взгляд. – Считаю, мы теперь квиты. Может, поднимемся и поищем что-нибудь для твоих ран? А то ещё заразу занесёшь...

Она осеклась, сообразив, что ляпнула лишнего.

Джуда оттёр её от Лазаря плечом.

– Успокойся, – с чувством лёгкого дежавю Лазарь вернул ему флягу. – Каким, по-твоему, надо быть идиотом, чтобы сначала спасти ваши неблагодарные шкуры, а потом возвращаться с заразой?

Лицо Яники потемнело:

– Про медпомощь – беру свои слова обратно.

– Переживу, – отмахнулся Лазарь. Бинтовая повязка на голове куда-то делась – должно быть, слетела, пока его швыряло по дороге. – Лавры Флоренс Найтингейл тебе всё равно не светят.

7

В панорамных окнах «Гризли» начисто выбили стёкла. Полосатый пятачок парковки перед фасадом отгородили баррикадой легковых автомобилей, позаимствованных, видимо, у той же самой парковки. Просветы на стыках капотов и багажников до самых крыш завалили полипропиленовыми мешками, набитыми чем-то сыпучим. В кладке оставили узкие амбразуры, через которые, судя по всему, предполагалось вести огонь из заявленного диктором оружия. Сквозь стёкла автомобилей можно было различить фигуры людей, снующих туда-сюда в крепостном дворе перед тёмным зевом супермаркета. Активнее всего мельтешили за белым седаном «Ниссан», во весь бок у которого красной краской было нарисовано слово «ВЫХОД».

– Вон там у них, похоже, КПП, – вполголоса сказал Лазарь, выглядывая из-за обгоревшего остова пассажирской «Газели».

– Ну, так пошли! – прошептал Джуда.

– Не спеши. Смотри, кто идёт.

На дороге появилось четыре человека. Крепкий мужчина в потемневшей от крови гавайке вёл за собой вереницу из трёх мальчишек, самому старшему из которых было не больше двенадцати. Пригибаясь к земле, компания перебежками продвигалась к заградительному барьеру «Гризли».

Джуда дёрнулся вперёд:

– Пойдём с ними...

– Нет, – остановил его Лазарь. – Сначала посмотрим.

Компания добралась до машины с надписью «ВЫХОД», и мужчина нетерпеливо забарабанил кулаком в боковое стекло. Минуту ничего не происходило. Потом водительская дверца открылась, и из «Ниссана» вынырнуло наружу трое охранников, вооружённых охотничьими ружьями и карабинами.

Один из охранников наставил сдвоенный ствол на мужчину.

– Руки вверх, – приказал он, взводя оба бойка. – И отошёл на три шага.

– Папа? – сказал один из мальчишек, когда отец отпихнул его от себя и попятился. – Папа!

– Серж, осмотри детей, – приказал второй охранник.

Пока первый держал на мушке отца, второй сканировал дулом пространство перед супермаркетом.

– Они целы и невредимы, – сказал мужчина в окровавленной гавайке. – Только я...

Третий охранник закинул карабин на плечо и принялся задира́ть мальчишкам майки и спускать до колен шорты.

– Нормально, – сказал он.

– Возьмите только детей, – взмолился отец, отступая ещё дальше. – Себя не прошу.

Старший из мальчишек сообразил всё первым. Попытался сделать несколько робких шагов навстречу к отцу, но один из охранников грубо дёрнул его за шиворот обратно. Мальчишка расплакался. Младшие братья не до конца понимали, что заставило брата удариться в слёзы, но всё-таки уловили общее настроение и сразу подхватили. Через секунду три тонких голоска слились в пронзительное бесконечное «Папа! Папа!», перемежающееся плачем.

Мужчина в окровавленной гавайке отступал спиной, пока не исчез из виду. Детей спешно запихнули в машину, и улицу снова окутала тишина, как будто ничего и не происходило. С той стороны забора нашли очень быстрый способ заткнуть детям рот.

Лазарь не сразу заметил, что Яника плачет.

– Пацаны буду жить, – обратился он к ней, а сам подумал: «вряд ли долго, и вряд ли счастливо, но этого никто никогда не узнает, поэтому все сомнения лучше оставить самим мальчишкам». – Долго и счастливо. Слышишь?

Её всхлипывания, почему-то, жутко раздражали.

Джуда напряжённо молчал. То ли был сражён неприятной сценой у входа в «Гризли», то ли просто не знал, что сказать. А Яника всё плакала и плакала. И не могла успокоиться.

Когда слушать её дальше стало невыносимо, Лазаря вдруг осенило.

– Девять из десяти... – выдохнул он, чувствуя, как пот под майкой становится очень холодным.

– А по мне, так на семерочку, – не понял Джуда.

Наверное, Лазарь слишком выразительно посмотрел на него, потому что лицо белобрысого посерело:

– Я чего-то не догоняю?

– Мы никуда не идём, – отрывисто сказал Лазарь. – Надо возвращаться.

– Это шутка, да?

– Шуткой было бы назвать тебя зоофилом. А мы уходим.

Какое-то время Джуда соображал, что бы это могло значить. Не придумав ничего вразумительного, он напустился на Лазаря всеми перунами:

– Да ты что, бредишь? Плевать я хотел на пацанов этих! На батяню их, на мамашу и на всю эту канитель! Мы сюда зачем пёрлись?! Чтобы развернуться у самого входа, потому что у тебя вдруг случился приступ моральности?

– Нет, – покачал головой Лазарь и посмотрел на Янику, – мы развернёмся, потому что твою подругу туда не пустят. Её покусали.

8

Они разместились на втором этаже одной из высоток, за два номера до той, что с «Гризли». Двухкомнатная квартира со зловонной кухней была, хуже не придумаешь, но зато на входе стояла хорошая, прочная железная дверь.

– Я не могу в это поверить! – повторил Джуда в десятый раз. – Я просто не могу в это поверить!

Полчаса назад Яника задрала рукав кофты и показала небольшую ранку от укуса, забинтованную чуть выше локтя, а также несколько отметин от когтей поменьше – всё, что успел сделать с ней прокажённый до того, как в схватку с ним вступил её отец.

– Как ты могла?! Скрыть от меня такое?!

А ведь он сейчас, наверное, даже рад, что скрыла, желчно подумал Лазарь, вспоминая пошлые подмигивания Джуды. А если зараза передаётся через слюну, жалеет ещё и о поцелуях.

Яника больше не плакала. Просто стояла у подоконника, прижавшись плечом к стене, и разглядывала в окно разорённый палисадник. Лазарь подумал, что сейчас она легко могла бы выбить головой стекло и выпрыгнуть наружу, будь они этажом повыше.

– Почему ты до сих пор не перевоплотилась?

Яника покачала головой – не знаю.

Лазарю не требовался ответ на этот вопрос. Хозяин инсона редко подчиняется установленным им же правилам – это и отличает его от остальных. Чаще всего в этой уникальности скрыт ключ к победе в Игре.

– Ты знаешь, кто он такой? – спросил её Лазарь из дальнего угла комнаты.

Удивительно, но Джуда каким-то образом оказался рядом с ним. А ведь ещё утром невозможно было представить, что уже к обеду, будучи втроём в одной комнате, он станет держаться ближе к нему, нежели к ней.

– Сосед из четырнадцатой – знаешь его?

Рыжая голова снова помоталась из стороны в сторону.

Она врала. Возможно, неосознанно, но врала. Даже законченные шизофреники знают, что означают их галлюцинации. Ну, или, по крайней мере, думают, что знают.

Джуду грызли те же сомнения:

– Я ей не верю. Как ей теперь вообще можно верить?

Верить нельзя никому. Ни теперь, ни потом – никогда. Лазарь повторял себе это изо дня в день – перед сном и после сна – и всё равно попался. Поверил, как последний идиот потащил её в лагерь, хотя всё указывало на то, что ей там не место. И вот к чему это привело. Кто знает – может, лучше было вообще остаться дома? Не плясать под дудку Ведущего, не усугублять и без того шаткое здоровье этой несчастной девочки. С другой стороны – зачем тогда вообще Играть?

– Я никого не держу, – шмыгнула носом Яника. – Вы оба здоровы, вас они пустят без проблем. Мальчишек же пустили.

– А ты, стало быть, собралась стать кем-то вроде их папаши? – подколот Лазарь.

Яника повернула к нему распухшее от слёз лицо, и Лазаря передёрнуло – миловидные черты искажала гримаса ненависти.

– А ты вообще, что тут делаешь?

Голос звенел презрением и злобой, но Лазаря сомневался, что эти чувства она адресовала ему. Его преследовало ощущение, что и то и другое она испытывает нечасто, а адресует кому-то и того реже.

– Чего сюда с нами притащился? Катился бы в свой расчудесный лагерь и балдел там за баррикадами. Глядишь, и сухарями накормят до отвала, и забинтуют как надо. Не понимаю, чего ты с нами возишься?

– Присмотришься ко мне внимательней. Думаешь, славные ребята в лагере делают заборы крови и тестируют всякими центрифугами и микроскопами в передвижной бактериологической лаборатории? Подумай сама – пройти фейсконтроль у тамошних церберов мне точно не светит, – Лазарь указал на многочисленные царапины-ссадины. – Ты вруша, а я реалист, как видишь. Кстати, своё «спасибо» за откровение про отца я беру обратно, если не возражаешь.

– Бери, не жалко, – отмахнулась Яника и переметнула на Джуду. – Ну, а ты?

Парень смотрел на неё долгим придирчивым взглядом. Так смотрит миллионер на картину Люсьена Фрейда, раздумывая – купить, не купить. От Джуды по-прежнему исходило то самое сияние совершенства, которое Лазарь заметил утром. Возможно, за последние пару часов оно немного померкло, но, скорее всего, Лазарю просто хотелось так думать. Девчонка по-прежнему видела в Джуде единственный ключ к спасению – сомневаться в этом не приходилось.

– Лживая дура, – наконец, изрёк Джуда, выступая из угла. – Пойду на кухню, гляну чё пожрать.

9

Уже знакомый блин света из торшера встречал пробуждение Лазаря верным напоминанием того, что ещё пара дней в таком ритме, и впору просить прибавки к жалованию. Послышался шелест перелистываемой страницы. Не поднимая головы, Лазарь скосил глаза на компьютерное кресло у письменного стола.

– С добрым утром, – Сенсор смотрел на него поверх раскрытой книги.

– Какое, к чёрту, доброе? – пробурчал Лазарь, опуская ноги на ковёр. – Дай воды, а.

Сенс захлопнул книгу, оттолкнулся ногой от стола и подкатился к графину. Очки-половинки на кончике носа делали его похожим на деревенщину, приехавшую покорять столичные ВУЗы.

– Ты хотел сказать: «какое, к чёрту, утро», – Сенсор подал стакан. – И говоря это, я как бы намекаю, что не могу спокойно спать у себя в комнате, когда на моём диване постоянно ворочается и что-то бормочет здоровенная детина.

– У меня воняет красками, – пробубнил в стакан Лазарь, выцеживая воду до дна. – Это вредно для здоровья.

– Ну, конечно. Убрать краски, навести порядок, проветрить помещение – слишком высокая плата за твоё здоровье. Куда как проще загнать туда меня.

Часы показывали половину второго ночи – Яника долго не могла заснуть. Пока Лазарь был внутри, Дара пару раз незаметно заглядывала в инсон, чтобы проведать его. Убедившись, что с ним всё в порядке, они с Аймой отправились спать, предварительно обработав ссадины Лазаря, полученные при падении с «Хаммера».

– Может, поговорим? – прищурился Сенсор. – Второй день пропадаешь невесть где. У меня начинает складываться чувство, что ты свалил в командировку. Мы сегодня с Дарой кое-что выяснили, что тебе не мешало бы знать. «Ярость»? – он потряс в руке книгой, которую читал. Название жёлтыми буквами отпечаталось на кроваво-красном фоне обложки.

– Нашёл у тебя в конуре, – объяснил он.

– Карнеги лежал в другом ящике, – Лазарь принял сидячее положение и ощупал лоб. Дело шло на поправку, рана быстро заживала. – Как правильно лизать зад, чтобы тебя все любили. Извини, не читаю книг толще трёхсот страниц – руки устают.

– На заднем клапане суперобложки я прочёл аннотацию, – Сенсор продолжал трясти книгой, – и вспомнил. Её изъяли из продажи, когда какой-то парень из Канзаса взял коротковолн и пошёл по школе играть в «контр-страйк». Потом у него дома нашли эту вещь.

Лазарь смерил друга долгим взглядом:

– И почему вы с Дарой ещё не вместе?

– Одинаковые полярности, – пожал плечами Сенс.

– Это придумали чокнутые физики, для которых человек и кусок магнита одно и то же.

– И я не в её вкусе.

– В разговоре с корешами советую переставлять местоимения, а не то рискуешь прослыть лузером. А на счёт книги – если ты веришь, что каждая зарубленная наркоманами орденоносная ветеранка превращает гроб Достоевского в динамо-машину, то почему ещё не строчишь петицию куда-нибудь в Минкультуры?

– Не настолько мы одинаковые полярности, – усмехнулся Сенс и добавил уже серьёзно: – Я знаю, что ты в ней ищешь.

– Ну, раз мы оба знаем, можешь не рассказывать.

Лазарь встал с дивана и блаженно потянулся. Затёкшие суставы затрещали, как кастаньеты.

– Автор этой книги не имел ни малейшего представления ни об инсонах, ни о Ведущем Игры, ни о людях вроде нас, – продолжал Сенс. – Парня, взявшего в заложники своих однокурсников, никто никогда не «играл». Эту историю выдумали, а значит, ты не найдёшь здесь ничего.

– Я знаю, где сейчас найти то, что мне нужно, – Лазарь подошёл к двери и нажал на ручку. – И оно совсем рядом.

10

Звук мочи, падающей в водяную пробку унитаза, странным образом заглушал размышления о паренке из Канзаса, который, как и автор «Ярости», ничего не знал про то, о чём говорил сейчас Сенсор. Интересно, «играли» ли его?

В коридоре Лазаря окликнул сильный, чуть нагловатый баритон. Лазарь оглянулся – его нагонял высокий мускулистый парень с коротко стриженными волосами и чересчур близко посаженными глазами, прибавлявшими и без того тяжёлым чертам его лица лошадиного очарования.

– Привет, – парень протянул плотную ладонь.

– Так виделись сегодня, Матвей, – свои руки Лазарь оставил висеть вдоль туловища. Что за идиотская привычка – «приветкать» по двадцать раз на дню?

– Сегодня не виделись, – возразил Матвей. – Твоё «сегодня» два часа назад стало «вчера».

– Ты такой педант.

– Ну, а как же? – Матвей недружелюбно прищурил глаз. – А если проследить дальше, то «вчера», которое было вчера, сегодня стало «позавчера». Как раз то позавчера, когда ты копался в моём компьютере. Ну, как, припоминаешь?

Бывает, что люди оказываются на самом деле значительно умнее, чем выглядят. Почему-то в отношении Матвея Лазарь всё время забывал об этом. Наверное, причиной тому неповторимая манера Матвея вести себя с окружающими – этакое пренебрежительное высокомерие мудреца. Матвей всегда был таким, с самой первой их встречи.

Впрочем, тогда он действительно казался Лазарю мудрецом – а как ещё относится к человеку, обратившему тебя в свою веру? Матвей был первым Эмпатом, которого повстречал Лазарь (не считая Сенса, конечно). Хуже того – Матвей был первым и практически единственным, кому довелось побывать в инсоне Лазаря. Матвей открыл удивительный «мир под миром», стал проводником в сказку, обучил её правилам и законам. Если бы не он, их с Сенсом вообще могло здесь не быть. Впрочем, в этом смысле Лазарь обязанным себя не считал – Матвей нуждался в команде, они с Сенсом в Матвее, так что их интересы временно совпадали.

Со временем Лазарь понял, что инсоны – не теоретическая физика. Очень скоро он освоил все премудрости новой профессии не хуже самого учителя и справедливо ожидал перемен в отношении к себе. Наверное, этот момент и послужил плацдармом для зародившейся вражды – Матвей продолжал вести себя так, словно их с Лазарем разделяют не два года практики, а целая вечность. Кто-нибудь попроще (вроде Сенса, например) наверняка смирился бы с таким положением вещей, предпочтя худой мир доброй ссоре. Но только не Лазарь.

Внутренний правдолюбец, всегда берущий на себя слово в спорных ситуациях, охотно подсказывал, что здесь они с Матвеем как раз похожи: «поменяй вас местами, и ещё неизвестно, в какого деспота превратился бы ты». С этим трудно было спорить – с внутренними правдолюбцами вообще трудно спорить.

Сейчас Матвей снова смотрел на Лазаря сверху вниз, будучи на пол головы ниже, упиваясь законностью предъявляемых обвинений. Ещё одна бесплатная возможность показать, кто в доме хозяин.

Отпираться глупо, бессмысленно и слишком недостойно.

– Дара сдала?

– Нет, – покачал головой Матвей.

– И просила не сдавать её.

– Сказал же нет, – Матвей возвысил тон. В отличие от колымаги Сенса, этот крендель заводился с полоборота. – Ты сам себя сдал, когда забыл почистить историю посещений. Что-то не припомню, когда это мне понадобились таблетки от шизофрении.

«Эх, Малой, Малой – конспиратор!»

– Может, понадобились Айме? Ты присмотришь...

– Слушай, урод, – Матвей хлопнул Лазаря по плечу тяжёлой ладонью, всё это время безответно висевшей в воздухе, – ещё раз залезешь в нашу комнату без спроса, и тебе понадобятся противозачаточные. Намёк понятен?

Лазарь не ответил, и какое-то время они с Матвеем молча пожирали друг друга глазами.

– У тебя всё? – наконец, спросил Лазарь.

– Пока что.

– Ну, тогда до завтра? – он протянул Матвею руку.

– Да пошёл ты!

А иногда бывает так, размышлял Лазарь, возвращаясь в комнату Сенса, что первый, кто пожмёт сегодня твою руку, станет первым, кто пошлёт тебя куда подальше.

11

Они накинули на плечи куртки и вышли на запорошённый снегом балкон. Эта часть деревни располагалась на холме, и отсюда открывался прекрасный вид на город. В комнатах погасили свет, чтобы сделать ночь ещё пронзительнее и чище. Неколебимая стоялая мгла, подсвеченная снизу огнями простирающегося внизу города, напоминала украшенный блёстками бархатный занавес, за которым прятались до поры до времени декорации дня.

– Хорошо сегодня, – Сенсор смёл ладонью снег с перил и опёрся на них локтями. – Морозно и не холодно.

– Дышится, – согласился Лазарь.

– А у неё там лето.

– У них у всех там перманентное лето.

Сенсор ненадолго ушёл в себя. Потом глубокомысленно заявил:

– Знаешь, а у меня, наверное, была бы зима.

– Можешь сколько угодно рефлексировать на эту тему, но только тот парень, кем ты себя считаешь, и тот, кто ты есть на самом деле – эти двое никогда не встретятся, не сядут и не пропустят по паре пива. А если и встретятся, то всё равно не узнают друг друга. Так что ты не можешь знать. Да и не надо знать.

Они помолчали, с наслаждением обжигая ноздри морозным воздухом.

– У меня три часа на сон, двадцать минут на утренний туалет и минут пятнадцать на плотный завтрак с обедом и ужином, – напомнил Лазарь.

– Ты, конечно, опять ничего не расскажешь про сегодня?

– Нечего пока рассказывать, – Лазарь лениво катал в пальцах шарик снега. – Рассекал на «Хаммере».

– Ну, конечно. «Хаммер» куда важнее того, что девчонку покусали. Да, и про лагерь мы тоже знаем.

Шарик быстро рос в размерах – Лазарь возил им вдоль перил туда-сюда, чтобы набрать побольше снега.

– Ни черта вы не знаете. И до тех пор, пока лагерь и всё прочее не имеют для нас никакого ясного значения, всё, что там происходит, тоже никакого значения не имеет.

– Этот случай особенный для тебя, – многозначительно изрёк Сенсор. – Ты, конечно, замкнутый эгоистичный придурок, но Игра есть Игра, а команда есть команда, и всегда так было. Но здесь всё по-другому. И я хочу выяснить – почему.

– У тебя богатая фантазия, выяснитель.

«Синдром мамочки в действии, и две подружки-хохотушки, дующие в уши», – закончил Лазарь уже мысленно.

– Может быть. Но впредь я пальцем о палец не ударю, если ты и дальше будешь играть в молчанку.

– Ладно, договорились. Завтра выложу всё, как на духу. А теперь рассказывай про сегодня.

Некоторое время Сенсор прикидывал в уме удовлетворительность ответа.

– Новость номер раз, – наконец, сказал он. – Мы проверили квартиру четырнадцать. Если между бабулей «божьим одуванчиком» и двухметровой гориллой с отвисшими гениталиями и есть что-то общее, то только в больном воображении девчонки. С начала девяностых там вообще никаких мужиков не проживало – мы проверили.

Почему-то эта информация Лазаря не удивила.

– Да, шизофрения – она такая.

После бегства из квартиры Яники Лазарь забыл о соседе, приняв его за обычную спайку. Спайка – мелкий психологический барьер, обусловленный временными обстоятельствами. Сомнения, неуверенность в себе, мандраж ожидания, отупения от счастья – всё это спайки. Чаще всего они не нуждаются в детальном разборе и со временем сами сходят на нет.

Всё изменилось, когда Яника закатала рукав и показала след от укуса. Спайки не кусаются – это Матвей разъяснил сразу.

– Надо понять, что означает её галлюцинация.

– Галлюцинации ничего не означают, – вздохнул Сенс. – Кроме того, что у неё крыша едет.

– Значит, будем надеяться, что её галлюцинация что-то означает.

– Зачем? – наморщил лоб Сенс. – Зачем на это надеяться?

А ведь он прав – зачем? Чем меньше в уравнении неизвестных, тем проще его решить. Так зачем усложнять себе жизнь?

Затем... Затем... Ответ вертелся на задворках сознания, но Лазарь не успел оформить его в мысль, потому что Сенс продолжил:

– Новость номер два – мы с Дарой смотрели отца...

– Отчима.

– Отчима. Вроде мы дверью ошиблись. Он открыл. С виду вполне себе нормальный работника. Ну, может, слегка запущенный, но это и не удивительно при отсутствии жены. Катю...

– Янику.

– Я-ни-ку, – по слогам повторил Сенсор и снова сузил глаза. – Янику мы увидели мельком, но Даре хватило, чтобы разглядеть проекцию отчима. Говорит, здоровенный – на Валуева похож. Но в целом ничего особенного. Сама девчонка показалась потом, часа через два. Вышла из дома и прыгнула в машину к какому-то белобрысому кренделю – он ждал у подъезда. И это новость номер три.

– Белый «Ниссан»? – приподнял брови Лазарь.

В памяти всплыло красное, в жирных потёках, слово «ВЫХОД».

– Видел его в инсоне?

– Ну, мысли я пока видеть не научился.

– Э-э, в общем, села она в машину, но только они никуда не поехали. Посидели минут десять, потом она вышла. Значит, она всё же решилась. И помог ей в этом сам Лазарь.

Сенсор забрал из его рук снежный шар, к тому моменту достигший размеров спелого грейпфрута, и запустил им в темноту за забором.

– Тебе это о чём-то говорит? – полюбопытствовал он.

– Думаю, она ему призналась.

– В чём? В любви что ли?

– Любви? Нет, Сенс, кое в чём похуже любви. В чём-то таком, чего их любовь может не выдержать. Вот скажи, что первое приходит тебе на ум, когда ты сталкиваешься, в контексте Игры, разумеется, со смесью острой антропофобии, маниакального чувства вины и комплекса парии? Одним словом.

Сенсор тщательно обдумал вопрос, энергично вращая глазами.

– Преступление, – наконец, изрёк он.

Лазарь воздел глаза к небу:

– Снова достоевщина. Уж кто-кто, а эта девчонка и мухи не обидит. Новость номер четыре?

– Новость номер четыре в том, что я замёрз до чёртиков и до них же хочу спать. Так что, если у тебя есть какие-нибудь пожелания на завтра, озвучивай.

– Всё те же и всё там же.

– Отлично. Тогда я пошёл.

У двери в комнату Сенсор обернулся:

– Один вопрос напоследок.

Лазарь молча ждал.

– Что за ключ, которым ты играл у меня в спальне?

Чтобы скрыть улыбку Лазарю пришлось опустить голову.

– А я уж думал, не заметишь...

– Не люблю оправдывать твои ожидания. Так откуда ключ?

– От квартиры. Снял гостинку в городе, на Вятской. Не говори пока никому, ладно? Мне мозготраха и без того хватает.

Сенсор выглядел по-настоящему удивлённым.

– Ты съезжаешь от нас?

– Хочу переоборудовать в мастерскую. Невозможно нормально работать, когда вокруг шляется столько народу. Не волнуйся, жить я там не собираюсь. Моих кулинарных познаний хватает только на чай с бутербродами.

– Откуда деньги на аренду? – не унимался Сенс.

– Грохнул хозяйку-процентщицу. Я же работаю без напарника, помнишь? У меня двойной калым.

Сенсор презрительно поморщился:

– Ты это про долю Марса, которую в наглую присваиваешь себе?

– Отрабатываю свою долю и долю Марса. У Клайда была Бони, у Матвея есть Айма; мне же достался малолетний недоумок. Даже не могу сосчитать, сколько раз он прикрыл бы собой мою спину от лап кровожадных неандертальцев за последнюю пару дней. Всё хорошо, только не совсем ясно, куда потом девать труп.

Сенсор больше ничего не сказал. Постоял ещё немного, и скрылся в своей комнате, не пожелав спокойно ночи. Лазарь ещё долго смотрел в ночь невидящим взглядом, выветривая из головы мысли о Янике, Джуде, прокажённых, и многие другие, что как пьяные соседи, подолгу не дают уснуть. Потом мороз окончательно вынудил его вернуться в дом.

Глава 5. Схема

1

Лазарь дважды постучал в дверь к Янике, и сразу же вошёл.

Сначала ему показалось, что в комнате никого нет. Старый вытертый ковёр, мятая двуспальная кровать, тумба с аквариумом, полным плавающих сверху пузом рыбок. Потом он всё-таки нашёл её. Девушка сидела на полу в самом дальнем углу комнаты, притянув колени к груди, и беззвучно плакала. Едва Лазарь шагнул к ней, как она инстинктивно заелозила ногами по полу, стараясь ещё глубже вжаться в угол.

Лазарь понял, что их комната этой ночью стала её комнатой ещё до того, как она подняла на него липкие от слёз глаза и сообщила:

– Он ушёл... Джуда ушёл.

Лазарь оторвал взгляд от тюлевой занавески, развеваемой ветром из полуоткрытого окна, и уселся на пол рядом с ней.

– По-английски, я полагаю.

Она опасливо отодвинулась от него, точно он сказал не это, а: «ну, наконец-то мы вдвоём!».

– Не то, чтобы я удивлён, – проговорил Лазарь, думая, что сообщать ей об этом сейчас было довольно рискованно. Интересно, любила ли она его? И если да, то как бы классифицировал это чувство старина Эрих Фромм?

Яника ничего не ответила и продолжала плакать, изредка прерываясь для того, чтобы судорожно втянуть в лёгкие воздуха. Наверное, кто-нибудь другой на месте Лазаря бросился бы её успокаивать, сыпать ободряющими обещаниями, нести всякую чушь и, может быть, тихонько гладить по руке. А мог отодвинуть занавеску, приставить к ржавому патронташу радиатора табуретку и «сделать ручкой» с другой стороны окна.

Лазарь внимательно осмотрел её. Сегодня она выглядела куда хуже обычного, словно после ухода Джуды течение её болезни форсировалось в несколько раз. Проступающие сквозь тонкую кожу кости на запястьях наводили на ассоциации с постояльцами Освенцима.

– Слушай, давай позавтракаем...

– Ах, Лазарь! – воскликнула она и кинулась ему на грудь.

Лазарь на себе почувствовал, насколько сильно сдала девчонка, когда её тонкие, как стебли, руки обвилились вокруг его шеи.

2

В кухне нашлась вода, и даже заварной чайник был наполовину полон. Впрочем, размышлял Лазарь, разливая по кружкам холодный зелёный чай, для Яники он сейчас наполовину пуст.

– Попей, ты плохо выглядишь, – он подтолкнул к ней чашку. – Не самый сладкий комплимент, но правда.

Она молча отодвинула от себя чашку, и Лазарю пришло в голову, что кульминация Игры уже не за горами. Сейчас Ведущий как никогда близок к цели. Цели, к которой ведёт множество указателей, но у которой всегда одна дорога. И совершенно неважно, что Яника при этом сделает – решит выпрыгнуть из окна или выбросит оттуда кого-то другого. Семь бед – один ответ. Надо было срочно занять её мозг чем-то ещё, кроме переваривания собственного горя.

– Представляю, как тебе паршиво, – Лазарь отпил немного чая. – Как будто шёл-шёл по улице и вдруг вступил в хорошую кучу дерьма.

– Это не одно и то же, – не поднимая глаз, возразила Яника.

– Только в буквальном смысле. Когда вступаешь в дерьмо на пути к ларьку с хот-догами, ты не вдаёшься в причину проблемы и не думаешь о последствиях. Не делаешь выводов, прогнозов, не сожалеешь и не раскаиваешься. Ты просто ругнёшься матом, как распоследний сапожник, и приступишь сразу к главному – соскабливать дерьмо с подмётки.

Яника не поднимала глаз, и Лазарю на миг показалось, что даже не слушала, но он продолжил:

– Когда дерьмо случается в жизни, ты задаёшься множеством вопросов, которых никогда не задал бы себе, вступив в дерьмо на улице. И только потом начинаешь действовать. Знаешь в чём разница между дерьмом в жизни и той кучей, которая дымится на дорожке?

Яника сняла пальцами прилипшие к щекам мокрые пряди и наконец-то удостоила Лазаря взглядом:

– В чём?

– Когда ты вступаешь в дерьмо на улице, ты точно знаешь – это дерьмо чьё угодно, но только не твоё собственное. Эта уверенность снимает все вопросы, рождённые в мучительном самокопании, терзаниях совести и прочем.

Лазарь придвинул чашку обратно к Янике:

– Дерьмо на дороге жизни всегда может оказаться твоим собственным. А это меняет всё. Но на самом деле – ничего.

Немного подумав, Яника просунула пальцы в керамическую петельку на кружке.

– Обычно, я не матерюсь, как сапожник, – она оторвала чашку от клеёнчатой скатерти, иссечённой ножевыми порезами.

– Это фигура речи. Понятия не имею, как матерятся сапожницы.

– И хот-доги не ем, – она поднесла кружку к губам, отпила, поморщилась: – А ещё терпеть не могу старый зелёный чай.

3

– Ты либо звонишь мне из инсона, либо бросил их средь бела дня, – послышался из мобильного голос Сенсора.

– Бросил средь бела дня, – ответил Лазарь.

– Слив?

– Пока нет. Но будет, если в самое ближайшее время мне на голову не упадёт яблоко. Оставил её одну в квартире, а сам пошёл по другим этажам искать что-нибудь съестное. За мной она не пойдёт, потому что еле шевелится, так что я решил вернуться и поиграть тут немного в Коломбо. Раз уж у вас не получается.

– Погоди-погоди... одну?

– Этой ночью нас бросил Джуда – тот белокрысый на папиной тачке. Думаю, очень скоро наш рыжий лемминг геройски покончит с собой.

– Классика, – деловито заметил Сенсор, проигнорировав подколку про тачку – сам он унаследовал свою «шестёрку» от отца, когда тот пересел на иномарку.

– Чем больше в мире самоубийц, тем их меньше.

– Похоже, у Ведущего скоро появится тёпленький свежеспечённый неофит?

– Либо так, либо холодненький труп. В любом из этих агрегатных состояний она нас не устраивает.

Из телефона послышалось шебуршение, а следом сигнал клаксона, заглушённый витиеватыми ругательствами Сенса, адресованными кому-то, несомненно, их заслуживающему.

- Разворачивай машину и мчи сюда, – распорядился Лазарь. – Следить за девчонкой больше не имеет смысла. Почему Дарения не с тобой?
- Со мной, – замялся Сенсор, – почему не со мной?
- Это я тебя спрашиваю – почему? Так материться при ней ты бы не стал.
- Сенсор едва слышно чертыхнулся в сторону.
- Она решила вернуться, и я её высадил. Сказала, хочет с тобой посидеть. Это же ты у нас любитель на «Хаммерах» покататься.
- Ясно. Сестёр милосердия в последнее время мне хватает. Ладно, общий сбор у нас через полчаса. Отбой.

4

Дара задерживалась. Сенсор, Айма и Марсен собрались на диване в гостиной. Мальчишка с самого утра мучился похмельем и пропустил школьные занятия. Никто не мешал ему прогуливать и не отчитывал за вчерашнее, с самого утра ему и слова поперёк не сказали, не считая бесконечных «пьянчужка», с которых начиналось отныне любое обращение в его сторону. Поначалу парень выглядел озадаченным, но потом привык к новому прозвищу и перестал обращать внимание. Всяко лучше, чем порка.

Все трое молча наблюдали, как Лазарь расхаживает взад-вперёд по комнате, по-профессорски сложив руки за спину. Минуту назад он окончил подробный пересказ всего, что произошло в инсоне в минувшие три дня. На заляпанном деревянном мольберте позади него был установлен лист формата А3.

- Собрался рисовать коллективный потрёт? – подшутил Сенс.
 - Овощной натюрморт, – откликнулся Лазарь. – Ты – баклажан.
- Марс захрюкал от смеха.

Лазарь остановился и вопросительно посмотрел на Айму, точно впервые её заметил:

- Кстати, а что в натюрморте забыла смертоносная Куноити? Чтобы набиться ко мне в клан всё равно придётся сдавать экзамен на столе... или на полу?
- Это общая гостиная, – напомнила Айма. – Так что, пока ты её не приватизировал, могу находиться здесь когда и сколько пожелаю. А если в довесок дают бесплатную клоунаду, то почему не посмотреть?

- Уделала, – согласился Лазарь.

На лице Аймы расплылась самодовольная улыбка. Лазарь знал, как усладить её эго, и умело этим пользовался, когда возникала необходимость.

- Схема! – торжественно объявил он. – Известные и неизвестные. Итак, что нам неизвестно?

Он поднял с подставки маркер и вертикальной линией разделил лист надвое. Левая половина получила название «неизвестные», правая «известные».

- Таблетки, – сказал с дивана Сенсор.

– Таблетки – это такой лекарственный порошок, спрессованный в шайбочки. Назовём проблему как-нибудь ёмче.

В левой половине листа появилось слово «проблема».

- Дальше?

Марс первым уловил смысл:

- Причина!

– И пьянчужка получает очко! – в тот же столбец Лазарь вписал слово «причина».

Услышав неприятное прозвище, парень напустил на себя беззаботный вид – видать, решил терпеть до конца.

С постным выражением на лице Айма выдавила: «следствие».

– И что бы мы без тебя делали, – под «следствием» Лазарь вывел маленький знак копирайта, подписанный именем Аймы. – Переходим к неизвестным. И, чтобы чуть-чуть ускорить процесс, я начну, а вы поправите, если что забуду. Итак.

В правой части листа появились три загадочные буквы: «БМП».

– Боевая машина пехоты? – выгнул брови Сенсор.

– Большой Мировой Писец, – Лазарь соединил линией «БМП» со «следствием» и пририсовал к обоим концам стрелки. – Кому непонятно, спрашивайте разъяснения у Аймы.

– А я думал, БМП был сначала, а следствие – это уже в конце, – недоуменно сказал Марс.

– Нет, пьянчужка. То, о чём ты сейчас говоришь – это цель, которую преследует Ведущий игры, – объяснила Айма. – Она, собственно, у него одна и нам известна. И когда... то есть, если он достигнет её, будет уже не важно, в какой форме она перед нами предстанет. Потому что будет поздно.

– Спасибо, Айменевтика, – кивнул Лазарь.

Следом за «БМП» он записал друг под другом сразу три слова:

«сосед из 14»

«укус»

«лагерь».

Первое соединилось стрелкой с «причиной» из левой колонки, второе с «проблемой».

Сенсор долго смотрел на надписи.

– А почему не наоборот? – спросил он, наконец.

– Потому, Сенс, что у причин не бывает проблем, как не бывает теорем к доказательствам и вопросов на ответы. Ответ не без намёка, раз уж ты спросил.

– Я имею в виду...

– Я знаю, что ты имеешь в виду. И говорю ещё раз – нет. «Сосед из 14» не обязательно человек. Это может быть всё что угодно – внутренние комплексы, страшная тайна, неизвестная хворь.

Сенсор оглядел друзей.

– Почему неизвестная? – спросил он, призывая их к поддержке. – Мы же вроде выяснили, что у неё шизофрения.

Лазарь промолчал. Выяснить-то выяснили, это верно. Но почему-то с того момента, как он впервые увидел Янику, услышал её голос, его одолевали сомнения. Девчонка больна чем-то другим. Непохожа она на шизу. Не может она быть шизой...

«Потому что тогда это будет значить, что девчонке уже не помочь», – подсказал внутренний голос. – «А тебе хочется ей помочь. Тебе просто необходимо ей помочь!»

– Проекция знает соседа? – осведомилась Айма.

– Заверяет, что нет.

– Ей можно верить?

– Никому нельзя верить. Проекциям шизиков особенно.

«Но ты уже однажды поверил!» – рассмеялся внутренний правдолюб. – «Проглотил и не поморщился»!

Марсен выбросил над головой руку, но быстро сообразил, что не на уроке, и тут же опустил обратно.

– А лагерь тогда что? – спросил он.

– Лагерь, – Лазарь провёл стрелку к пустому месту в левом столбце, – это самое интересное. Оставим на потом. Что-нибудь ещё?

Брови Аймы сложились страдальческим домиком:

– Сегодня её бросил парень, этот Джуда... Моральный урод и предатель.

– Не очень существенно, – бесцветно обронил Лазарь, – но для полноты картины отразим в нашей схеме.

В правой колонке появилось слово «Ниссан» и соединилось двухсторонней стрелкой со словом «исповедь», вписанным Лазарем в левую.

– Думаю, до тех пор, пока Катя верила, что у неё есть молодой человек, в её инсоне Джуда всегда оставался рядом с Яникой. Вход в лагерь, плюс моя посильная помощь, и вот уже Катя сидит в машине молодого человека и изливает душу на неизвестную нам пока тему. А сегодня утром Яника обнаруживает, что её Ромео вовсе не собирался пить вместе с ней яд, а вместо этого доблестно самоудалился через окно. Думаю, наяву он даже не удосужился увидеться с Катей и ограничился телефонным звонком.

– Урод и предатель, – повторила Айма.

– А как же отчим? – неожиданно вспомнил Сенсор. – Яника говорила, отчим спас её, когда соседская тварь ворвалась в квартиру и чуть всех не порешила.

– Как выяснилось, спас не до конца, – Лазарь погрузился в себя. – И ведь никто не говорил, что тварь, укусившая Янику, и та, что чуть не убила меня – одно и то же существо. Молодец, Сенс!

– Надо бы его на доску, – приосанился Сенс.

От «отчима» ответвилась в никуда точно такая же стрелка, как и от «лагеря».

– А теперь финт ушами!

Лазарь зачеркнул заголовки таблицы, а под ними записал новые. «Неизвестные» поменялось на «явь», а «известные» на «инсон». Лазарь отступил на пару шагов от мольберта, любуясь результатом своих трудов.

– Вроде бы всё. Два пробела – немного больше, чем я рассчитывал, но сжатые сроки и условия постоянного пребывания в инсоне лично меня оправдывают. Меня, но не вас.

– Ну, началось, – Айма закинула ногу за ногу. – Давай, начинай обвинять всех, кто не похож на твоё отражение в зеркале.

Марсен мстительно закивал головой в знак поддержки. Мелкий подхалим даже не догадывался, что сейчас этим никого не проймёт.

Лазарь поднял глаза на старинные каретные часы на каминной полке. В прошлом году Марс притащил их неизвестно откуда и долго уговаривал девочек оставить в доме. Тогда часы показались всем древним уродливым хламом, но стоило чуть-чуть поработать над ним тряпкой с чистящим средством, как они превратились в настоящее украшение комнаты. Уже час, как Яника в инсоне одна.

– Виноватых будем искать, когда будет в чём обвинять, – сказал он. – Сейчас от вас требуется помочь мне вписать в пробелы что-нибудь умное. Очень скоро придётся вернуться в этот грёбанный Сайлент-Хилл, и вернуться надо с чем-то. Найдём – у девчонки появится шанс, а нет – тогда и будем косить под Матвея и искать виноватых.

– Пообещаешь извиниться, – потребовал за спиной голос Дары.

Лазарь обернулся. Девушка прислонилась к одной из колонн, отделявших гостиную от прихожей. Заострённое личико в окружении пышной шевелюры источало смесь нетерпения и злорадного триумфа.

– Обещания вперёд дают только дети и идиоты. Причём вторые происходят из тех, кто застрял в первых.

– Для взрослого тебе бы не мешало знать, что душ следует принимать чуть чаще одного раза в неделю, – парировала Дара и подошла к мольберту.

– А ты, как женщина, знающая толк в настоящих мужчинах, должна понимать, что могуч, вонюч и волосат – это не про вас о нас.

Дара забрала из рук Лазаря маркер, оцарапав взглядом, полным хладнокровного презрения.

– Я только что смотрела инсон, – сказала она, сдёргивая с маркера колпачок. – Заглянула в это их передвижное шапито и угадайте, кого там встретила?

– Своего бывшего шапитмейстера? – предположил Лазарь.

– Того светленького мальчишка, что вечно таскался с вами. Я видела его, когда заглядывала проведать Лазаря вчера вечером. Мне повезло, потому что в этот самый момент он разговаривал с женщиной, который показался мне смутно знакомым...

– Знакомых в инсоне встретить нельзя, – возразил Лазарь, – только похожих.

– Я подслушала разговор, – Дара ткнула остриём маркера в наконечник стрелки, берущей своё начало из слова «лагерь», – и поняла из него... – вертикальной дугой она соединила наконечник со стрелкой, выходящей из слова «отчим», – что он и правда похож – на Николая Валуева! Наверное, поэтому он у них там начальник охраны. А это, почитай, начальник всего лагеря.

Какое-то время Лазарь тупо тарачился на мольберт, как если бы Дара изобразила на листе краткое и красивое доказательство теоремы Ферма, а не кривую линию. Потом старинные часы на каминной полке снова напомнили ему о Янике.

– Неплохо, – сухо похвалил он. – Вот бы ещё объяснила смысл своей закорючки. А то мы просто, как бойцы СОБРа, знаем, что нужно делать, но не знаем, почему мы это делаем. А если не знаем мы, то как объяснить Янике... – тут он осёкся и умолк, разглядев, наконец, лица друзей. – Я извиняюсь, ладно? Извиняюсь и прошу прощения. Сам бы я не допёр.

5

– Проснись, – Лазарь покачал Янику за плечо. Она лежала на софе в гостиной лицом к стене, совсем без движения. – Эй, подъём.

Девушка неожиданно перекинулась на спину, и Лазарь невольно содрогнулся. Глаза её были широко распахнуты, как у покойницы, не успевшей перед смертью смежить веки.

– Я не сплю, – сказала она, и Лазарь увидел, что её зрачки медленно двигаются. – Мне было так больно, Лазарь, что я не смогла заснуть.

6

Лазарь перевернул вверх дном всю квартиру в поисках ножей и фляги, но так ничего и не нашёл. Судя по всему, Джуда предусмотрительно забыл оставить хоть что-то.

– Пойми, нам надо вернуться в лагерь, – Лазарь с мясом выдёргивал выдвижные ящики на кухне. – Там тебе помогут.

– Откуда ты знаешь, тебя ведь там не было, – упорствовала Яника из гостиной. – Ты не можешь знать.

– А ты не можешь знать, чего не могу знать я, потому что мы едва знакомы.

– Нет, – категорически отказалась она. – И не подумаю. Даже пытаться не стану – всё равно не пустят. Заразным туда вход закрыт, сам видел.

В её упрямстве сквозил тупой, животный страх. Наверное, так чувствует себя каждая женщина, внезапно обнаружив вечером в ванной странное уплотнение в левой груди.

– Пустят, я волшебное слово знаю, – Лазарь вернулся в гостиную и присел перед ней на корточки. В огромных васильковых глазах уже дрожали слёзы, волосы грязным колтуном лежали на плече, луковичеобразное лицо осунулось и выглядело совсем измученным. – Пойми, ты больна, – он взял её руки в свои. – В лагере тебе помогут, а здесь ты зачахнешь и умрёшь через день или два. Тогда мне придётся выбросить твой труп из окна, потому что скоро он начнёт разлагаться, а это антисанитарно. Мясо сглюдают внизу прокажённые, а кости оставят обсыхать на солнце.

Он намеренно пугал её, стараясь вызвать отвращение к своему незавидному будущему, чтобы до неё, наконец, дошло – отсидеться не получится. Сейчас она стоит перед зеркалом в ванной, ощупывает левую грудь и где-то на задворках отупевшего от страха рассудка понимает – чтобы исключить худшее, придётся ехать в больницу.

– Нет, – Яника до белизны закусила нижнюю губу. Потом отдернула от Лазаря руки и пронзительно закричала: – Отстань от меня! Отстань, дурак! Уйди! Прошу, уйди в лагерь и оставь меня в покое!

Конечно же, страх взял вверх. Это не страшно, первый раунд всегда за ним.

В голове у Лазаря прозвучал голос Дары:

«Я здесь, Сенс тоже рядом. Что у вас происходит?»

– Ты идиотка, – спокойно сказал он. – Но раз ты остаёшься, я тоже никуда не пойду. Через несколько часов лагерь покинет город. Ещё через неделю у прокажённых на улицах не останется еды, и тогда они найдут меня. Знаешь, как голод обостряет нюх?

Входная дверь вздрогнула под ударом невероятной силы. На мгновение Лазарю показалось, что она обязана была вылететь вместе с петлями из дверной рамы. Второй удар свидетельствовал о том, что дверь на месте. Лазарь выскочил в прихожую и припал к дверному глазку. В этот же миг дверь сотряслась в третий раз, заставив его отпрянуть.

– Ты не поверишь, но это твой сосед... – сообщил он, вернувшись в комнату. – Похоже, ты пришлась ему по вкусу. И он явно хочет добавки. Ну что, ещё не передумала?

Она было напугана – сильно напугана. Выдавали расширившиеся до предела глаза, частое дыхание. С припухших, как после долгих поцелуев, губ сошла кровь. Бог знает, скольких усилий стоило ей в очередной раз упрямо замотать головой.

Терпение Лазаря лопнуло.

– Послушай! – вскричал он. – Послушай! Здесь нет тамбура, как у тебя дома. Эта тварь берёт разгон прямо с лестничной площадки! Очень скоро она сюда вломится!

– Пускай, – на бескровных губах заиграла неуместная, почти циничная улыбка. – Посмотрим, что ты будешь делать теперь.

Лазарь застыл на месте, как громом поражённый. Где-то за плечом Дара от всей души поносила Янику. Ещё дальше, за несколько метров от него, по стенам прихожей прокатывались гулкие вибрации, волна за волной набегавшие на мол его самообладания, с каждым разом всё сильнее подмывая насыпь. Ещё немного, и он схватит рыжую чертовку за шкурку, как нашкодившего котёнка, и вышвырнет из окна силой.

Особенно крепкий удар вывел Лазаря из оцепенения. Он подхватил Янику на руки, как куклу из папье-маше, и быстро понёс к окну.

Девушка завопила:

– Отпусти! Отпусти-и!

Она принялась колотить его по лицу кулаками, локтями, извиваясь, как угорь, живьём жаримый на сковороде.

– Пусти, дурак! Я не хочу туда! Я не пойду туда!

У окна Лазарь сбросил её на ноги.

– Почему? Назови хотя бы одну причину, достойную причину, и, клянусь, я оставлю тебя в покое и уйду.

Воинственное настроение вдруг испарилось, она обмякла и потускнела.

– Джуда, – едва слышно выдохнула она. – Если бы мы не пошли к этому проклятому лагерю... Не надо было идти в лагерь, Лазарь! Надо было остаться дома!

«О, господи» – охнула Дара. – «Вот дурёха».

Вот так. Она всё копалась и копалась в куче дерьма, засунув руки по самый локоть, вместо того чтобы просто потереть подошвой об асфальтовую дорожку.

– Я тебе кое-что расскажу, – Лазарь взял её за плечи. – Дослушаешь, и я избавлю тебя от своего присутствия, если захочешь. Обещаю.

Она промолчала, раздражённо раздувая ноздри, и Лазарь расценил это, как знак согласия.

7

– Как-то в детстве я сорвался с крыши и сломал себе обе ноги, – начал он. – Это случилось в деревне у бабки. Каждый приезд туда, в выходные или на каникулы, превращался для меня... в мини-праздник что ли. Конечно, бабка с меня пылинки сдувала. Баловала, как могла, закармливала на убой сдобой и всё спускала с рук. А я, как настоящий внук, пользовался этим на всю катушку. Особенно мне нравилось, когда вольная жизнь и творожные ватрушки соединялись воедино на крыше бабкиного домика. Довольно опасное хобби для сопляка вроде меня, но бабка закрывала глаза и на это.

Лазарь усмехнулся своим мыслям и снова сосредоточился на рассказе.

– Крыша была что надо: двухскатная, в обветшалой выгоревшей черепице. А печная труба – ты что! – он ностальгически закатил глаза. – Вообще любимое место. Тёплая, плоская – привалишься к ней спиной, и ты на вершине блаженства. Верхолаз – так меня называла бабка.

Сокрушительный удар в дверь заставил Лазаря прерваться. Он мотнул головой в сторону прихожей и продолжил чуть быстрее:

– Не знаю, что меня дёрнуло в тот день испытать себя на смелость. Может, солнце напекло – денёк выдался жаркий, как в аду. Как бы то ни было, мне приспичило сделать то, чего я раньше делать никогда не решался, но всегда хотел попробовать. Я встал на конёк крыши, развёл в стороны руки и пошёл вперёд на манер эквилибриста. У меня получалось – я делал шаг за шагом, балансируя руками для равновесия. В ногах появилась твёрдость, которой они не знали даже на земле, страх улетучился. Тёплый ветер подгонял, задувал под майку, ерошил волосы, но идти не мешал. Трудно описать чувство, которое переполняло меня в тот момент. Чёрт его знает... наверное, мне было хорошо...

«Ты был счастлив, брвно неотёсанное!» – подсказала Дара.

– Я наступил на что-то, – Лазарь нахмурился. – Кусок сухого мха или сломанная черепица. Ступня заскользила, меня потащило вниз по скату... я свёрзился на землю с пятиметровой высоты прямо на ноги. Особой боли не почувствовал, но сразу понял – с ногами что-то не так. Караул поднялся! Приехали предки, отвезли в город. В травмпункте сказали, что у меня какие-то трещины в голених и запеленали ноги в гипс. Крышу, конечно же, сразу запретили. Мать велела убрать лестницу подальше, бабка плакала и повторяла, что дорога мне туда теперь заказана. В тот момент я ненавидел их обеих.

«Тик-так, так-так», – напомнила Дара.

– Пока я болел, мать срезала сотню моих попыток вернуть крышу обратно. Ещё сотня вертелась у меня голове. Когда я поправился и меня, впервые после несчастного случая, снова привезли к бабушке, я уже знал, что делать. На следующее утро, пока все спали, в одной пижаме и босиком, я выволок с заднего двора лестницу и взобрался на крышу. Прошёлся до трубы, потрогал тёплый кирпич, постоял немного. Потом сполз на край крыши и спрыгнул вниз.

– Спрыгнул? – не удержала любопытства Яники. Несмотря на упрямство, история захватила её. – Зачем?

– Ну как, – усмехнулся Лазарь, – хотел доказать этим тупицам, что прошлый раз был нелепой случайностью и моя крыша безопасна. Иначе они никогда бы не поверили.

– И что, мама вернула тебе крышу?

Лазарь покачал головой:

– Нет, не вернула.

– Почему?

– Потому что я снова неудачно приземлился, и старые трещины в голених раскрылись.

Но знаешь что?

Яника с усилием, будто у неё затекла шея, повела головой слева направо.

– Оно того стоило. Такова была цена надежды, которая поддерживала меня, пока ноги заживали в первый раз. Отголоски этой надежды помогли выжить и во второй. Сейчас ты на краю крыши, – Лазарь снял руки с её плеч и распахнул настежь окно. То самое, через которое совсем недавно от неё сбежал Джуда. – Прыгать или нет решать тебе.

Наверное, размышлял он, помогая Янике выбраться из окна на козырёк подъезда, она из тех, кто будет прыгать снова и снова, пока не разобьётся насмерть. Её надежда совершенно другого порядка – это надежда молодой фигуристки, которая пронесит сквозь бесконечную боль падений упрямую надежду на скорое избавление.

Яника соскочила на козырёк, и Лазарь уже собрался присоединиться к ней, когда услышал от Дары:

«Ты молодец, Лазарь. Сенс просит передать, что тырить чужие истории из детства про- стительно, если цель оправдывает средства, так что он не в обиде».

– Обижаться не на что, – шёпотом ответил Лазарь, закидывая ногу на подоконник, – Это всё равно, что стырить у него из-под кровати японскую надувную женщину перед тем, как Айма полезет туда с пылесосом, и переложить под свою.

8

Яника была так слаба, что обратный путь до «Гризли» показался до неприличия затянувшейся игрой в русскую рулетку. Несколько раз Лазарь предлагал ей взобраться к нему на закорки – нести её было бы не труднее, чем походный рюкзак, но она всякий раз отказывалась. К счастью, на всём пути к лагерю они не встретили ни одного прокажённого. Должно быть, тела застреленных сородичей в окрестностях супермаркета отпугивали живых, как отпугивает птиц мёртвый воробей, подвешенный за лапку к плодоносящему дереву.

Они укрылись за той же самой обгоревшей «Газелью», где ещё вчера с ними прятался Джуда. И также как и вчера в строю автомобилей вокруг парковки выделялся белый «Ниссан» с надписью «ВЫХОД» от крыла до крыла.

– Знаешь, – Яника обессилено опустила на землю и прислонилась спиной к обугленному каркасу автобуса, – я только теперь поняла всю ценность совета надеяться на лучшее и готовиться к худшему. В общем-то, я ни на что не надеюсь. Просто любопытно узнать, что там у тебя за волшебное слово.

– Моя очаровательная улыбка, – Лазарь чудовищно осклабился. – Посиди тут, а я схожу. Когда подам знак – махну рукой вот так – ты выйдешь. Но не раньше, договорились?

Рыжая голова на тонкой шее медленно опустилась к груди и ещё медленней поднялась обратно.

– Тогда я пошёл.

– Лазарь, – холодные пальцы сомкнулись на его запястье, и он обернулся. – Мне тебя бог послал?

Это было нечто среднее между вопросом и утверждением.

– Ага, – подмывало съехидничать, но она смотрела так искренне, что язык не повернулся. – Спец-доставка с небес.

9

– Отойди на пару шагов и покажи руки.

Седоволосый мужчина в зелёном камуфляже направил на Лазаря охотничий карабин «Сайга». Морщинистое лицо, почерневшее от загара, и серые глаза, похожие на две отполированные монеты, выдавали в нём заядлого охотника. Оружие лежало в ладонях, как родное – они с ним давние друзья.

– Внутри я тебя не пушу, сынок, даже не надейся, – проговорил старик сипатым голосом курильщика со стажем. – Лучше топай отсюда подобру-поздорову, пока в тебе дырок не понаделали.

– Мне нужно поговорить с Калимом, – сказал Лазарь. В коротком разговоре с Яникой на пути сюда ему удалось аккуратно выведать нужное имя. – Пусть сам выйдет.

– Послушай, сынок, – кажется, старик старался быть вежливым, – какие у тебя могут быть дела к Калиму? Ты себя в зеркало видел? Он мужик крутой. В лучшем случае пошлёт на хрен.

Охранник вышел один, и это сыграло Лазарю на руку. Как только карабин опустился достаточно низко, Лазарь быстро перехватил его за цевьё и отвёл в сторону.

Лицо старика исказила гримаса физического напряжения. Вцепившись в приклад обеими руками, он силился вернуть ствол обратно на Лазаря.

– Слушай, вахтёр, – рычаг был длинный, и Лазарь легко удерживал карабин на вытянутой руке, – Калим пошлёт на хрен тебя, если ты сейчас же не вызовешь его сюда. Скажи ему, здесь его дочь – Яника.

10

Лазарь отпустил ружьё, и дуло тут же зависло у него перед носом.

– Яника, – повторил он. – Не забудь имя.

С минуту старик пожирал Лазаря взглядом, размышляя, какое из двух зол выбрать. Прикончить Лазаря прямо здесь и попасть в немилость к боссу, или выслужиться, но тогда придётся оставить обидчика дышать. Наконец, выбор был сделан, и старик попятился обратно к «Ниссану».

«Где твоё уважение к возрасту?» – поинтересовалась Дара, когда охранник исчез в салоне машины. Судя по голосу, она здорово перенервничала.

– У меня это называется состраданием, – полушёпотом ответил ей Лазарь. – Уважать свечки на торте глупо.

Минут десять никто не выходил, даже за стёклами машин не угадывалось никакого движения. Голова Лазаря вертелась во все стороны, как флюгер на шквальном ветру, высматривая прокажённых, но вокруг валялись только мёртвые тела, окутанные гудящими роями мух.

Наконец, с той стороны баррикад послышались шаги, и через салон «Нисана» на улицу стали протискиваться люди. Пять человек, включая уже знакомого старика в камуфляже, выстроились полукругом за Лазарем, образовав нечто вроде живого заслона, отгородившего маленький пятючок перед машиной от прочего мира. Мира, в котором осталась Яника.

Главное, мельком подумал Лазарь, чтобы она увидела знак.

Сразу за охранниками из салона «Нисана» вышел человек, вопреки всем правилам инсенов хорошо знакомый Лазарю. На нём была синяя двойка «Адидас» с белыми полосами по бокам и такие же белые кроссовки. Открытое приветливое лицо усыпали веснушки, да так густо, что кожа казалась бронзовой. «Гусиные лапки» вокруг ярко-голубых глаз, чуть косящих к носу, придавали им неизменно смеющееся выражение. Пшеничные волосы естественно спадали на лоб. Единственным недостатком, портящим приятную наружность этого миляги, была псориазная плешина на затылке. Эта неувязка создавала впечатление, что парень чем-то болен.

– Салют! – приветствовал он Лазаря, поигрывая в руках телескопической дубинкой.

– Леонард. То-то слышу, в громкоговорителе голос знакомый. Не Молотов, конечно, но для этого медвежьего угла и ты сойдёшь.

Леонард безразлично пожал плечами:

– А ты всё такой же остряк, Ванька.

Шестым из машины выбрался наружу, и Лазарь сразу это понял, Калим. Далось ему это не без труда – внушительные габариты и бугристое низколобое лицо на лысой голове действительно наводило на мысли о Валуеве. Выдавали глаза – бесцветные и неживые, эти глаза не имели ничего общего с известным боксёром. Мощные ладони, в мозолях и цыпках, похлопывали по широким бёдрам. На Калиме были чёрные джинсы и клетчатая докерская рубашка навыпуск, зацепившаяся с одного бока за рукоять нагана, торчавшего из-за пояса.

Леонард пропустил патрона вперёд. Калим медвежьей походкой приблизился к Лазарю и остановился в какой-то вероломной близости – Дарения назвала бы это вторжением в личную зону. Только из этой оболочки комфорта можно понять, насколько боишься человека, поправшего её границы.

Лазарь решил начать первым:

– Калим?

Шишковатое лицо с треском ушло куда-то вниз, ему на смену пришла лазурь неба. Солёная кровь из разбитой верхней губы заструилась по зубам под нижнюю. Голова закружилась, и Лазарь присел на корточки. Сплюнув кровь на асфальт, он подумал, что, хоть удар и получился внушительным, бил Калим, исходя из его веса, в треть силы.

«Скотина!» – в сердцах воскликнула Дара. – «Не волнуйся, Лазарь, стигмат небольшой. Сенс им уже занимается».

Леонард мерзенько захихикал. Калим присел на корточки перед Лазарем, свесив с колен вздувшиеся венами ручищи.

– Понял за что? – спросил он на удивление высоким, женственным голоском, совершенно не вязавшимся с брутальной внешностью.

Лазарь предположил, что таким образом Калим преподавал ему урок вежливости к старикам, но уточнить не решился.

– Разъяснений не потребую.

Калим удовлетворённо кивнул:

– Вставай.

Лазарь медленно поднялся на ноги.

– Ну, излагай, излагай, излагай, – заторопил громила, вальяжно вращая мясистой кистью. – Только быстро.

– Если совсем быстро, то здесь со мной твоя падчерица – Яника. Знакомое имя?

Лоб Калима сморщился непривычными складками, и вся его голова как будто ссохлась.

– Яника?

– Ну, да. Такая рыжая девчонка, которая досталась тебе в нагрузку с женой, и которую ты бросил умирать, когда прибился сюда, – напомнил Лазарь. – Яника.

Второй удар не стал неожиданностью, но был куда стремительнее. Кулак угодил в грудь, и на этот раз повалил Лазаря с ног. Какое-то время он лежал на боку, пытаясь вернуть сбитое дыхание. Судя по ощущениям, теперь Калим вложил в полсилы. А может чуточку сильнее.

«Ты мазохист, что ли?» – зашипела в ухо Дара.

– Ничего ты, ослик, не понял, – дрожащим тенорком заключил Калим. – С первого раза, видать, не доходит. Ладно, хорош мозги полоскать. Даю минуту, чтобы сказать, где дочь. Потом терпение моё лопнет.

Совладав с кашлем, Лазарь встал и отряхнулся.

– Она рядом. В безопасном месте.

– Да ты меня, никак, шантажировать вздумал! – Калим замахнулся в третий раз.

Окрик с другой стороны улицы, похожий на возглас подстреленной птицы, заставил булавовидный кулак замереть в воздухе:

– Не трогай его!

11

Лазарь обернулся и увидел в просвете между охранниками, прижавшими щёки к прикладам карабинов, выбегающую из укрытия Янику. Она и правда походила на подстреленную птицу – птицу-феникса, который скукоживался и истлевал на глазах в прах и пепел.

– Опустить ружья, – скомандовал Калим. – Ружья в пол я сказал!

С той стороны баррикады уже собирались зрители – Лазарь видел их тусклые лица сквозь окна машин. Люди прижимались ладонями к стёклам и с любопытством наблюдали за происходящим снаружи. Под их пристальными взглядами Лазарь чувствовал себя рептилией в террариуме, греющейся под инфракрасной лампой. В одном из наблюдателей он узнал Джуду – ну, или кого-то сильно на него похожего. Он такой же статист, как и все остальные, его лицо – часть пастельного рисунка. Такое же слабое, такое же бесцветное, дорисованное чьей-то рукой ради целостности композиции в самую последнюю минуту.

Яника протиснулась между охранниками, ступая мучительно, будто каждый шаг давался ей, как Русалочке, и остановилась рядом с Лазарем. В безотчётном порыве он прижал её к себе одной рукой, и она с готовностью вцепилась в него обеими.

– Не трогай, – повторила Яника, тяжело дыша. Её взгляд был устремлён на отчима.

– Твоя падчерица собственной персоной, – объявил Лазарь. – Налицо лёгкая некондиция, но это издержки доставки.

– Яни?

Калим недоверчиво потянулся к падчерице рукой, которой только что собирался бить Лазаря, словно хотел убедиться на ощупь, что перед ним плоть и кровь, а не фата-моргана. Пальцы замерли в паре сантиметров от дочери, скошенный назад лоб снова сморщился.

– Тебя укусили? – тихо спросил он.

Яника сжала губы и так сильно зажмурилась, что Лазарь совсем не удивился, когда в уголках глаз выступили крупинки слёз.

Леонард взмахом руки раздвинул телескопическую дубинку. В строю охранников началось шевеление – мужчины отлипали щеками от прикладов и поворачивали назад головы.

Калим отдернул от падчерицы руку, как от горячей сковородки.

– Хреново, – сбивчиво проговорил он, – очень хреново. Я ж тебе говорил никуда не рыпаться. Я говорил тебе?

Она кивнула.

– Вот видишь. Послушалась бы старика, сейчас целёхонька была бы.

«Вот скотина-а!» – не уставала возмущаться Дара.

– То есть, контроль качества она не проходит? – уточнил Лазарь, не зная, смеяться ему или плакать. – Неужто на складе не найдётся небольшого закутка для бракованных?

Яника ещё крепче прижалась к нему, и на одну сумасшедшую секунду Лазарь почти поверил – она всерьёз испугалась, что сейчас он станет вырываться, брезгливо отцепляя от себя её руки.

– Заткни фонтан! – рявкнул Калим и зачем-то опустил ладонь на рукоять нагана. – Ещё один выпад, ослик, и отвечаю, я размажу тебя по асфальту!

– Не надо, – взмолилась Яника. – Пожалуйста. Я всё помню, я сама во всём виновата. Ты был прав... Надо было тебя послушать.

Калим замотал головой, потрясая бульдожьими брылами.

– А если я прав, чего ж ты теперь слёзы льёшь? Небось, меня винишь? Мало я для тебя делал, засранка неблагодарная? Может и так, – он покивал похожей на грубо отёсанный бульжник головой, – может, и перегнул где палку. Да только ты же кого хочешь доведёшь! Ну, скажи

на милость, какого ляду ты стояла столбом, пока я кувыркался... – Калим осёкся, окончание фразы повисло в воздухе. В уголках рта залегли горькие складки.

– Я до самого конца надеялась, что ты победишь, – призналась Яника. – Надеялась и болела за тебя, потому что... потому что до самого конца не верила себе и верила в тебя.

Калим скривился, точно ему под нос сунули носки недельной свежести. Оглянулся на Леонарда:

– Вот он, современный молодняк, видал? Всё витают в облаках. А как на землю сдёрнут, так их тут же и тошнит. Они там в облаках, а мы здесь! Внизу! Жопу рвём! Да разве ж им до нас есть дело? Разве плохо им, когда они в двухъярусном сортире уже второй этаж заняли?

Яника слабо защищалась:

– Зачем ты так? Я просто хотела...

– Оттопыриваться с друзьями, известно дело.

– Я надеялась, что ты победишь, и всё станет как раньше!

– Ха! Да это ж просто... – Калим собрал пальцы в щепотку и зашевелили ими в поисках нужного слова, но ему помог Леонард:

– Наивность.

– Наивность, точно! – подхватил Калим. – Наивность, Яника! Это наивность сейчас у тебя под одеждой – сочится кровью и ноет от боли.

Лазарь почувствовал, как Яника втянула живот, будто хотела проверить, на месте ли её раны.

– Ну, и что теперь? Чего ты теперь от меня хочешь, доченька? Отческого снисхождения?

– Родственных привилегий, – жеманно поддакнул Леонард.

Лазаря передёрнуло.

– Лижи чище, Табаки, не жалея языка.

Калим выхватил из-за пояса револьвер и, размахнувшись так, словно собирался швырнуться им, наставил его на Лазаря. Большой палец взвёл курок.

– Это последнее китайское предупреждение. В следующий раз за меня скажет пуля.

Яника отпустила Лазаря и вынырнула у него из подмышки.

– Я ничего не жду, – горячо запричитала она, – я знаю, здесь мне места нет, и ты никогда не разрешишь мне войти.

– Нет. Не разрешу. Не могу. Не имею права.

– И не надо. Впусти хотя бы его.

Лазарь с изумлением осознал, что её тоненькая ручка подталкивает его в поясницу.

– Он здоров, клянусь памятью мамы. Я знаю, что ты сейчас думаешь, но прошу, пусть это станет последним наивным поступком, который я сделаю в жизни. А ты, как всегда, представишь, что ничего не было. Разреши мне эту последнюю глупость, и я сразу уйду.

Лазарь попытался вспомнить, когда ещё кто-нибудь в инсоне пытался спасти его вместо себя, и не смог. Такое с ним происходит впервые. Наверное, она действительно самая безнадежная шизофреничка из всех.

Некоторое время Калим неподвижно стоял на месте. Казалось, все части его сознания разом удалились в некую совещательную комнату. Когда они вернулись обратно, помутневший на время перерыва взгляд вновь обрёл осмысленное выражение.

Калим усмехнулся и опустил руку с наганом:

– Ты сама это придумала, детка. Сама, запомни. Но так и быть. Если твой дружок приструнит свой бескостный язык и пообещает быть паинькой, портить обедню не стану.

– Спасибо, – Яника облегченно выдохнула. – Знаешь, мне кажется, это первый раз, когда наши желания – твоё и моё – наконец совпали.

Отрезвляющий голос Дары вывел Лазаря из задумчивости:

«Ты ведь понимаешь, что сейчас случилось что-то очень и очень плохое, правда?»

– Понимаю, – согласился Лазарь вслух.
Все с подозрением уставились на него.
– Ты-то что понимаешь? – набычился Калим.
– Я понимаю, что для тебя, капитан Немо, уже ничего не будет хорошо. И ещё я понимаю, что наш разговор окончен. С вашего позволения, господа, мы с Яникой хотели бы откланяться.
Лазарь взял её за холодную и влажную, как снулая рыба, ладонь.
– Пошли отсюда.
– Ты что? – изумилась Яника.
– Не беспокойся, Иисус зачислил тебе баллов за эту жертву. А этот террариум обойдётся и без меня. Пошли-пошли.
Яника не стала сопротивляться – она исчерпала все силы.
Они стали медленно отступать к полукругу охранников.
– Пропустите, – чуть подумав, скомандовал Калим. Бросил последний взгляд на падчерицу, повернулся широкой клетчатой спиной и дёрнул дверную ручку «Ниссана». – Все в лагерь. Живо!

12

Яника совсем сдалась, и последнюю сотню метров до ближайшего подъезда Лазарь пронёс её на руках.

– Чего ты со мной таскаешься, как с писаной торбой? – вяло любопытствовала она. – Влюбился, что ли?

– Извини, но заразные полумёртвые девки, мечтающие поскорее избавиться от приставки «полу», не в моём вкусе.

Подъезд встречал темнотой и прохладой. Выбирать подходящую квартиру было некогда, поэтому подошла первая незапертая. По стойкому запаху дореволюционной мебели и каких-то мазей стало ясно, что раньше здесь жила пожилая пара. Вполне возможно, тот самый старпёр в камуфляже, обиженный на Лазаря за непочтительное отношение к возрасту.

Лазарь уложил Янику на невысокую двуспальную кровать, застеленную в несколько слоёв перинами и покрытую лоскутным покрывалом.

– Сейчас ты опять куда-нибудь запропастишься, а потом вернёшься с какой-нибудь новой идеей, и станешь кричать, что надо скорее куда-то бежать и что-то делать, – сонно лепетала Яника, сворачиваясь на кровати калачиком.

– Идиотские идеи, да, – Лазарь склонился над ней, – в этом я дока. Тебе не холодно? Может, укрыть чем?

В голове всё ещё вертелся жест её самоотречения – как она толкала его в спину, умоляя отчима впустить его в лагерь. Вдруг Лазарю захотелось наклониться ещё ниже и поцеловать её – это крохотное, жалкое, но в то же время невыразимо нежное создание. Поцеловать напоследок, потому что пессимист внутри него подсказывал, что больше такой возможности может не представиться.

– Нет, мне не холодно. И не жарко. Мне никак. Знаешь, я ведь даже не удивилась, когда увидела... как он выходит из машины. Будто так и должно было быть, – с каждым новым словом её голос слабел и терял разборчивость, словно она говорила, уходя вдаль. – Только не могу понять – откуда ты узнал? Хотя, наверное, не так уж много ты знал, если думал, что он и есть волшебное слово. Но всё равно – откуда?

– Потом расскажу, – Лазарь поборол безрассудное желание коснуться её губами и выпрямился. – Ты давай меньше говори и больше засыпай. Пойду, дверь закрою.

«Главное, чтобы она потом проснулась» – скептически заметила Дара.

Яника ещё что-то бормотала вслед, но Лазарь уже не слушал.

– Я к вам, – полушёпотом обратился он к Даре, выскочив в прихожую.
«Уже заждались» – откликнулась та.

Глава 6. Десять из десяти

1

День давно перевалил за обед и теперь неумолимо клонился к ужину. Лазарь знал людей, способных определять время без каких-либо приспособлений (иногда очень точно, с погрешностью в минуты), опираясь лишь на внутренние, биологические часы. К таким людям он причислял и себя самого, вот только часы у него особенные – они дали о себе знать протяжным урчанием чуть пониже солнечного сплетения сразу по возвращению в явь.

Лазарь открыл глаза и увидел Сенсора и Дарению, сидящих в креслах. Правая рука Сенса и левая Дары висели между подлокотниками, сцепленные в замок.

– Половина пятого, – пробормотал Лазарь и перевернулся на бок. От длительного молчания голос слегка подсел.

Сенсор отцепился от Дары и осоловело уставился на наручные часы.

– Двадцать минут, – сказал он.

Внутренние часы снова заурчали, как бы извиняясь за десятиминутную поспешность, обусловленную видом этих сытых и блаженных рож.

Лазарь сел и огляделся. Комната Сенса, сумрачная и неудобная. Небо за окном снова затянуло непроглядной серостью. Из зеркала на дверце шифоньера на него тарашится взъерошенная голова на жилистой шее.

Лазарь попытался сглотнуть липкий комоч слизи, застывший в горле:

– Нужно срочно подкинуть угля в топку.

Через десять минут он уже расхаживал перед мольбертом в гостиной с тарелкой в руках. Бутерброды с сосисками, принесённые Дарой, стремительно исчезали кусок за куском.

– И как ты жрёшь эту гадость? – поморщилась Дара.

Сосиски были самые, что ни на есть, дешёвые, но Лазарь их обожал.

– Представляю себя в Ленинграде зимой сорок первого.

Дара в ответ только улыбнулась и покачала головой. Она вертела в пальцах круглую расчёску, которую периодически запускала в облако белокурых волос и принималась пушить их с каким-то остервенением. Рядом на диване беспокойно ёрзал Сенс. Он всё пытался вызвонить кого-то по мобильнику, но раз за разом терпел неудачу. Лазарь решил, что он звонит Айме.

– Куда подевалась вторая лесбиянка? – спросил он. – Или ей больше неинтересно с нами?

– Первой тоже, если честно, – холодно заметила Дара. – Скоро там заведётся твой паровой котёл?

Лазарь выпучил глаза, мучительно проглатывая особенно крупный кусок.

– Я понимаю, жопотряс в найтклубе сегодня вечером смотрится куда привлекательней какой-то полумёртвой девки. Вам осталось не помогать мне ещё совсем немного, и скоро все пойдут по своим делам.

– Мы с Аймой не собираемся в клуб и вообще в город, – сказала Дара. – Просто есть такое приспособление – расчёска. Потом расскажу, в чём её смысл, если захочешь.

– Лучше расскажи, в чём смысл той закорючки, которую ты намалевала, – вступился за друга Сенсор.

Лазарь удостоил его одобрительным взглядом и вернулся к мольберту. В рот отправился третий бутерброд, но тесто с трудом пролазило в глотку. Недоброе тревожное чувство, или, скорее, предчувствие чего-то недоброго и неотвратимо близкого сбивало весь аппетит. Всё равно, что есть перед экзаменом, к которому совершенно не готовился.

– Закорюка, закорючка, закорючечка, – пропел Лазарь, разглядывая схему. – Итак, что мы имеем? Неизвестная болезнь, контры с отчимом и фатальный оптимизм форменной эмо. Всё в одном отравленном безоаре, который медленно её убивает.

Ответа Лазарь не дождался – в этот самый момент дверь в тамбур открылась, и все в комнате насторожённо прислушались. По ногам потянуло холодом – дверь на крыльцо прибывший закрыть не удосужился.

– Это Марс! – Сенсор отшвырнул телефон и бросился в прихожую.

Дара кинулась следом.

– Говори, что случилось, – потребовала она.

Значит, сражение Сенса с мобильником заметил не только Лазарь.

– Да я дал ему денег, попросил стогнать в ларёк за водой, чипсами и ещё кое-чем... – объяснял Сенс на ходу. – Ну и напоследок «пьянчужка», «пьянчужка»...

Дара сразу почуяла неладное:

– Давно?

– Уж часа три как.

Дара ахнула, и Лазарь её понимал. От их дома до ларька, где все деревенские регулярно затаривались нехитрой снедью, алкоголем и сигаретами десять минут пешком. От силы пятнадцать, если по снегу. Желая выяснить, куда мальчишка истратил остальные два с половиной часа, Лазарь отложил маркер и тоже отправился в коридор.

2

Обе двери в тамбур были нараспашку открыты. В узком коридоре гулял пронизывающий ветер. Сквозняком в дом намело порядочно снега. Снежинки летали по кафельному полу, оседали на обуви, лавках, проникали в прихожую. Большая их часть поблёскивала на двуцветной болоньевой куртке, брошенной прямо посреди тамбура.

Мальчишка вёл неравный бой с обувью в прихожей. Прыгая на одной ноге, он пытался сдёрнуть мокрый от снега ботинок с другой. Уже побеждённый ботинок одиноко валялся неподалёку в окружении лепёшек снега. Длинный чёрный носок торчал из голенища наружу, точно язык мёртвой твари. Пакеты с покупками лежали у входной двери.

– Там пол холодный, – объяснил Марс, пританцовывая на месте.

Наконец, второй ботинок соскочил с ноги, и тоже с носком. Подозрительно пошатываясь, мальчишка прошлёпал босиком к первому ботинку, вынул носок, проделала то же самое со вторым, после чего плюхнулся прямо на пол и принялся натягивать носки на ноги.

Сенсор выскочил в тамбур, подхватил пакеты с покупками и вернулся обратно, попутно закрыв обе двери. Дарения прошагала к Марсу и наклонилась над ним. Даже со своей позиции Лазарь видел, как шевелятся крылья её тоненького носа.

– Он пил, – констатировала она, выпрямляясь. Повернулась к Лазарю и Сенсу и повторила таким тоном, будто её могли неправильно понять: – Он пил!

– Ну, я же пьянчужка... – задиристо отозвался с пола Марс. На обветренных губах играла нахальная улыбка.

Дара так резко развернулась к нему, что Лазарь почти поверил – сейчас она пнёт его ногой. Видимо, мальчишка тоже в это поверил. Он шарахнулся в сторону, попутно втягивая голову в плечи. Подзатыльник пришёлся вскользь и сбил синюю вязаную шапку. Белёдые волосы взъерошились над макушкой путаным ирокезом.

В глубине инсона Лазарь никогда не верил, что вся эта затея с «пьянчужками» закончится добром. Мальчишка поступает так не из чувства противоречия, поэтому обратная психология здесь не катит. Мальчишка поступает так потому, что хочет заострить внимание на проблеме, которая его гложет.

Пацан распушенно захихикал и вернулся к носкам.

– Живо в свою комнату, – приказала Дара сквозь зубы. – Протрезвешь – поговорим. Тебя, пьянчужка, ждёт такое наказание...

– что ни в сказке сказать, ни пером описать! – закончил Марсен, сотрясаясь от смеха, и получил ещё один подзатыльник.

Парень встал и собрался уходить, но Лазарь остановил его:

– Трезветь можно и в другой комнате. Пойдешь с нами.

Марс замер и уставился на Лазаря. Подозревающий взгляд пьяного ребёнка – то ещё зрелище.

Дара выждала несколько секунд, потом снова обратилась к Марсу:

– В комнату, я сказала!

– А я сказал нет. Он мне нужен.

Глаза Марса расширились ещё больше.

– Заканчивай уже, Лазарь, – устало проговорила Дара. – Потом поиздеваешься. Я не желаю видеть его пьяную физиономию...

– Тогда отвернись. Повторяю ещё раз – он мне нужен. Он часть команды. А деньги на спиртное надо отрабатывать.

Марсен повернул к Даре встрёпанную голову, как бы испрашивая её разрешения подчиниться.

Чуть подумав, Дара процедила:

– Сядешь на полу.

3

Теперь в комнате явственно витал запах перегара. Марсен устроился на ковре, привалившись спиной к подлокотнику дивана. Его одолевала жуткая икота – то ли от холода, то ли от градуса. С губ не сползала придурковатая ухмылочка.

Лазарь вернул в левую руку бутерброд, в правую маркер. Поднёс маркер к мольберту и жирно выделил вертикальную дугу Дары.

– Итак, возвращаемся к безоару. Что они не поделили с отчимом? От чего или от кого он пытался её уберечь? И за что не может простить? Всё это здесь – наш безоар прячется именно тут.

– Лучше бы там плакат с женской грудью прятался, – вяло пошутил Сенс. – С ним хоть понятно, что делать...

– Кому голая грудь, а кому голый торс в кубиках, – заметила Дара и менторски добавила: – Их сейчас только на плакате и увидишь. В зубатой действительности сплошь пивные брюхи.

Лазарь заговорщически подмигнул Сенсу:

– Это она про нас. Понятное дело, кубики простым силиконом ведь не накачать. Хотя...

Он вдруг застыл в изумлении, и жующие челюсти остановились вместе с ним. Как обычно, снизошедшее озарение напоминало сильный приступ диареи. Оно скручивало так же невыносимо, и от него так же невыносимо хотелось бежать туда, где это озарение могло найти себе выход. Пивные брюха... Ну, конечно! И как он раньше об этом не подумал?

Внезапно все части головоломного механизма, ещё минуту назад казавшегося диковинным инопланетным устройством, на глазах превратились в звенья заурядного, по-кулибински земного предмета. И всего-то надо было перевернуть стержневую деталь с головы на ноги. С Играми всегда так. Сначала тёмный лес, ничего не понятно. Потом, дерево за деревом, лес начинает валиться, и не успеешь оглянуться – ты уже на открытой просеке.

Приглушённый голос Сенсора вернул Лазаря к действительности:

– Ты там не подавился?

Лазарь дожеввал кусок бутерброда и поставил тарелку на пол.

– Вы знали, что дедуктивный метод Шерлока Холмса в действительности был индуктивным? – обратился он к друзьям. – Это когда логический переход осуществляется от частного к общему, а не наоборот.

– Знали, – неожиданно сказал Сенс.

– Серьёзно?

– Ну, не совсем. Я всегда думал, что то, о чём ты сейчас говоришь, и есть дедукция. А индукция – это вообще из физики. Ну да ладно, продолжай.

Лазарь размашистым шагом обошёл мольберт и отправился к камину. Остановился перед закопчённым зевом, отгороженным кованой решёткой, и просунул руку в одну из керамических вазочек, выстроившихся в ряд на полке.

– Если мои опасения оправдаются, Сенс, продолжение тебе не понравится.

Не нашарив искомого в первой вазочке, Лазарь принялся обыскивать соседнюю.

– Почему? – не понял тот.

– Всякая птица имеет клюв, – Лазарь двигался вдоль полки приставными шагами и запускал руки во всё, что попадалось по пути. – Колибри имеет клюв. Колибри – птица. В этом категорическом силлогизме есть две посылки. Первая, про клюв – это предикат. Вторая, про колибри – это субъект. Наш предикат абсолютно правомерен, из чего мы со стопроцентной вероятностью можем заключить, что колибри – птица. Чехарда начинается, когда предикат выражен некорректно. Например, если он не вполне исчерпывающий или, наоборот, слишком общий. Допустим, если утверждать, что каждая птица имеет крылья, то в птицы легко можно записать летучую мышь или самолёт. Или твой гроб на колёсах.

– Согласен. Но я-то тут причём?

– Сейчас поймёшь. Хуже всего, когда ошибка в субъекте. Если завтра ты заявишь, что у Дары вместо носа клюв – как считаешь, можно будет применить по отношению к ней тот же предикат, чтобы записать её в курицы?

За спиной послышалось хрюканье Марса, перемежающееся икотой, и звонкий шлепок подзатыльника. Хрюканье и икота прекратились одновременно.

– Ошибка вылезет наружу, когда окажется, что на самом деле то был просто необычный нос, и тебе померещилось с перепоею, – закончил мысль Лазарь. Он обыскал последнее, что стояло на каминной полке – хрустальную пепельницу полную мелких монет, и повернулся к друзьям: – Когда вернётся Матвей?

Дара подозрительно нахмурилась:

– Часов в девять. Они с Аймой... в городе, в общем. А что?

4

– Матвей перепрыгнул ключ, – Лазарь быстро шагнул к выходу из гостиной. – А мне сейчас очень, ну просто позарез нужен его компьютер. Можно сказать, вопрос жизни и смерти. То есть, так ему и скажете потом.

– Откуда он узнал, что ты знаешь про ключ? – удивился Сенсор.

Они с Дарой и Марсом бежали вслед за Лазарем – тот пересёк прихожую и направился к гостевой комнате, переоборудованной в спальню для Матвея и Аймы.

– Наш юный Штирлиц забыл почистить историю посещений, – объяснил Лазарь. – В длинном, как список Шиндлера, перечне порно-сайтов Матвей всё-таки умудрился найти пару строк о...

Он приостановился на мгновение, пригвождённый новой догадкой (одно дерево валит другое, а за ним валится весь лес...), и ускорил шаг.

– Да не лазил я по порно-сайтам! – взвизгнул Марс. – Откуда я знаю, что ещё за история? Я вам чё, хакер какой?

– Нет, – не удержалась Дара, – ты мелкий пьянчужка.

Лазарь остановился перед дверью с позолоченной ручкой. Подёргал – заперто.

– Что ты собираешься делать? – забеспокоилась Дара.

– Войти, что же ещё.

– Интересно, как? Это всё ещё комната Матвея, и то, что мы с Аймой подруги, ничего не меняет, так что, если ты надеешься, что я знаю, где ключ или... – принялась тараторить она.

– Не надеюсь, – остановил её Лазарь. – Обойдёмся без ключа.

– Можно попробовать сделать отмычку из шпильки, – предложил Сенс.

В его неожиданной инициативности читалось предчувствие чего-то недоброго.

Лазарь бросил на друга насмешливый взгляд:

– Попробуй. Но вместе со шпилькой не забудь прихватить с собой Фиму Жиганца, обученного на «медвежатника». А пока ищешь, я попробую свою отмычку.

– У тебя отмычка? Откуда?

– С рождения. – Лазарь отступил от двери на два шага. – Называется... таран-нога!

Последнее он выкрикнул на манер боевого клича, ударив ногой дверь в область замка. Треск крошащейся древесины смешался с неприятным металлическим скрежетом. «Таран-нога» начисто выбила замок, и дверь рывком распахнулась в комнату, ударившись о стену. Резкий хлопок лопнувшего металла свидетельствовал о том, что при столкновении со стеной пострадала дверная ручка с другой стороны.

– Рехнулся! – схватилась за лицо Дара.

Марсен позади неё испуганно засмеялся.

Сенс внимательно осмотрел дверной проём и присвистнул.

– Косяк в хлам, – констатировал он и заглянул за дверь. – Фурнитура тоже. Ну и дури же в тебе! Хорошо ещё, с петлями не слетела. Сомневаюсь, правда, что это сгладит восторг Матвея. Про сквозняк теперь не наплетёшь...

– Я же сказал, вопрос жизни и смерти. Так и передайте, если он начнёт бить меня прежде, чем я успею объяснить.

5

Лазарь вошёл в комнату и не узнал её. Примерно с год назад Матвей привёл в дом Айму. Дочь японских эмигрантов в третьем поколении, её семья давно обрусела, почти не помнила родного языка, а в искусстве владения палочками для еды уступала даже навыкам Дары. От предков Айма унаследовала одну национальную черту, присущую всем японцам – чистоплотность.

С её приходом в доме очень многое изменилось, и комната Матвея не стала исключением. Куда делся неряшливый холостяцкий угол с гирляндами гардероба, развешанными где угодно, кроме платяного шкафа? С ковром, по которому опасно ходить босиком, соднospальной кроватью и кислым запахом вчерашнего пива? Всё это исчезло. На месте старой кровати появилась просторная семейная постель с резным изголовьем сандалового цвета, тщательно застеленная ситцевым покрывалом. Компьютерный стол, напоминавший раньше замызганный монитор посреди груды бумажно-целлофанового мусора, снова стал похож на стол. В узкие зеркала на дверцах шкафа вернулось отражение. Даже запахи поменялись. Вместо аромата прокисшего пива здесь приятно пахло ванилью и кремом для лица. Благодаря Айме характерный Матвею изоляционизм, поначалу отражавшийся даже на Даре с Сенсом, мало-помалу пошёл на убыль. Отныне в комнате явственно чувствовалась женская рука.

Перед запуском операционная система вежливо попросила ввести пароль. С нехорошим предчувствием Лазарь настукал на клавиатуре старый пароль Матвея. Система охотно подтвердила его опасения: «Неверный пароль. Попробуйте ещё раз».

Лазарь ударил кулаком по кнопкам клавиатуры.

– Опять же, если ты надеешься, что Айма сказала мне пароль... – завела старую пластинку Дара.

– Не надеюсь! – Лазарь бухнул кулаком о клавиатуру вторично. – Чёрт! Чёрт-чёрт-чёрт!

Каждое своё «чёрт» он подкреплялось ударом. От соприкосновения кулака с кнопками клавиатуры, в поле для ввода пароля вскакивало сразу по нескольку жирных точек.

Дара робко тронула Лазаря за плечо:

– Уймись, пожалуйста. Не хватало ещё компьютер разбить...

– А может, я хочу его разбить! Может, я сейчас вообще разнесу здесь всё к чёртовой матери!

Лазарь вскочил с места, обхватил руками монитор и приподнял над столом. Подключённые к системному блоку провода угрожающе натянулись. В памяти всплыли не раз виденные в Интернете видеоролики, где «офисный планктон», доведённый до белого каления выходами капризной машины, выпускает пар, безжалостно разрушая узлы компьютера при помощи физической силы и гравитации.

– Всегда хотел это попробовать... – натужно выговорил Лазарь, стягивая монитор со стола.

– Стой! – закричала Дарения. – Поставь на место!

– И не подумаю.

– Поставь! Я знаю пароль!

6

Система послушно запускалась, шелестя жёстким диском.

– Это и есть твои тридцать серебряников? – спросил Лазарь. – «qtdnfv007»?

Некоторые патологически бездарны в вопросе выбора паролей. И дело тут вовсе не в дефиците фантазии, ибо байка про историю посещений была весьма недурно придумана. Дело в профиците самомнения.

– Так это ты нас вломила... – дошло, наконец, до Марса.

– Не вас, а Лазаря, – невозмутимо уточнила Дара. Она даже забыла, что сердится на мальчишку.

– Зачем? – спросил Сенс.

Дара повернула к нему пушистую голову и очень серьёзно сказала:

– Потому что так было правильно, Сенс. А то, что сделал Лазарь – нет.

В другой раз Лазаря немало повеселил бы такой пассаж. Но не теперь. В преддверии, возможно, первого за последние дни прорыва в этой глухой Игре всё веселье куда-то улетучилось.

– Как, говоришь, назывались те пилюли? – обратился он к Сенсу.

– Рисперидон, вроде.

– Без вроде.

– Рисперидон!

Лазарь кивнул и опустил ладонь на мышку.

– История посещений? – прочёл Сенсор. – Сломал дверь, чтобы поглумиться над Марсом?

Лазарь прокручивал страницу колёсиком мышки и медленно говорил:

– Нейролептики принимают шизофреники. Человек покупает нейролептики. Человек – шизофреник, так?

С полминуты Сенсор напряжённо соображал. Не обнаружив подвоха, осторожно согласился.

Указательный палец Лазаря завис над колёсиком. Сердце перекинулось с рыси на галоп. В длинном списке посещённых Матвеем веб-сайтов он нашёл нужную запись и выделил курсором мыши.

«Ригевидон» – «гормональный пероральный контрацептив» – гласила надпись.

Далее следовал адрес страницы и время посещения.

Внутри что-то лопнуло и растеклось по телу тёплой, как глинтвейн, истомой. Лазарь повернулся к друзьям и, стараясь не выказывать своего ликования, сказал:

– Сходные по звучанию, но разные по назначению. Контрацептивны предотвращают нежелательную беременность. Девчонка покупает контрацептивны. А теперь скажи мне, Сенс, что должно стоять в предикате?

Сенс заморожено вглядывался в экран монитора.

– Она беременна? – глупо спросил Марс.

– Нет, – ответил Лазарь, твёрдо решив про себя, что на это проклятущее «вроде», протекающее от лукавого, с сего момента налагается категорическое и бессрочное вето. Без права на обжалование. – Её изнасиловали.

Комната погрузилась в тягостное молчание. Лишь жужжащему кулерами компьютеру было глубоко плевать на девчонку и её проблемы.

Дара первой нарушила тишину:

– Как ты вышел на противозачаточные? Только умоляю, не говори мне про силиконовую грудь.

– Вернёмся в гостиную, – предложил Лазарь. – От кремов Аймы у меня начинается стояк.

7

Слово «проблема» в левой части схемы было густо вымарано маркером, а прямо под ним появилось новое – «изнасилование».

– А теперь объясню, как я на это вышел, и почему именно изнасилование, а не банальная тяга к незащищённому сексу.

Лазарь расхаживал перед мольбертом с видом университетского лектора, читающего на излюбленную тему. Бутерброды давно остыли и заветрелись, но он всё равно с удовольствием прикончил ещё два.

– Ты, Дара, была отчасти права. Когда мы заговорили о силиконовой груди, я вдруг вспомнил об одной интересной особенности инсона Яники, которой раньше не придавал значения. За всё время, что я пробыл там, я видел много прокажённых – и ни одной женщины. Ни одной! Я бы заметил, уж поверьте, учитывая хроническую аллергию прокажённых на одежду. В этом есть что-то симптоматичное, вам не кажется? Тогда-то у меня и появилось первое подозрение. Разгадка где-то рядом, у нас под носом, но мы не видим её, потому что в исходные данные вкралась ошибка. И говоря «мы» я обобщаю для бонтона, – с этими словами Лазарь издевательски подмигнул Сенсору.

Щёки лучшего друга вспыхнули, как пара сигнальных ракет.

– Когда мы обсуждали список порно-избранного Малого («Пошёл на фиг, Лазарь!»), я вспомнил разговор с Матвеем. Тот нашёл в истории посещениях заметку о нейролептиках и сразу обвинил меня в несанкционированном взломе. На что я, шутки ради, предложил повнимательней приглядеться к Айме. Кстати, если бы не наша Павла Морозова, может, он бы так и поступил? – теперь дружеского подмигивания удостоилась Дара.

– Это несмешная шутка.

– Матвей тоже не оценил. И пригрозил, что в следующий раз, – Лазарь на секунду задумался, – наверное, это он и был... так вот, в следующий раз мне самому понадобятся таблетки, да не простые, а противозачаточные! С чего вдруг такая экзотическая ассоциация? Если исключить гомосексуальный подтекст, а я надеюсь на лучшее, напрашивается один вывод. Название нашего нейрорептика созвучно с названием другого препарата, назначение которого хорошо известно Матвею. «Ригевидон» – он знал о нём! И узнал не откуда-нибудь, а непременно в Интернете. Думаю, Айма искала информацию о препарате в сети, а он случайно наткнулся. Когда речь зашла о «рисперидоне», Матвей вспомнил о противозачаточных – отсюда и эта пошлая ассоциация.

Лазарь остановился и вопросительно посмотрел на Дару:

– Как думаешь, тот факт, что Айма регулярно травит в себе плод этой гадостью можно считать ещё одним секретом Матвея, отныне известным мне?

– Ты отвратительный, – презрительно поморщилась Дара. – Не имеешь своей личной жизни, так обязательно нужно лезть в чужую?

Лазарь собрался ответить ей, но в последний момент был остановлен внутренним правдолюбом. Она права – что бы он сейчас ни сказал, прозвучит глупо. А потому лучше ограничиться холодным взглядом, под которым она, как всегда, съёжится и снова обратиться к мольберту.

– То, что Янику изнасиловали, объясняет её некомпетентность. «Ригевидон» не прерывает нежелательную беременность, а предупреждает её. Но она не знала этого, и побежала покупать первое, что запомнила из разговоров с подружками. Следовательно, возникла срочная необходимость. Изнасилование – самое логичное объяснение. Всё становится на свои места, – Лазарь обвёл рукой схему. – Она изгой в этом мире. Отверженная для себя самой, она не достойна ни людей, ни отца, ни даже этого белобрысого хмыренка. Открыв ему правду, она находит для себя лишнее подтверждение – в стане нормальных людей ей места нет.

Лазарь умолк, как никогда остро ощущая свою беспомощность. Девчонка должна попасть в лагерь. Всё, что ей нужно – просто захотеть. Она хозяйин инсона, его демиург, альфа и омега. Лагерь – всего-навсего барьер, воздвигнутый её могуществом. Барьер, который способна преодолеть только она сама. Но как убедить или вынудить её, если неясно, какие привести аргументы? А, главное, чем их подкрепить? Без доказательств она не сдвинется с места, а если упрётся – ничто в мире инсона уже не сможет её сдвинуть.

Лазарь упёр указательный палец в верхнюю точку дуги, нарисованной Дарой, и провёл им до нижней. Что-то не так было во взаимосвязи между лагерем и отчимом, что-то подозрительное существовало в этих взаимоисключающих параграфах. Последний кусочек паззла прятался именно тут, в этом противоречии. Точнее, его спрятал туда Ведущий Игры, как золотой ключик от каморки папы Карло.

– А что, если это он? – протянул Лазарь, зачарованно уставившись в палец.

– Кто – он? – спросил Сенс.

Лазарь обернулся, не отнимая пальца от мольберта:

– Калим. Что, если Калим пытался уберечь её от себя? И теперь не может простить за то, что она осталась в квартире, когда он велел бежать...

«Хрясь-хрясь-хрясь» – дерево падает на дерево.

– Стой-стой! – Сенсор весь подобрался. – Намекаешь, что её изнасиловал собственный отец?

– Отчим.

– Не важно! Это нереально, Лазарь. Девчонку изнасиловал сосед – тот, кто укусил её в инсоне. Два дня назад Дара смотрела Калима глазами Яники, как я сейчас смотрю на тебя. Допустим, ты прав, допустим. В таком случае, Дара должна была увидеть гориллу, которая

чуть не порешила тебя в первый же день, правильно? Так вот, она не увидела! Калим выглядел абсолютно нормально.

– Валуёв – это нормально? – попытался пошутить Лазарь.

– Конечно, не Ален Делон, но до прокажённых даже ему далеко. Дружище, если её изнасиловали, это был кто-то другой. Яника не видит в нём зверя. Не-ви-дит!

Тут Сенс, конечно, прав. Девчонка и правда не видит.

Лазарь надолго ушёл в себя, чувствуя, как замедляется лесоповал. Чтобы не допустить его полной остановки, он окинул взглядом гостиную в поисках новых идей. Взгляд случайно упал на Марса. Мальчишка пытался изображать сосредоточенную задумчивость, но его выдавали чуть приподнятые в гримасе губы.

Лазарь смотрел на него долго, очень долго. До тех пор, пока Марс не почувствовал на себе его взгляд и не уткнулся носом в ковёр. Потом набрался храбрости и снова поднял глаза на Лазаря. Казалось, в эту минуту парень и любил и ненавидел его. Любил за то, что Лазарь вступился за него перед Дарой, и ненавидел, потому что не понимал, зачем ему это понадобилось. Заметив на себе изучающий взгляд Лазаря, он заподозрил самое худшее.

Лазарь попытался представить, каково сейчас мальчишке, и воображение тут же включилось в работу. На него накатило неприятное двойственное чувство. Несовместимая, несмешиваемая смесь затопила холодно-горячей волной. Странный конгломерат ощущений показался смутно знакомым, и тут он вспомнил – так чувствует себя каждый, кто хоть раз не смыкал всю ночь глаз, дожидаясь домой пьяного отца. Когда глаза бы не видели, если бы не были так рады.

– Она не видит, потому что не хочет видеть, – медленно проговорил Лазарь. – Думаю, после смерти жены Калим частенько душит зелёного змия. Знаете, у каждого пьяницы есть одно качество, за которое его неизменно любят дети – иногда он бывает трезв.

Проговаривая всё это, Лазарь не отрывал глаз от Марса, и тот принял всё на свой счёт. Улыбочка увяла, как водолюбивое растение в пустыне, на конопатое лицо набежали тучи.

– Квартира четырнадцать... – к разговору подключилась Дара. При виде потухшей физиономии Марса до неё тоже стало доходить. – Там никто не живёт. И мы решили, что сосед – это плод её галлюцинации. Мы решили, в квартире прячется её болезнь. А на самом деле там пряталась...

– Чужая болезнь, – сказал Лазарь. – Вот что там было. Дело не в квартире – дело в тамбуре.

– В тамбуре? – переспросил Сенсор, и тоже посмотрел на Марса. Раз уж все видят в нём ответ, который никак не снизойдёт на него, может, стоит приглядеться?

Теперь на мальчишку было больно смотреть. Под пристальными взглядами друзей парень совсем сник. Он явно не знал, куда себя деть – глаза бегали из стороны в сторону, пальцы безостановочно теребили отвороты полосатой рубашки. Скорее всего, он не понимал и половины из того, что здесь проговаривалось, но от него и не требовалось понимать. Как и все дети, он обладал врождённым даром интуитивно улавливать общее настроение происходящего, чувствовать его инсомом, а не умом. И то, что он сейчас чувствовал, определённо не входило в список того, что Лазарь хотел бы опробовать на себе.

– Не в самом тамбуре. За тамбуром. За дверью. Там, откуда приходит чудовище.

Калим никогда не напивался дома, но мог в любой момент заявиться «на рогах». А мог и не заявиться – тут уж как повезёт. Лазарь снова включил воображение. Вот она ждёт его вечером дома, час за часом. Вечер переходит в ночь, а его всё нет. Она хочет спать, но боится уснуть. Ждёт, прислушивается к каждому звуку на лестнице. Не стукнет ли дверь, не шаркнет ли нога? Вот грохнули дверцы лифта – и сердце в пятки. Нет, не он... Вот снова. Закружился в замочной скважине ключ. Сердце остановилось, притихло. Да – это он. Но кто он? Какой из двух?

И так день через день. Пытка, к которой невозможно привыкнуть.
Наконец, и до Сенсора дошло.

– Хочешь сказать, он напился... пришёл и... и...

Лазарь ещё раз посмотрел на Марса. Парень выглядел хуже некуда. Изумление, страх, стыд – всё это изобразилось у него на лице, как если бы речь шла о нём.

– Да, – кивнул он. – Вспомни их приятную беседу перед «Гризли». В инсоне Яники подлинным Калимом был сосед. Он был соседом, и был отцом. Знаешь, в драке с самим собой ты всегда обречён на поражение. Он боролся – и проиграл. Думаю, наяву он пытался сдержаться, возможно, гнал её от себя... Но она не ушла. Понадеялась на его силу. И поплатилась... И если ты всё ещё сомневаешься, то давай спросим Дару. Знакомого в инсоне встретить нельзя, если ты не познакомился с ним в инсоне, так?

Сенсор изогнул бровь:

– К чему этот каламбур?

– Валуёв, Сенс! Калим показался Даре странно знакомым – мне тоже. Вот только похож он не на Валуева, а на нашего старого знакомца. Соседа, который преследует Янику, как легавая. Как зверь.

«Хрясь-хрясь-хрясь» – лесоповал с новой силой набирал обороты. Дерево валило дерево по принципу домино, открывая Лазарю всё больше закономерностей, причём каждая новая порождала сверхновую.

– Всё это косвенно, – отмахнулся Сенсор. – Отец в лагере. Ладно, допустим, Яника не видит в нём зверя. Но ты-то видел. Дара видела. Если настоящий Калим – тварь из соседней квартиры, то кто тогда раздаёт команды в лагере?

Сенс так самозабвенно выпрыгивал из штанов, стараясь развенчать чудовищную правду, что Лазарь понял – в дело вступила подсознательная защитная реакция. Сейчас он всеми способами старается минимизировать урон, нанесённый общему делу невнимательностью в аптеке, не отдавая себе отчёта, что делает только хуже. Стоит ему узнать об этом, как он прикусит язык, надаёт себе пощёчин, а то и придумает епитимью пострашнее. В другой раз Лазарь непременно надавил бы ему на совесть, лишь бы он поскорее заткнулся – и он непременно бы заткнулся – но не сейчас. Сейчас Лазарь и сам толком не знал, куда выведет его лесоповал, а упорное нежелание Сенса примириться с истиной подавало наводящие вопросы. Они-то и валили лес.

– В лагере Калим поддельный, – уверенно заявил Лазарь. – Но Яника считает его настоящим, потому что наяву отчим делает то же, что и в инсоне – не пускает дочь в лагерь. То, что ему велят.

– С какой стати ему это делать? – удивился Сенс.

«Хрясь-хрясь-хрясь...»

– С такой, что Калим подвластен Ведущему. Точнее, совсем недавно стал его адептом. А значит, делает то, что угодно Ведущему, и говорит то, что прикажут. Двухступенчатая Игра – такое вполне возможно.

Все молчали, не слишком впечатлённые услышанным.

– А кто тогда помогает таким, как Калим? – спросил в полной тишине Марсен. Испугавшись, что сморозил глупость, сконфуженно добавил: – Мы же не можем всех спасти. Людей-то до хрена!

Вспышка нового озарения, чёрт знает какого по счёту за последние десять минут, заставила Лазаря разинуть рот. Наверное, это последнее «дерево» на сегодня. Как и во всей Игре в целом.

– В следующий раз, Малой, беру тебя с собой, – в порыве неконтролируемой благожелательности пообещал он. А впрочем, разве не этого он добивался, требуя оставить парнишку?

Похоже, чувства так захлестнули его, что вытеснили из головы мысли, и обещание вышло от сердца. Что ж, тем лучше. Больше шансов, что пацан поверит.

Друзья продолжали смотреть с недоумением.

– Непонятно? Последней Игрой Матвея был Калим! Матвей не подозревал, что мы работаем с его падчерицей, а мы не подозревали, что он проиграл её отчима. Его провал – такая же составляющая эпикриза нашей пациентки, – Лазарь указал на доску, – как и всё остальное. Можешь выдохнуть, Сенс, ты не единственный, кто подгадил нам в этом деле.

Марс вскочил на ноги и, тыча в Лазаря выпростанным из кулака пальцем, прокричал:

– Ты обещал, обещал! Только попробуй потом съехать!

– Пьянчужек в инсон не берут, – вставила Дара.

– Да не буду я больше! – завопил мальчишка с выражением «неужели ещё не понятно?».

Лазарю всё стало понятно пятью минутами раньше – когда он только заговорил о Калиме. Когда смотрел мальчишке в глаза. Сегодняшний урок Марс извлёк. И преподал его не Лазарь, а девушка, изнасилованная собственным отчимом.

– Невозможно, – сказал Сенс, краснея уже всем лицом. – Ты забыл. В тот раз вместе с Дарой я тоже видел Калима. Если бы его «играли», я бы почувствовал.

– Не почувствовал, если к тому времени он уже проиграл, – неохотно выговорила Дара. Она скрупулёзно ковырялась в красиво наращённых ногтях, избегая смотреть на Сенса. – Лазарь прав. Матвей слил в тот же день, когда ты нашёл Янику. Он тогда ездил к Симону на ковёр отчитываться. Потом они с Аймой пару раз пытались пробиться в инсон Калима, но у них ничего не вышло. После проигрыша там одна сплошная гадость, сами знаете. Думаю, его совесть замучила... – подумав, прибавила она.

Сенсор вытаращил глаза:

– Выходит, всё это время ты знала...

– Я знала, что Матвей слил Игру! Я понятия не имела, что это был Калим.

– Секретность Матвея сегодня просто трещит по швам, – усмехнулся Лазарь.

Он зачеркнул «сосед из 14» и прямо под ним записал «отчим». Пустое место, на которое раньше указывала стрелка из «лагеря», теперь заняло слово «жизнь».

– Пока взаимосвязь между лагерем и отчимом остаётся такой, какой нам её изобразила Дара, у Яники всегда будет оставаться причина не жить. Лагерь и Калим – вода и масло, несмешивающиеся субстанции. Чтобы Яника смогла... нет, захотела попасть в лагерь, нужно показать ей, где обретается настоящий Калим. Где его настоящее место. Если она поймёт и захочет – поддельный Калим исчезнет, и никакая сила уже не сможет помешать ей войти.

В два прыжка Лазарь подскочил к дивану и принялся спихивать оттуда ничего не понимающих друзей. Марсен на четвереньках пополз от дивана, Дара с перепугу выпорхнула сама.

– Волосы! – вскричал Лазарь, стягивая за руку Сенса. – Волосы мне, живо!

8

Первым, что он увидел, выскочив из завешенной доисторическими коврами спальни, была открытая входная дверь. В отличие от несчастной двери Матвея, здесь замки и косяк остались целы, а значит, эту дверь открыли добровольно. Бегом, но без особых надежд, Лазарь обыскал все комнаты. Убедившись, что квартира пуста, опрометью бросился на лестничную площадку.

Сердце рвалось наружу сквозь стенки грудной клетки.

«Успокойся, Лазарь!» – приказала Дара. – «Ты здесь так дышишь... тебя удар хватит».

Ничего, мысленно увещевал себя Лазарь, сбегая вниз по ступенькам – ничего. Так дышит каждый футбольный фан на девяностой минуте матча, когда его команда уступает с разницей в один мяч. Ещё минута этой пытки, и наступит полная релаксация. Всё закончится, схлынет

одним махом, как волна прибоя, оставляя за собой мокрый, но ровный песок. Скоро всё закончится – так или иначе.

Ударом ноги Лазарь распахнул железную дверь на электромагните, уже давно не «электро», и выскочил на сверкающий солнцем тротуар. На улице царило настоящее пекло. Раскалённый воздух плыл впереди дрожащим маревом, отблески на металлических крышах гаражей слепили глаза. Лазаря моментально бросило в пот. Когда он приблизился к Янике, распростёртой на заснеженной бумажным мусором дороге в луже крови, рубашку можно было отжимать.

– Десять из десяти... – пробормотал Лазарь, опускаясь перед ней на одно колено.

Казалось, её изорвала свора голодных собак. Всё тело испещряли кровоточащие раны, руки и ноги, изогнутые под неестественными углами, напоминали конечности марионетки, брошенной на пол пьяным кукловодом. В животе зияла округлая каверна с рваными краями, проеденная прямо через ткань кофточки, в которую Лазарь не рискнул заглядывать. От тела и до гаражей тянулась по асфальту цепочка кровавых клякс. Приглядевшись внимательней, Лазарь понял, что это не кляксы, а отпечатки босых ступней.

Удивительно, но она всё ещё была жива. И даже в сознании. Костлявая грудь, продавленная вовнутрь чем-то тяжёлым, при дыхании поднималась так незаметно, что сразу и не разглядишь.

– Почему не дождалась? – тихо спросил её Лазарь.

– Думала... ты уже не придёшь... – ответила она, кашляя кровью.

– Кто тебя так?

– Сама...

Бледное и полупрозрачное, как папирус, лицо почти не пострадало. Потемневший от запёкшейся крови рот и красные зубы контрастировали с бледной кожей, отчего само лицо казалось как будто здоровее, чем прежде.

– Ясно, что сама. Кто это сделал с тобой?

В принципе он догадывался, но хотелось услышать от неё.

– Он... – в её горле клокотала жидкость, – вернулся, пока тебя не было. Я не хотела ждать... мне так надоело. Я сама к нему вышла...

– Понятно.

– Хочешь узнать почему?

– Уже не важно.

Неожиданно Лазарь передумал. Он уже собрался сказать ей, что нет, нет, он хочет, хочет... но не успел.

Весёлый голос Леонарда за спиной заставил забыть обо всём и обернуться:

– Отойди от неё, Ванька!

9

Рядом с Леонардом косолапо вышагивал Калим. Тут же на ходу, прямо на глазах у Лазаря, здоровяк начал перевоплощаться. Туловище немного сжалось в плечах и сбавило в росте, но в целом осталось довольно сбитым. Из блестящей на солнце лысины заколосились и закурчавились жёсткие чёрные волосы. Густая щетина муравьиной колонией перебежала с висков на щёки и сомкнулась на подбородке пышными котлетами бакенбард. Дремучие брови срослись в одну полосу и нависли щёткой над подвижными глазами, лоб сузился, практически исчезнув в кудрях. Спустя десять секунд человек, некогда бывший Калимом, напоминал огромного чёрного пуделя, втиснутого во фланелевую рубашку. Торчавшие из закатанных рукавов косматые ручища только усиливали собачьи ассоциации.

«Бельфегор!» – ожесточённо проговорила Дара.

Бельфегор – правая рука Ведущего Игры, офицер офицеров, мозг и проектировщик всех манёвров в Игре, за исключением основной схемы. Пожалуй, единственный человек из свиты Ведущего, к которому Лазарь испытывал уважение. Его историю он узнал от Матвея около года назад, и она отталкивала Лазаря в той же степени, что и восхищала.

Все, кто когда-либо присягал на верность Ведущему делали это из трусости или малодушия. Из слабости, распушенности и полной несостоятельности, как личность. Делали потому, что им не хватило сил принять ответственность. Бельфегор был не таков. Этот человек пошёл бы к Ведущему независимо от исхода Игры. Добровольно. Он родился таким. В этой предрасположенности не было ничего красивого, доблестного или достойного подражания. Его одержимость являла собой верх аморальности и полнейшей социопатии. Но вместе с тем эта отточенная, непоколебимая уверенность в своих устремлениях и идеалах странным образом внушала почтение.

Детство Бельфегора нельзя было назвать радужным. Отца дальнобойщика застрелили во время очередного рейса на Тольятти, когда сыну едва исполнилось три. После смерти мужа мать пошла вразнос. Сутками не появлялась дома, пачками водила в дом мужиков, которые спали с ней за деньги, а всё заработанное прогуливала в ресторанах и на базах отдыха, где с ней спали уже забесплатно. Чтобы побороть омерзение от предстоящего соития с теми, кто платил, она «обдалбывалась» какими-то таблетками. Пару раз её чуть не посадили за воровство. В доме постоянно околачивалась ватага шумных, вечно гогочущих подруг с красными оплывшими мордами, влекомых в дом бесплатной выпивкой. Если мать не заветривалась куда-нибудь на всю ночь, они до утра распивали на кухне шампанское или портвейн, горланили песни и периодически забегали в комнату к «дитяти», чтобы, дыша ужасным перегаром, пьяно расцеловать в щёки. Недостающие часы сна Бельфегор добирал за последней партой на уроках. Обладая приличным коэффициентом интеллекта, он едва перебивался с «двойки» на «тройку».

Мать считала его идиотом, поэтому бесконечные жалобы учителей воспринимала, как нечто само собой разумеющееся. О сыне она вспоминала, только когда тот сам напоминал о себе жалобными стонами. Когда во время очередного периода «амнезии» она забывала кормить его десять дней кряду, её едва не лишили родительских прав. Органы опеки и попечительства поставили испытательный срок в неделю, о котором она благополучно забыла на третий день.

Тогда, чтобы не оказаться в детдоме, Бельфегор начал её бить. В свои неполные тринадцать он уже был сильнее матери раза в два. Каждый раз, когда она «слетала с катушек», удары становились всё жёстче. Дошло до того, что крики на первом этаже прекрасно слышали соседи с девятого. Все всё понимали, так что никто не пытался помочь – ни матери, ни сыну. «Кулакотерапия» возымела эффект, превзошедший любое кодирование. Через три месяца мать остепенилась, устроилась кассиршей в местный супермаркет, а по вечерам мыла полы в школе, где учился Бельфегор. Ещё через месяц собрала средства, чтобы отправить сына на всё лето в лагерь в Краснодарский край.

За всё лето она не навестила его ни разу. Это было подозрительно, но Бельфегор старался не думать о плохом – мать и так прыгнула выше головы, не стоило требовать от неё больше, чем она могла вынести. Это было самое быстрое лето в его жизни. И самое прекрасное.

На вокзале его никто не встречал. Перепуганному мальчишке с тяжеленными чемоданами в обеих руках пришлось добираться до дома пешком. Вернувшись домой, Бельфегор обнаружил мать в постели абсолютно голой, если не считать пары драных, заляпанных чем-то чёрных чулок, от одного вида которых тянуло к унитазу. Рядом храпели сразу два мужика, один страшнее другого. За три месяца квартира превратилась в свинарник.

Последние полгода показались дурным сном. Дурным, потому что теперь пришлось проснуться. Игра будущего главного офицера Ведущего достигла апофеоза.

Бельфегор набрал полную ванну ледяной воды и перетащил туда бесчувственное тело матери. Оказавшись в воде, женщина пришла в себя, попыталась вскрикнуть. Чтобы не перебудить её гостей, Бельфегор опустил руки на грудь матери и немного надавил. Она стала брыкаться – он надавил сильнее. А потом понял, что просто не в силах отпустить.

Нельзя сказать, что Бельфегор сломался тогда, потому что никакого надлома не было. Он просто продвинулся чуть дальше на пути добровольного саморазложения личности – единственного, чему научился от матери. Ведущий лишь форсировал то, что неминуемо случилось бы и без его вмешательства.

Попав в его свиту, Бельфегор открыл в себе редкий талант морфера – Эмпата, способного принимать личину любой проекции, и тут же завоевал себе место первой скрипки. Ни одна сложная Игра с тех пор не проходила без его вмешательства.

10

Бельфегор на ходу выдернул из-за пояса наган и наставил его на Лазаря.

– Сдриснул отсюда, живо! – приказал он бархатным баритоном, разительно отличавшимся от того писка, что издавал Калим. – Теперь она наша, бродяга.

Лазарь мягко сжал плечо Яники, наклонился, прошептал:

– Не слушай, что они будут говорить. Не поддавайся на искушения. Лучше умри.

Потом поднялся с колен на ноги и, прежде чем Бельфегор с Леонардом успели приблизиться, отошёл от девушки на несколько шагов:

– Всё, всё, сдаюсь! Передаю её в ваши рачительные и чуткие руки.

Глава 7. День открытых дверей

1

– Ты ни в чём не виноват!

Дарения увивалась за Лазарем, как репортёр за рок-звездой в надежде получить хоть какой-то материал. Сенсор и Марс не отставали.

– Естественно, не виноват, – на ходу согласился Лазарь.

– И никто не виноват!

– Никто.

– Тогда куда ты собрался?

– Проветриться.

В тамбуре было холодно и накурено. Лазарь зашнуровал ботинки с высоким бёрцем, набросил на шею шерстяное кашне и уже вддел одну руку в рукав пальто, когда короткие пальцы Сенсора сомкнулись на его запястье.

– Прости, – он развернул его к себе. – Это я виноват.

Лазарь взгляделся в лицо друга. Карие глаза смотрели по-собачьи искренне, широкий лоб пересекала складка.

– Да, виноват, – неожиданно для себя согласился Лазарь.

Это вырвалось импульсивно, из глубины инсона, но он не испытал стыда, даже когда увидел, как поменялось лицо лучшего друга. Сейчас он был зол на всех, включая себя самого – так почему Сенс должен стать исключением?

Он выждал пять секунд для приличия, но Сенс больше ничего не сказал. Тогда Лазарь вырвал руку, дёрнул дверь и выскочил на промёрзший вечерний воздух.

2

Таксист попался молодой и расторопный, а когда увидел пятисотрублёвую купюру, да ещё узнал, что ему по пути, стал ещё и весёлым. В тот момент Лазарь почти завидовал его искренней беспечности. Наяву дом Яники оказался таким же, как и в инсоне. То же крыльцо, те же гаражи, та же дорога. Только за оградой палисадника у подъезда вместо буйной растительности громоздились подтаявшие и покрытые серым настом сугробы. Впрочем, иным в мегаполисе штампованных людских скворечников её дом быть просто не мог.

На лавке перед крыльцом грелись четыре нахохленные кошки, по непонятной причине презревшие уют картонной халабуды, выстроенной в закутке у мусоропровода бабкой-контрразведчицей. Праздный флегматизм на пучеглазых мордах вызвал ещё один приступ зависти.

Дверь в подъезд была действительно кодовой. Казалось, здесь и слухом не слыхивали о таких достижениях современного прогресса, как домофоны, магнитные ключи и каналы Ethernet. Впрочем, чего ещё ожидать от председательницы, увлекающейся строительством домов из картонных коробок? Но сейчас чудаковатость старушки пришлась даже кстати – ключа у Лазаря не было, а вот код он знал.

Три, четыре, шесть – кольцо вниз.

Он почти не удивился, когда тамбур на четвёртом этаже оказался открыт – точь-в-точь, как его собрат из инсона. Лазарь вошёл внутрь и остановился перед дверью в пятнадцатую квартиру, на мгновение забыв, где находится. Ему почудилось, что вот-вот тренькнет над ухом осуждающий голосок Дарении, станет кричать и стыдить его, призывая одуматься. Одуматься и уйти.

Но нет, Дара была далеко. Лазарь взялся за дверную ручку, нажал. Язычок замка скользнул в гнездо, дверь гостеприимно пропустила в прихожую.

«День открытых дверей», – подумал Лазарь, вспоминая Джуду.

Он расслышал шум воды в ванной, и это его подбодрило. Если Яника не поддалась и осталась умирать, тот факт, что никто не выключил в кране воду, казался вполне логичным. К тому же, между порогом и дверью в ванную желтела узкая полоска света.

Лазарь решительно прошёл к двери и опустил ладонь на позолоченный рычаг дверной ручки. Металл был холодный и немного мокрый. Лазарь задумчиво растёр влагу в пальцах и снова вспомнил о заклинании Джуды. Если оно работает, эта дверь, как и все прочие, должна быть незамкнута.

Лазарь открыл дверь и вошёл.

Яника была здесь. Над пунцовой гладью воды торчали голые колени, рыжая голова лежала затылком на эмалированном бортике. На мокрые лоб и щёки налипли огненно-рыжие пряди, напоминавшие глубокие шрамы. На белых кафельных стенах колыхались красные рефлексии от воды. По всему полу валялись в маслянистых потёках крови обломки лезвий – похоже, Яника извела не меньше пачки.

Увиденное одновременно поразило и удовлетворило Лазаря. Никаких других эмоций он не испытывал, а, может, просто блокировал. Девчонка не поддалась, и это главное. Очередная неудачная попытка Ведущего плохо закончилась для испытуемого. В отличие от них с Матвеем – пары практикующих хирургов – Ведущий Игры тяготел к методам Рене Декарта, предпочитавшего анатомировать подопытных на живую.

Лазарь собрался уходить. Он уже наполовину отвернулся к выходу, но тут краешком глаза заметил, как рыжая голова приподнялась над бортом ванной. Корпус продолжал поворачиваться, в то время как до головы с ужасом доходило, что из-под полузакрытых цианозных век на него взирают два живых мутно-синих глаза.

Сердце исполнило тройное сальто-мортале и смачно плюхнулось на толстый зад. Какое-то время Лазарь тупо тарашился на Янику, как если бы она воспарила из воды и принялась левитировать над ванной в ореоле божественного сияния. Потом ему удалось взять себя в руки.

– Не шевелись, – он плавно опустился перед ней на колени.

Коснулся её щеки, увидел щёку, почувствовал...

– Тише, тише, тише...

Придерживая одной рукой голову, а вторую подсунув под колени, приподнял бесчувственное тело над водой.

«Пальто кранты» – пронеслось в мозгу.

– Молодец, – похвалил он, сам не зная за что. – Ты молодец...

Она не ответила, даже не шевельнулась, точно последнее движение головы далось из последних сил, и теперь, истратив их, она уснула. Лазарь держал её навесу – мокрую, липкую, бескровную и окровавленную, и понимал, что жизнь её теперь в буквальном смысле у него в руках. И эта жизнь вытекала из неё. Вытекала сквозь пальцы алой водой и капала на кафельный пол.

– Молодец, молодец... – негромко повторял он, перетаскивая Янику в гостиную. – Ты всё правильно сделала. Но лучше бы дождалась меня.

3

Сирена машины скорой помощи постепенно затихала – бело-красная «Газель» с цифрами «03» на бортах скрылась за поворотом соседнего дома. Лазарь провожал её взглядом, укрывшись между гаражами. Свой звонок в «скорую» он предпочёл оставить анонимным.

У подъезда собралась кучка соседей – из тех, что любят хорошенько обмусолить чужую беду, упиваясь ни с чем не сравнимым кайфом от осознания того, что у тебя, слава богу, всё в порядке. Вой сирены растворился в вечернем гуле ещё не уснувшей улицы, и компания стала расходиться. Затрещали и вспыхнули фонари. Размытый туманом свет висел в воздухе густой желтоватой взвесью, почти осязаемой на вид.

Промокшее пальто и природная худоба недвусмысленно намекали, что пора бы убраться в тепло. Лазарь поднял озябшими пальцами воротник и зашагал к тротуару. Впереди показалась компания из четырёх человек. Леонард и трое подростков в дутых куртках настигли Лазаря на островке между гаражами и подъездной дорогой – как раз в том месте, где пятно света под клюкой фонаря уступала место густеющей зимней мгле.

– Совсем опух! – взял с места в карьер Леонард, в то время как трое остальных брали Лазаря в кольцо. Одинаковые обветренные лица и бритые налысо головы. Стая степных волков. – Ванюша, ты вообще в курсе, что за этим последует?

Лазарь обежал глазами двор. Тротуары и дорога пусты и неподвижны в обе стороны. Мороз разогнал соседей по домам, оставляя бонусную драму насыщенного вечера без зрителей.

– Ну, объясни, объяснитель.

– Зря скорую отпустил, чудак! – усмехнулся один из лысых, и тут же ударил Лазаря мыском ботинка под колено. Нога подогнулась, но устояла.

Леонард великодушно развёл руками:

– Объясняю! Нарушил правила – готовься к ответным действиям. Уговор есть уговор – зуб за зуб, глаз за глаз.

– А бить, стало быть, будете авансом? – уточнил Лазарь.

И, чтобы не оттягивать неизбежное, резко развернулся в другую сторону и вlepил кулаком в глаз одному из лысых. Хотелось достать того, кто распустил ноги, но Лазарь не был уверен, что попал в нужного – все трое были неотличимы друг от друга.

Земля с треском ушла из-под ног, и Лазарь кулём рухнул на правый бок. Что-то очень твёрдое, обладающее ужасающей кинетической энергией, выбило из-под него обе ноги. Уже с земли Лазарь разглядел в снегу большой деревянный обломок и несколько щепок поменьше – останки бейсбольной биты, разломившейся о его правую лодыжку.

Ответ Леонарда он услышал, свернувшись в позу эмбриона на снегу и закрывая голову руками. Вставать и сопротивляться было поздно, бесполезно и, кроме того, слишком травмоопасно.

– Бить... тебя... мы будем... ногами...

Все четверо, сопя и отдуваясь, с энтузиазмом охаживали Лазаря по бокам, ногам и голове; кто-то особо усердный пытался запрыгнуть на голову.

– Теперь... дошло?.. – пыхтел Леонард.

– Да он не слышит! – сипло закричал кто-то из лысых. – Уши закрыл!

Лазаря почувствовал, как его хватают за запястья и силой разводят руки в стороны, дабы оставить голову неприкрытой. Как только им это удалось, несколько прицельных ударов кулаком достали по скулам и в висок. Все звуки приглухли, словно уши набрали воды.

Перед тем как отключиться, уже с периферии сознания Лазарь расслышал, как один из нападающих в экстазе предлагает остальным:

– Давайте ему яйца отобьём! Давайте яйца ото...

4

Он отключился ненадолго – секунд на десять. Он всё ещё слышал звуки драки, но отстраненно, как будто били совсем не его. Наконец, он понял, что его действительно больше не бьют, и открыл глаза.

Удивительно, но драка ещё не закончилась. Пока он отсутствовал, какой-то крепыш в вязаной шапке с помпоном подоспел на подмогу и уже успел уложить троих лысых. Теперь он, энергично размахивая короткими руками-мельницами с внушительными кулаками-набалдашниками, жал во весь опор за четвёртым. Кажется, за Леонардом.

Как и кто запихнул его на заднее сиденье машины, Лазарь не помнил. Помутнённое неожиданной встряской сознание ещё не восстановилось до конца. Однако он совсем не удивился, когда с водительского сиденья услышал озлобленный и чуть истеричный голос Сенса:

– Так и знал! Так и знал, что погрёшься!

Шапка с помпоном нервно подрагивала над подголовником. Старенькая «шестёрка» резко тронулась и, надрываясь каждой новой передачей, стала рывками набирать ход. Лазарь почти не ощущал боли, всё тело словно онемело. Правую ногу как будто отняли.

– Леонарда догнал?

– Куда там! – Сенс в сердцах хлопнул ладонью по рулю. – Соскакивал, как газель Томсона. Какого лешего ты творишь?

– Любопытство... Забыл, что ты такой гладиатор, а то непременно взял бы с собой.

Год назад Сенс записался в качалку и с тех пор здорово раздался в плечах. Если бы Лазарю сказали тогда, что через год этот тюфяк без особых проблем уложит в одиночку троих отморозков, он бы рассмеялся предсказателю в лицо.

– Да ведь ты на всех кладёшь с прибором! Плюёшь с колокольни! Чихаешь без платка! И вдруг любопытство?

– Давай про глубинную психологическую подоплёку потом потрещим, а? Башка и так трещит.

– При чём здесь подоплёка? – кипятился Сенс. – Я ж не идиот, всё понимаю. За одно любопытство так знатно не отделявают.

Машины бросило влево, потом резко вправо – Сенсор, не снижая скорости, выскочил на магистраль.

– Она была ещё жива, когда я пришёл, – объяснил Лазарь. – Не бросать же так. Позвонил в ноль три – может, откачают. Ей повезло. Из всех способов самоуничтожения она выбрала самый помпезный и малоэффективный.

Сенс ударил по тормозам. Машину резко дёрнуло вперёд, Лазаря бросило на спинку переднего сиденья. Вот теперь он почувствовал боль – правую ногу словно прошило раскалённым прутком.

Сенсор обернул перекошенное злобой лицо:

– Ну, вот и поболтаете с ней об этом. Мы едем в больницу!

5

В столовую вошёл Матвей. Электронный таймер на микроволновой печи показывал полночь. Полумрак комнаты разбавлял свет фонаря на веранде, проникавший в помещение сквозь не зашторенное окно. Лазарь сидел за столом и пил кофе, водрузив загипсованную ногу на стул.

– Будешь?

– Сиди, сам налью, – Матвей прошёл к плите и пощупал чайник. – Пьёшь холодный или давно сидишь?

– И то и другое.

Лазарь принял от Матвея новую чашку с кофе и посмотрел в окно. Мороз рисовал на стекле ледяные узоры, напоминавшие полукруглые потёртости, оставленные диском шлифовальной машинки. За стеклом свет фонаря выхватывал из мрака стайки мелких снежинок, кружащихся на ветру золотистым конфетти.

– Её родной отец погиб, – Лазарь перевёл взгляд на Матвея. – Был в рейсе и не вернулся. Даже тела не нашли. Утонул. Никто не знает, как и почему. Ей тогда было меньше, чем Малому сейчас – лет десять. На место родного пришёл приёмный. И тоже моряк, близкий друг отца. Не знаю, любила его мать или нет, но мужик в доме нужен. Особенно когда на плечах не лисье манто, а малолетняя дочка. Жизнь пошла дальше, а какая жизнь у моряка? Полгода в рейсе, полгода дома. А иногда и того меньше. Наверное, полюбить падчерицу он так и не смог. Не успел. Это как в спортзал ходить – если через месяц тренироваться, ничего на том месте, где должны быть бицепсы, не вырастет. Вот и у него не выросло...

Когда Янике исполнилось пятнадцать, мать забеременела. Счастья полные штаны, все готовились к пополнению. Да видно, не судьба. Тяжёлые роды вышли, преждевременные. Ребёнок умер, прихватив на тот свет и мать. Ещё один удар по девочке. А у нашего моряка тогда жизнь круто повернулась – несовершеннолетняя падчерица осталась одна. Ничего не поделаешь, пришлось ему профессию свою маятниковую бросать. Думаю, с этого всё и началось. Только представь: семью построить не удалось, карьера псу под хвост, остался один, да ещё с чужим ребёнком на руках. Неродным ребёнком. Калиму нужен был козёл отпущения, и он стал искать его.

Дальше – хуже. С работой не клеилось. На судне он, конечно, важным человеком был – старший механик и всё такое. Только на большой земле плевать все хотели, что он шарит в устройстве клинкетных дверей и умеет ремонтировать опреснитель воды. Пришлось заняться интеллектуальным трудом. Зимой грузчиком на склад молочной продукции, летом на стройку разнорабочим.

Матвей слушал собранно и сумрачно, изредка попивая холодный кофе. Налетавший на холм ветер порывами бил в окно, заставляя золотистые конфетти бросаться врассыпную, точно стайки рыб, спугнутых хищником. Некоторые прилипали к стеклу и там таяли, присоединяясь к композиции морозного рисунка.

– С женщинами тоже не катило. Денег мало, работа ломовая, домой приползал на четвереньках и на майскую розу явно похож не был. И вот он понимает, что ему сорок пять, а в жизни полный ноль. За полвека ничего не нажил – ни жены, ни детей, ни машины. Одна отдушина...

– ...бухать, – опередил Матвей.

– Конечно, – кивнул Лазарь, – многие поступили бы так же на его месте. Но нашему герою не повезло вдвойне. В его инсоне поселился Ведущий Игры.

Лазарь потянулся к плите за чайником. Матвей забрал опустевшую кружку и сам отправился наливать воду.

– И вот тебе картина маслом. Если позвать сюда Дару, она бы так её расписала: никому не нужный, смердящий беспорточник с паперти с ушанкой для подаяний, а рядом подрастает и наливаются, как яблочко, соблазнительная пигалица с попкой сердечком, которая одним своим видом насмехается над его закатом. Не попка – пигалица. Гумберт Гумберт не устоял.

– Она не пигалица, – раздражённо буркнул Матвей.

В отличие от Лазаря, свои поражения он всегда принимал близко к сердцу. Не самая полезная черта для хирурга.

– Знаю. Но именно такой Калим видел её в инсоне. Именно такой должен был увидеть её ты.

Матвей желчно заулыбался:

– О, вот мы и подошли к главной идее монолога. Даже не пытайся. Мы оба облажались, ладно? Оба!

– Ладно. Но ты первый. Сначала не разглядел в нём ненависти к собственной дочери и позволил её изнасиловать...

– Пошёл ты! – вспыхнул Матвей. – Он нажрался в дым и дал выход своей похоти. Ты хоть раз бывал в инсоне пьяного?

Лазарь не обратил на него ни малейшего внимания:

– А потом дал ему её убить!

С последним обвинением он немного перегнул. На самом деле к тому времени, как Яника решила залезть в ванну и поработать там немного над венами бритвенными лезвиями, Калим уже подчинялся Ведущему. Матвей не мог ничего изменить, хотя и пытался под нажимом совести исправить что-то с помощью Аймы. Но сейчас Лазарю было плевать на это. Его разбирала злость, и её нужно было на ком-то сорвать.

– Она сама себя убила, тебе бы не знать, – горячился Матвей. – Уже забыл, как вытаскивал её из кровавой бани? Только ты можешь спрыгнуть на батут, помнишь?

– А ещё она сама себя изнасиловала. Если бы не я, её бы вытаскивали оттуда не врачи, а менты. Чтобы потом запихнуть в мешок!

Разговор перешёл на повышенные тона; в тишине ночного дома каждое слово звучало почти как крик. Наверху послышался шорох, потом щелчок дверного замка и шлёпанье босых ног по дощатому полу.

Матвей затих и прислушался.

Лазарь поднял голову к потолку:

– Развернулся на сто восемьдесят градусов и пошёл обратно в комнату.

Звук шагов моментально стих.

– Малой, я как-то непонятно выразился? Брысь отсюда!

– Откуда взял, что это я? – после паузы обнаружил себя Марс.

– Девочки надели бы тапочки, а у Сенсора нога тяжелее. Доволен?

Мальчишка помедлил немного, потом не удержался:

– Вы чё там грызётесь?

– Не суй нос в чужие дела, пока не прищемили! – рявкнул Матвей.

Внятно выговорив «уроды», Марс вернулся в комнату. Когда дверь за ним захлопнулась, Матвей отставил пустую кружку и встал.

– Ладно, всё с тобой ясно. Я спать.

– Сядь.

– Показывай мне.

– Пожалуйста.

Немного подумав, Матвей неохотно присел на край стола. Чтобы видеть его лицо, Лазарю пришлось стащить больную ногу со стула и повернуться. Острая боль пронзила ногу от голени до бедра, когда гипс гулко бухнул об пол.

– Твоя правда – мы оба облажались, – признал Лазарь. – Если бы не играли друг с другом в молчанку, уже давно сложили бы два и два.

– Сложили, – согласился Матвей, а потом сделал нечто такое, чего никогда не делал перед сном – вынул из трико пачку сигарет, вытряс одну и закурил. Затянулся полной грудью, выдохнул и сказал очень серьёзно: – Для неё теперь каждый мужик, как та горилла.

– Не мужик, а особь мужского пола. Причиндалы под плавками ещё не делают тебя мужчиной. Она должна это понять.

Лазарь неловко поднялся, придерживаясь за край стола, и потянулся за костылями. Повис на них, сделал несколько неуверенных шагов и остановился перед Матвеем.

– И ещё кое-что, что я собираюсь ей объяснить.

– Слушай, – снисходительно начал Матвей, – если ты запал на девчонку, то так и скажи. Её неделю как выписали, а ты всё катаешься к ней. Зачем? Занимаетесь психотерапией на дому? Ты на себя глянь только! Тоже мне, доктор Курпатов на костылях. Еле ползаешь, калека долбаный.

Лазарь едва сдержал улыбку – оскорбительные замечания Матвея могут быть очень забавными.

– Неплохо, но мимо. Амур здесь не причём. Всё объясняется проще.

– Да ну?

– Ну да, – Лазарь устроил костыли поудобней подмышками. – Дело в том, что Яника одна из нас. Она Эмпат.

От удивления Матвей раскрыл рот. Горячая сигарета выскользнула из губ, прокатилась по колену и шлёпнулась на пол.

– Ты сдурел... – обалдело пробормотал он. – Нет, тебе там окончательно отбили мозги.

Лазарь перенёс вес тела на костыли и раздавил тлеющий окурочок загибшей ступнёй.

– Я понял это, когда вытаскивал её из ванной. Как только притронулся.

Матвей поморщился и потянулся за новой сигаретой. Тяжёлые черты лица снова приняли это его отвратительное поучительское выражение:

– Бегуны не чувствуют Эмпатов – только сенсоры. Да и то не всегда. Для полной уверенности нужен тактильный контакт.

– Копчиковый радар здесь не причём, – возразил Лазарь. – Только логика. Подумай сам – зачем Ведущему затевать сразу две Игры, да ещё между родственниками?

– Старые адепты помогают вербовать новых, – напомнил Матвей. – Бесконечный круг жизни.

– Правильно. Вот только строить Макдональдс, чтобы заработать денег на киоск с шаурмой не слишком логично. Напеваю: девушка-подросток, которая и паспорт-то недавно получила – это киоск. Вкладывать в него деньги нерентабельно. Если, конечно, ты не знаешь, что где-то под ним спрятан лаз в сокровищницу Тамплиеров. Ну, или знаешь, что шаурма там идёт на улёт.

Матвей выглядел обескураженным и оскорблённым одновременно.

– Бред, – упрямо замотал головой он. – Тебе девчонка понравилась, вот и всё.

Главное сейчас не дать ему опомниться. Подготовить почву, выдать одним махом и сразу наутёк. Орать вслед он не посмеет, чтобы не перебудить весь дом, а бежать следом не позволит гордость. Ну, и хорошо. Не смажет концовку.

Смех распирает Лазаря изнутри, но он держался.

– Ты уверишься в этом ещё больше, когда узнаешь, что я собираюсь делать дальше.

– И что же? – крикнул Матвей, прикуривая новую сигарету.

Лазарь набрал в грудь побольше воздуха и обрушил:

– Я собираюсь забрать её у отца, привести сюда, рассказать, чем мы тут занимаемся, а потом ввести в команду и сделать одной из нас.

Не дожидаясь, пока Матвей переварит услышанное, Лазарь развернулся спиной и быстро заковылял прочь из кухни. Второпях он едва не расшибся, зацепившись здоровой ногой за косяк. И только когда костыли загрохотали по тёмной прихожей, он всё же не выдержал, дал волю чувствам и улыбнулся.

Часть 2. Самый верный брат

Глава 1. Я тебя помню

*«Кто уничтожает одну жизнь, уничтожает целый мир»
– Талмуд*

1

В однокомнатной квартирке на Вятской царил хаос. Несмотря на практически полное отсутствие мебели, в комнате буквально яблоку негде было упасть. На первый взгляд могло показаться, что вся мебель с отвращением сбежала отсюда, предварительно сблевав содержимое ящиков на пол. Эта «блевотина» валялась повсюду вперемешку с остальным скарбом, словно вслед за мебельным мятежом квартиру встряхнули на манер свиньи-копилки. Для любой приличной горничной девять ночных кошмаров из десяти выглядят именно так.

В эпицентре сего воплощения мастерской Адриана Ван Остаде пританцовывал у мольберта Лазарь. Из всей одежды на нём были только застиранные оливковые кальсоны и домашние тапки. Голый торс блестел от пота и пестрел мазками красок, словно заменял живописцу палитру. Впрочем, обычная палитра у Лазаря тоже имелась – сейчас он смешивал на ней кистью нужные цвета.

Новая мастерская очень нравилась Лазарю. Несмотря на стойкий запах старого дерева, ржавую ванную и подтекающий унитаз, он не жалел ни копейки из той суммы, что затребовали за квартиру хозяева. Иногда ему казалось, что он платил бы даже за картонную коробку изпод холодильника при условии, что в ней не будут поминутно дёргать соседи из других коробок. Не сказать, чтобы он не выносил людей, или был социопатом. Люди его интересовали. Он довольно сносно переносил человеческое общество, но лишь в умеренных, строго контролируемых дозах. При передозировке в нём постепенно накапливался, как результат побочного действия, особо едкий яд, который невозможно подолгу носить в себе. Когда этот яд заполнял все резервуары, оставалось два варианта: распылить его повсюду, как «Циклон Б», отталкивая от себя всё живое за пределы зоны поражения, или искать подходящую коробку. Впрочем, Лазарь не исключал варианта, при котором работа его ядовитых желез не была связана с людьми или их отсутствием и являлась некой особенностью организма – таким врождённым дефектом. Но эта гипотеза требовала проверки временем.

Сейчас в «коробке» играла музыка. Точнее, надрывно хрипела из единственного уцелевшего динамика в старом «Панасонике», висевшем на гвозде у ближайшей розетки. Эвис Костелло и его кавер-версия жизнеутверждающей «beautiful» Кристины Агилеры.

You are beautiful no matter what they say
Words can't bring you down
You are beautiful in every single way
Yes, words can't bring you down
Don't you bring me down today...

(Ты прекрасен – что бы там ни говорили
Слова не могут сбить тебя, нет, нет

Ты прекрасен, и каждый новый день
Слова не собьют тебя
Так что не пытайся сегодня)

Именно в такой обстановке Лазарь предпочитал творить. Музыка служила камертоном для чувств, которым предстояло излиться на холст. Верным симптомом того, что мелодия подействовала на организм, служило непреодолимое желание подпевать.

To all your friends, you're delirious
So consumed in all your doom
Trying hard to fill the emptiness
The pieces gone, left the puzzle undone
Is that the way it is

(Для всех друзей ты безумец
Поглощённый своей судьбой
Пытаешься заполнить пустоты
Но куски потеряны,
И ты бросаешь пазл, не так ли)

Лазарь пел, нет, кричал вместе с Костелло, часто фальшивя и перекрикивая музыку. Делал он это не в унисон, а нарочно запаздывая на секунду от певца. Не потому, что не знал текста – просто в таком случае он мог лучше слышать собственный голос и совершенствовать свой вокал. Как любой здравомыслящий человек, Лазарь прекрасно знал о понятии «не дано», и, как любой человек здравомыслящий, в глубине инсона ни грамма в него не верил.

No matter what we do
No matter what we say
We're the song inside the tune
Full of beautiful mistakes

(Неважно, что мы делаем
Неважно, что мы говорим
Мы – песня на мотив
Полный прекрасных ошибок)

Лазарь энергично выплясывал перед мольбертом, совершенно не заботясь о равномерном нанесении красок. Гипс сняли ещё вчера, а он всё никак не мог насладиться полной работоспособностью обеих ног.

Вообще, последние три недели выдалась странными. Богатыми на события и впечатления, но странными. По мере того, как мысли Лазаря возвращались в прошлое, кисть скользила по поверхности холста всё медленнее и медленнее. Пока не остановилась совсем.

Он думал о Янике. В миру: Екатерине Николаевне Исаковой, восемнадцатилетней студентке РИНХа с первой попыткой к суициду. Три недели назад Лазарь во второй раз познакомился с ней в центральной городской больнице имени Семашко, куда его доставил Сенсор с ушибами разной степени тяжести и трещиной в голеностопе. Для Яники это знакомство стало первым, и её привезли в больницу со вскрытыми венами на обоих предплечьях.

Травмпункт и реанимация располагались не по соседству и даже не в одном корпусе, а психосоматическое отделение, куда Янику направили через два дня после госпитализации, находилось ещё дальше. Но встретиться им всё же удалось.

– Есть несколько вещей, которые тебе следует запомнить, если хочешь поскорее отсюда выбраться, – сказал ей Лазарь в их первую встречу в больнице. Янику только что перевели из реанимации в палату. Завтра утром её ожидала приятная беседа с психиатром и участковым милиционером. – У тебя есть два пути на свободу: короткий и длинный.

Он пробрался к ней тайком, в любой момент их могли застукать. Яника лежала привязанной по рукам и ногам к кровати и отрешённо смотрела в потолок. На появление Лазаря в палате она никак не отреагировала.

– Итак, ты либо сделаешь всё, как я скажу, либо нет.

Помимо Яники, в палате лежали ещё двое под капельницами. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы понять – оба крепко спят, вырубленные лекарствами. В ту секунду Лазарю показалось, что он общается сам с собой.

– В первом случае ты быстро вернёшься домой и, если желание не пропало, закончишь начатое. Во втором загремишь в психосоматический стационар, где тебя будут долго успокаивать аминазином, вязками и мочевым катетером, пока ты не станешь пайнкой. Слушай меня внимательно и выбирай сейчас.

В стационар Яника всё-таки загремела, но ненадолго. Похоже, слова Лазаря оставили отпечаток в её памяти, хотя его визит в палату она впоследствии так и не вспомнила. Она говорила и делала всё так, как он велел.

Для начала Яника клятвенно пообещала психиатру, что повторять попытку не планирует, и с вязок её сняли. Это первое, что хотят слышать эскулапы психосоматики от человека, чьи предплечья похожи на вспаханное плугом поле.

Далее нужен был внешний усугубляющий фактор, и Лазарь нашёл его. На третий день в стационаре, в одной из бесед с врачом Яника обмолвилась о противозачаточных препаратах. Дело в том, что гормоны, которые в них содержатся, могли усилить депрессию. Это обстоятельство скостило ей срок в два раза. Купила Яника таблетки на самом деле или нет, Лазарь так и не узнал.

На третьем этапе шли власти. Участковому об изнасиловании Яника ничего не рассказала («Говоришь, синяки получила, когда поскользнулась на гололеде?»). Она вообще не упоминала отца. Никакой экспертизы, конечно, никто не проводил. Покупку противозачаточных объяснила отношениями с Кириллом – тем белобрысым на папиной тачке. Теми же отношениями (а, точнее, их разрывом) была вызвана депрессия.

Прямое попадание! Именно такого признания от неё и ждали врачи. Несчастливая любовь в анамнезе молодых суицидников является обязательным и, во многом, определяющим фактором для тамошних мозгоправов при вынесении вердикта.

Всё прошло, как по нотам. Первое, второе, третье, и уже через неделю пациентка Исакова готовилась к выписке. В больнице Кирилл ни разу не навестил её. Зато Калим – он же Калимов Николай Петрович, приходил часто. По крайней мере, до тех пор, пока не убедился, что падчерица не намерена упрятать его далеко и надолго в компанию к Аслану и Батурхану. Он даже приносил гостинцы в отделение.

Лазарь видел его лишь однажды, издалека, в день выписки Яники. Калим вышагнул на проспект из ворот больницы – такой же огромный, как и в инсоне, совершенно опустошённый и на сто процентов подвластный Ведущему. Эта пустота бросалась в глаза. Карающая длань правосудия была для него теперь, как мёртвому припарка. Никакому исправлению он уже не подлежал. Кажется, в уголовном праве таких признают «невменяемыми».

Следом за Калимом показалась Яника. Бедняжка держалась рядом с отчимом, как забитая собачонка на привязи у хозяина-живодёра. Швы на руках ещё не сняли, торчавшие из

рукавов куртки ладони были обернуты в бинты. Оказавшись на оживлённой улице, отец и дочь разделались – Калим быстро затерялся в потоке пешеходов, а Яника осталась стоять посреди улицы, и этот поток обтекал её, как ручей обтекает торчащий из воды камень.

Лазарь и Сенсор, всё это время наблюдавшие за ней из припаркованной на обочине машины, одновременно открыли дверцы.

– Привет, – сказал Лазарь, подковыляв к Янике на костылях. И заявил сразу в лоб: – Скорее всего, ты меня не помнишь, но я тот, кто вытащил тебя из петли.

Девушка уставилась на него такими глазами, что стоявший рядом Сенс не выдержал и быстро добавил:

– Фигурально выражаясь.

Так они познакомились в третий раз. С тех пор они виделись ещё четырежды, и это были самые странные четыре свидания в жизни Лазаря. Возможно потому, что на свидания в привычном смысле этого слова они не тянули и близко. Для Лазаря их встречи являлись некой попыткой сблизиться и заслужить хоть какое-то доверие перед тем, как перевернуть с ног на голову всю её жизнь. Для Яники – попыткой вернуть эту жизнь обратно на ноги.

Сначала дела шли неважно – Яника упиралась и настырничала, отказываясь признавать наличие проблемы. Но постепенно лёд отрицания треснул, и контакт налачился. Как любой человек, брошенный на надувном плоту посреди открытого океана, Яника хотела, чтобы её нашли. Лазарь считал, что сделать это нужно как можно быстрее – надолго оставаться в открытом море наедине с отчимом ей было просто небезопасно.

2

В дверь позвонили. Лазарь обтёр руки о штанины, сделал музыку тише и пошёл открывать.

В дверях стоял розовощёкий и припорошенный снегом Сенсор.

– Ну и дыра! – с ходу заявил он. – Я бы тебя на Антарктиде быстрее нашёл.

– Хорошая попытка, но я не съеду.

Затею с мастерской Сенсор категорически не одобрял, хотя и пытался всячески это скрыть. Официально он поддерживал Дару – та просто взбесилась, когда узнала, как и на что расходуются деньги Марса. Но Лазарь знал, что есть и другая причина.

Сенсор смерил прихожую придирчивым взглядом:

– Было бы откуда съезжать. Сюда и даром не каждый въедет.

– Ревность к людям унижает, но ревновать к квартире – здесь уже глубинные психологические комплексы. Не унижайся, Карлосн, ты по-прежнему лучше собаки. Хотя в том, чтобы не видеть каждое утро твою заспанную рожу есть своя прелесть.

– Значит, это ревность меня сейчас унижает? – с подчёркнутым равнодушием уточнил Сенсор. – Тогда понятно, почему ты до сих пор не приглашал меня в гости.

К сожалению, щёки Сенса разругались с мороза, и Лазарь не знал, насколько сильно зацепил его. Зато теперь он знал точно – ядовитые железы одинаково продуктивно работают как в коробке, так и вне её.

Лазарь небрежным жестом указал на комнату:

– Гардероба нет, так что не буду изображать из себя Амфитриона.

С верхней одеждой под мышкой, Сенсор замер у входа в зал и с вежливым изумлением обвёл глазами комнату. Для его педантичной натуры здешний разгром, как ножом по стеклу.

– Мог бы предупредить, я бы не разувался, – немного потрясённо протянул он. – Ты когда убирался в последний раз?

– О, он ещё впереди.

Лазарь поспешил набросить на мольберт замызганную простыню. В мире существовало всего две вещи, которые он не мог делать в присутствии посторонних – справлять малую нужду и заниматься живописью.

– Надеюсь, секретные мероприятия не затянутся надолго. Мне ещё в одно место надо, – Сенс принялся прохаживаться по комнате с безразличным любопытством посетителя анатомической экспозиции кунсткамеры. Он с интересом разглядывал вещи и обломки вещей, разбросанные на полу, многие из которых пришли из девяностых и являлись переходящим «придачным» квартиры.

– Не волнуйся, когда управимся, я сразу отправлю тебя в одно место.

– Если тебе интересно, я нашёл новую Игру, – как бы между прочим обронил Сенс. Ничего не ответив, Лазарь отправился в ванную.

Пока он приводил себя в порядок, Сенсор крикнул из комнаты:

– Мальчишка лет десяти! Никогда не понимал, зачем Ведущему ребята, которые и дорогу-то сами перейти не могут.

Затем же, зачем и пьянствующие отцы-педофилы, насилующий своих дочерей, подумал Лазарь, а вслух сказал:

– Отдай Матвею. У меня в ближайшее время ожидается нехватка времени. А чтобы копаться в мозгах малолетнего недоумка, ещё и желания.

И потом, решил он, детские инсоны – не самое лучшее место для обкатки новичков. Там содом в три раза круче, чем в этой квартире.

– Матвей занят, ему Симон подкинул шабашку. Ты же знаешь, его мои находки не интересуют. И кстати, я всё-таки предпочитаю думать, что мы копаемся в душах, а не в мозгах.

Лазарь вернулся в комнату в мятых джинсах и рубашке навывпуск. Непослушные волосы он небрежно приглаживал мокрой пятернёй.

– Существование души пока никем не доказано.

– Как и инсонов, – Сенсор аккуратно перешагнул через пыльные диванные подушки, разбросанные по полу, и остановился напротив мольберта. – «Наши проблемы не оттого, что мы чего-то не знаем, а оттого, что знаем наверняка что-то ошибочное» – Марк Твен.

Лазарь принялся вправлять рубашку в джинсы.

– Ты никогда не бывал в космосе, но знаешь, что планета круглая. Или, что на ней когда-то жили динозавры. Примерно две трети из того, что тебе известно об окружающем мире, ты узнал от других людей. С такой философией, Марк, можешь прямо сейчас отправляться на поиски края земли. Уверен, оттуда тебе откроется замечательный вид на трёх слонов, черепаху и... не трогай это!

Поздно – Сенсор уже приподнял за уголок заляпанную простыню. Кустистые брови задумчиво сошлись у переносицы.

Лазарь отфутболил валявшуюся под ногами подушку и подскочил к мольберту.

На холсте был изображён силуэт человека. Словно вырезанный из чёрной бумаги, человек замер в дверном проёме, осяянном изнутри ярко-белым светом. Одной рукой силуэт тянулся к незримой двери, которую собирался то ли открыть, то ли закрыть.

– Что там про черепаху? – рассеянно переспросил Сенсор, внимательно изучая полотно.

Лазарь забрал у него кончик простыни и снова накрыл картину:

– Собирайся. Нам пора ехать.

3

Обычно, когда он приезжал к Янике, то звонил ей на сотовый. Иногда она спускалась. Тогда они шли (ковыляли, в его случае) до ближайшей кофейни или просто на лавочку и разговаривали, пока не замёрзнут или не кончится кофе. Они могли говорить о чём угодно, но

никогда не касались темы, послужившей причиной самих встреч. Такое негласное табу вполне устраивало обоих. В конце концов, Лазарь приходил сюда не как психолог (хотя бы потому, что не имел для этого ни соответствующей квалификации, ни желания), а как вербовщик.

Если Янику не пускал отчим, приходилось возвращаться ни с чем. С другой стороны, именно благодаря отчиму с ней удалось наладить контакт. Тот, кто скажет, что самоубийцы не боятся смерти, просто никогда не бывал в их шкуре. Самоубийцам страшно умирать точно так же, как и всем остальным. Но ещё страшнее возвращаться обратно. Туда, где тебя ждут родные и близкие с одним вопросом на устах: «зачем»? В отличие от других, вопроса «зачем» Яника совсем не боялась. Лазарь прекрасно понимал, что она спускается к нему, лишь бы не сидеть дома с отчимом, поэтому приезжал всегда под вечер, когда Калим возвращался с работы.

Но сегодня всё получилось иначе. У подъезда Лазарь, как обычно, позвонил Янике, и она попросила подняться.

– Подняться? – усмехнулся Сенсор. – Вы уже зашли так далеко?

– Её «не» предок на работе, – Лазарь принялся набирать на замке старую добрую комбинацию кода. Есть вещи, которым лучше не меняться. – В разговоре используй паспортные имена. Она Катя, я Ваня, ты... ну, если назовёшься Сенсором, будет даже забавно. Запомни – она пока ничего не знает о наших играх.

– Но скоро узнает, так ведь? – подмигнул Сенсор.

Замок щёлкнул, дверь открылась.

4

На пороге до боли знакомой квартиры их встречала симпатичная рыжеволосая девушка, совсем не похожая на свой инсоновый прототип, каким его запомнил Лазарь. Со времени их последней встречи Яника похорошела и набралась сил. В сравнении с инсоновым двойником, иссушенным жаждой, истощённым ранами и опустошённым морально, это были два совершенно разных человека. Какими, по сути, они до сих пор и являлись.

– Привет, – поприветствовала она гостей и отступила в сторону. – Разувайтесь, проходите.

Ещё одним отличием от сестры-близняшки из инсона было то, как держалась хозяйка этой квартиры. Неуверенно и чуть зажато. Ничего удивительного – в своих инсонах люди действуют быстрее и решительнее, чем в жизни, ведь все решения сначала принимаются там.

Лазарь шагнул в прихожую и почувствовал лёгкий укол ностальгии. Всё здесь казалось ему знакомо, как Шурику из «Наваждения». Там кухня, там зал, а там спальня и балкон, откуда... впрочем, Джуда вряд ли когда-нибудь справлял малую нужду отсюда.

Яника уже переделась в свитер и тёплые джинсы. У стены под зеркалом Лазарь заметил небольшую спортивную сумку, набитую и застёгнутую на все молнии.

– Знакомьтесь, Катя Исакова, – Лазарь жестом указал на Янику, – Сен...

– Макс Райновский, – быстро представился Сенсор, метнув в Лазаря недобрый взгляд. – Мы с тобой уже виделись. У больницы, помнишь?

– Помню, – на щеках Яники появились две милые впадинки, и Лазарь понял, что она врёт. – Ой, Вань, тебе сняли гипс? Поздравляю!

– Я уже начал к нему привыкать, – Лазарь скользнул взглядом по кистям Яники. Из правого рукава свитера выглядывал хвостик бинта. – А вот тебя поздравлять пока рано.

Яника перехватила его взгляд и как-то устало отмахнулась:

– Порезы были слишком глубокие.

Удивительно, как легко она теперь говорила об этом. Ещё две недели назад она бы стала похожа на подавившуюся куском мяса в Макдоналдсе, упомяни он о бинтах. Лазарь поспешил поставить себе это в заслугу.

– Врачи сказали, я молодец, что резала правильно и не повредила сухожилия, – сообщила Яника и покрутила кистями. – А я-то думала, я дура.

Посетительницу Макдонолдса вернули к жизни методом Хаймлиха-Лазаря, и теперь она снова может говорить.

– Циничный народ врачи, – с усмешкой заметил Лазарь. – Ну, что – готова?

– Я собралась, если ты про это, – Яника кивком указала на спортивную сумку. – Но прежде чем я выйду отсюда, хотелось бы знать, куда мы едем и зачем. Вот почему я попросила вас подняться.

– Она ещё не знает?

В голосе Сенса скользнула нотка, подхваченная у Дары, и Лазарь сразу распознал её – упрёк. В это мгновение он снова почувствовал себя обезьяньим дрессировщиком.

Лазарь действительно ничего не рассказывал Янике о том, куда они направляются и зачем. Лишь в общих чертах дал понять, что отчий дом ей придётся покинуть надолго. Может быть, навсегда. И, тем не менее, она всё равно собралась.

Они по-прежнему торчали в прихожей, одетые в куртки, блестящие от подтаявшего снега, поэтому Лазарь предложил:

– Пройдём в комнату. Надеюсь, полчаса у нас есть?

– Найдём, – чуть подумав, сказала Яника. Она выглядела заинтригованной и, в то же время, немного растерянной. – Раздевайтесь и проходите на кухню.

5

В кухне Лазаря снова кольнуло дежавю. Комната была почти такой же, какой он её запомнил, с небольшими мажорными отличиями. Здесь не было дефицита с водой или едой, кухонная посуда находилась на положенных местах, холодильник мерно гудел компрессором. Лазарь взглянул в окно и не поверил – неужели ему хватило духу спуститься отсюда по верёвке, свитой из простыней?!

Чай-кофе Яника не предлагала. По всему было видно, что она боится расслаживаться подолгу.

– Ну, так куда мы едем? – она оперла на руки беззаботно улыбающееся личико. Вся её поза излучала неприкрытый скептицизм.

– Поедешь к нам жить, – без обиняков выдал Лазарь.

Брови девушки поползли вверх. Она обвела взглядом сначала его, потом Сенса, и улыбка стала ещё шире.

– К вам – куда? Вы вместе живёте?

Сенсор вспыхнул, как новогодняя ёлка, и разъярённо зашевелил ноздрями. Ещё немного, и он достигнет точки кипения.

– Мы не любовники, если ты об этом, – пояснил Лазарь, и Сенс заалел ещё ярче. – Что касается куда, то в Недвиговку – это в пятнадцати километрах от города. Там у нас дом. Есть крыша, кровати и даже толчок. Общежитие, конечно, то ещё – людно, шумно и всё такое. Но, как говорится, в тесноте да не в обиде, – он обвёл кухню мрачным взглядом. – Всяко лучше, чем здесь.

Яника продолжала подпирать голову руками с вежливым недоумением на лице. На мгновение оно показалось Лазарю фальшивым, как шестой палец, но он сразу отогнал от себя эту мысль.

– И что, у вас там какая-то община или секта? – шутливо спросила она. – А вы, типа, вербовщики?

Сенсор достиг точки.

– Да какие ещё вербовщики! Лазарь не так выразился...

Он умолк, запоздало сообразив, что сам выразился сейчас как-то не так.

Недоумение на лице девушки сменилось страхом. Она, наконец, подняла голову и выпрямилась.

– Лазарь? Значит, действительно секта...

А ведь она права, подумал Лазарь – мы и есть секта. Для непосвящённого человека любые уверения в обратном прозвучат так же убедительно, как откровения Джорджа Адамски о венецианских звездолётах. Без эмпирических доказательств их организация есть не что иное, как культ. По некоторым признакам даже деструктивный. Поговорка «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» в данном случае возводится в разряд правила.

– Я тебе сейчас кое-что покажу, – сказал Лазарь прежде, чем Сенсор успел раскрыть рот. – Тебя это может напугать, даже шокировать. Скорее всего, будет и то и другое. Но это многое прояснит, причём быстро и без лишней болтовни.

Лазарь протянул руку через стол и коснулся пальцев Яники. Кожа была тонкой и сухой, как папирус, будто кровь, вытекшая из её тела в ту злосчастную ванну, так и не восполнилась до конца. Яника не отдёрнула руку, и Лазарь крепко сжал её ладонь. Вот тогда она испугалась по-настоящему.

– Ты что делаешь? – она напряглась и попыталась вырваться, но хватка Лазаря была крепка. – Ваня, отпусти!

Лазарь ещё крепче сжал пальцы:

– Меня зовут не Ваня.

Удалённый контакт через прядь волос в сравнении с прямым контактом – всё равно, что телефонный разговор в сравнении с личной встречей. Погрузиться в инсон не труднее, чем войти в посудную лавку. Но сейчас он должен войти туда не один – предстояло протиснуть с собой ещё одного человека. А это гораздо труднее. Примерно так же, как тащить за хобот в лавку слепого слона.

– Вам надо соединиться.

Пальцы Лазаря быстро занемели, стало трудно говорить. Его ладонь и ладонь Яники слиплись друг с другом, как будто на каждую выдавили по тюбику супер-клея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.